Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 6

2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Натиг РАСУЛЗАДЕ. **Мой друг, Мика.** *Повесть* 3
Рашид НАГИЕВ. *Рассказы* 45
Севиндж НУРУГЫЗЫ. **Мелисса.** *Повесть* 96

ПОЭЗИЯ

Седагет КЕРИМОВА. *Стихи* 34
Евгений СТЕПАНОВ. **Точка зрения** 95
Тофик АГАЕВ. *Стихи* 132

ПУБЛИЦИСТИКА

Елизавета КАСУМОВА. **Метаморфозы кинотеатра «Феномен»** 41
Ширин МАНАФОВ. **Актер и личность** 66

Главный редактор – **Солмаз ИБРАГИМОВА**

Зам.главного редактора – **Елизавета КАСУМОВА**
Ответственный секретарь – **Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ**
Отдел прозы – **Надир АГАСИЕВ**
Отдел поэзии – **Алина ТАЛЫБОВА**
Отдел подписки и рекламы – **Джамиля ШАРИФОВА тел: (050) 772-09-41 (для СМС)**
Литсотрудники – **Ниджат МАМЕДОВ, Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА**
Корректор – **Анна КУЗЁМКИНА**

Редакционная коллегия: ***Почетный аксакал «Л.А.» Сиявуш МАМЕДЗАДЕ,***
Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос-Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ

Литконсультант – **Натиг РАСУЛЗАДЕ**

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 1.06. 2020 г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC
Тел.: 497-36-23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы редакция вносит необходимую правку.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

© «Литературный Азербайджан», 2020 г.

НАТИГ РАСУЛЗАДЕ

МОЙ ДРУГ, МИКА

Повесть

Мой друг юности, который с годами опустился до уровня приятеля, потом – просто давнего знакомого (что нередко бывает в жизни), с которым я раздружился уже очень давно, не буду вспоминать, как давно, не имеет значения… вот этот самый друг юности и молодости, с кем я учился в Москве в Литературном институте семидесятых годов, умер… скончался. И узнал я об этом совершенно случайно, от общего товарища, которого случайно встретил на какой-то презентации. Сначала я воспринял эту весть… ну, честно говоря, скорее всего, никак не воспринял, ничто не шевельнулось в моей душе, ни одно воспоминание о нашей молодости не всколыхнулось в памяти… Но прошло несколько ночей. И душа моя неожиданно заныла и затосковала, заскулила, когда я увидел во сне моего давнего бывшего друга. Я проснулся среди ночи, не включая света, посмотрел на часы в изголовье, долго смотрел, пока не разглядел время, и тут же забыл, что показывали часы; была глубокая ночь, глубокая черная ночь за окном с отдернутой занавеской, и, кажется, шел мелкий снег, снежок, не очень-то характерный для нашего города даже в зимние месяцы. Я посидел в постели, подышал спокойно, пульс был нормальный, подумал, не сходить ли в туалет, раз уж проснулся, однако продолжал сидеть неподвижно, будто удивляясь тому, что приснилось, хотя ничего удивительного в этом не было, мне часто снились умершие родные, близкие, друзья. Но увидеть именно его во сне теперь было равносильно тому, что увидеть случайного прохожего, лицо которого запомнилось днем на улице. Это я подумал, подумал… но что-то мешало мне снова лечь спать, и это что-то никак не было связано с думами, с мыслями, потому что внезапно нахлынуло в груди, да так, что сердцу стало тесно, я задышал, помассировал грудь… И вспомнил, как мы жили в Москве в те далекие, но яркие в моей памяти годы, из каких переделок – порой чудом – выходили, сколько раз и его, и меня могли бы выгнать из института, которым по молодости мы и не очень-то дорожили, а стоило бы – институт был по-своему уникален: единственный на всю огромную тогдашнюю страну. И вдруг я понял, что с уходом бывшего товарища я потерял большую часть своего сердца, что не зря моя душа неосознанно выла и скулила, вот почему, вот почему – душа ведь соображает гораздо быстрее головы.

В последние годы своей жизни он представлял собой довольно жалкое зрелище, обивал пороги чиновников, обижался, что ничем его не награждают, никакого звания не дают, и был уверен, что сам он намного значительнее, чем многие лизоблюды, близкие к руководству писательской организации, и потому получающие различные льготы и награды, а он скромно и молча стоит в сторонке, и никто о нем и не вспомнит. Хотя он не стоял в сторонке, а пользовался любой возможностью лезть в глаза руководству и не понимал, что был смешон, и за спиной у него многие над ним потешались, насмехались. А ему уже было немало лет, и, конечно, хоть он и не мог похвалиться своими заслугами, однако считал, что могли бы хоть как-то отметить и его небольшой труд, как отмечали многих и многих, мало чем от него отличавшихся. А он все это видел, переживал, обижался каждый раз, когда вновь его обходили и не вставляли в список награждаемых счастливчиков, и так, обиженный, он и ушел из жизни…

Но я вспоминал не это, а наши счастливые юные годы, когда никто из нас ни о каком списке не думал, и были нам глубоко безразличны всякие звания и награды, в которых мы, кстати, мало что понимали. Мы весело прожигали наши молодые годы, молодые жизни, время от времени, будто проснувшись после похмелья веселых деньков, встряхивались и старались немного поработать, или подготовиться к экзаменам, если приближалось время экзаменационной сессии.

Нельзя было сказать, что среди студентов он числился на хорошем счету, напротив – был довольно ограничен, ленив, равнодушен к знаниям, мало читал и писал из рук вон слабо: немножко прозу, немножко стихи, и трудно было назвать то, что он писал, прозой и стихами, и только благодаря безграничной лояльности, мягкости и мудрости нашего руководителя семинара, перед которым мы должны были периодически отчитываться о проделанной работе за истекший срок, он оставался в стенах института, в котором во все времена во главу угла ставились не экзамены, а творчество. Был забавный случай, когда пожилой, обремененный – в отличие от нас – многими житейскими заботами, проблемами, болезнями руководитель творческого семинара, проводя разбор его стихов, очень мягко, тактично произнес:

– У вас не совсем получается со стихами, уважаемый. Может, вы попробуете себя в прозе?

Не имея понятия, что уважаемый пробовал себя и в прозе, и давал читать своим сокурсникам, у которых его опусы вызывали недоумение, а то и откровенный смех. И вот прошло несколько недель, и наш приятель принес на обсуждение свой новоиспеченный (скорее – плохо испеченный) рассказ, который и огласил под общие смешки и удрученное молчание нашего мастера, который, выдержав паузу после прочтения автором своего труда, мягко, словно даже нерешительно проговорил:

– Вы знаете, я думаю, у вас не совсем благополучно с прозой… И вот ваши друзья тоже того же мнения… Может, вам лучше перейти на стихи? Как вы сами считаете?..

Тут уж мы, хорошо помня прошлый совет мастера, не могли сдержать смех. Он-то забыл. Пожилой человек, и эти несколько недель у него были полны забот и хлопот, в отличие от нас, не обремененных ничем, кроме своих молодых лет и жажды жизни, жажды как можно скорее прославиться, стать известными, востребованными. Если только всем этим можно было быть обремененными.

Но была и хорошая черта у моего друга юности – он не боялся и не обижался, когда над ним смеялись, и сам мог посмеяться над собой. И в тот раз так и случилось. Он посмеялся вместе с нами, и наверно, у нашего мудрого мастера отлегло от сердца, потому что он не любил говорить кому-то, что его работа, его труд неуспешен.

Зачем я это вспоминаю? И каждый раз обрывается тоненькая ниточка, короткая, не имеющая связи, продолжения, беспомощно повисает и приходится вытягивать новую из неряшливо собранного клубка… Да! Видел его во сне. И что же? «Все врут сновидцы…» Теперь, по здравом размышлении, в трезвом, как говорится, уме думаю, что ничего необычного нет в том, что я потерял еще одного приятеля, бывшего товарища, в моем возрасте пора бы привыкнуть к тому, что люди смертны, что люди умирают, в том числе умирают и твои знакомые, родные и близкие, и придет и твое время… И как я ни старался, я не мог повторить в себе, в своей душе то нахлынувшее и пронзившее среди ночи чувство, что заставило меня проснуться, и ощутить так реально смерть моего друга юности, будто это случилось с ним очень давно, и нам с ним по двадцать лет, и смерть его вызывает у меня потрясение, и я не могу понять, почему это случилось именно с ним, моим другом, таким еще молодым, полным жизни, веселым и глупым… И что мне теперь было делать с такой зияющей пустотой в душе, чем заполнить, если его, моего друга, некем и нечем заменить?

Москва конца семидесятых прошлого века… До сих пор для меня это выражение странно звучит – прошлого века.

Мое поколение привыкло называть прошлым веком девятнадцатый… Мы с ним зимним вечером шастаем по московским кафе на улице Горького, сейчас Тверская, ищем себе временных подружек на вечер… Мы веселы, полны оптимизма, полны хорошего, задорного, глуповатого настроения…

Я помню, когда, будучи абитуриентами Литературного, мы с ним познакомились, первое, что я от него услышал:

– Я баб люблю, – сказал он мне с таким видом, будто открывал страшную тайну.

– Неужели?! – шутливо ужаснулся я.

Но этот примитивный юмор он понял, рассмеялся от души, я его поддержал. По ходу выяснилось, что это и была его главная цель поступления в московский институт. Что ж, особым тщеславием в то время он не страдал, не стремился стать первым на курсе, скорее наоборот – не хотел выделяться, чтобы его не беспокоили, и это у него получалось. Его простота, которая была порой хуже воровства, понравилась мне чем-то, может, потому, что сам я был не такой, был пижонистым, часто неестественным, вечно кого-то изображал, кем-то хотел притвориться и был переполнен распирающим честолюбием. Мы как бы дополняли друг друга. Он хорошо мог убалтывать девушек, легко сходился, знакомился, а я при нем, как бы дополняя его, стоял (или сидел) с серьезным видом, пытаясь тоже поддерживать пустой, непринужденный разговор, но часто и слова не мог из себя выжать, так и стоял (или ходил рядом), пытаясь изобразить хотя бы вымученную улыбку на своем мрачном лице, отпугивавшем девушек, которые, поглядывая на меня, бог знает о чем могли подумать (*Еще заведут куда-нибудь, ограбят, изнасилуют, убьют!.. А-а-а! Помогите!*..)

Может, мы в те годы настолько сблизились, что он был моей половиной, лучшей половиной или худшей, неважно, но мы дополняли друг друга… Какой бы половиной он ни был, или я ни был, сейчас вдруг, после многих лет, как мы не виделись, раздружились, вдруг стало мне ясно, что уйдя, он забрал с собой эту половинку, которой мне не хватает, как человеку, позабывшему свое детство, не хватает памяти и таланта вернуться в те годы.

Он не разделял моего стремления, пока я живу в этом огромном городе, мегаполисе – в одном из самых крупных городов мира, известном высочайшей культурой и искусством, в городе, по численности населения превышающем республику, из которой я приехал – моего страстного желания повидать как можно больше (и в этом желании тоже было много тщеславия: вот поеду домой на каникулы, думал я, и буду рассказывать приятелям, что побывал в таком-то знаменитом театре, на такой-то гастролирующей выставке, на концерте известной оперной дивы), но мы с ним ходили по ресторанам и кафе, пили пиво в барах, менялись девчонками и старались в паузах между институтскими делами и заботами как можно ярче прожигать жизнь.

Общежитие ему не нравилось, и он снимал то там, то здесь, в разных районах города комнату, которую мы моментально превращали в дом свиданий, не считаясь с возражениями хозяев, и потому он недолго задерживался на таких квартирах. Я тоже не был в восторге от нашего общежития, хотя его вполне можно было бы назвать привилегированным по сравнению с другими студенческими общежитиями в те годы.

Когда пишутся подобные вещи, неизбежно и невольно происходит ретуширование прошлого, дополнение в ту или иную сторону реальности образа, порой чтобы заострить событийность материала в угоду дотошному и капризному читателю, любителю детективных романов, порой просто профессионализм заставляет приглаживать прошлое, выпирающее своими острыми углами из стиля повествования, и еще много других причин, почему в художественном произведении ускользает от автора документальная точность. Не будем привередливы. Мне необходимо познать его, хоть и задним числом, но обязательно узнать, что это был за человек, как он изменился, что происходило в его голове, в его душе? Узнав это, я могу узнать многое о себе.

Однажды, через много лет после нашего знакомства и нашей дружбы, когда оба мы жили в своем родном городе и более или менее успешно продолжали заниматься делами, он вдруг непонятным образом выбился из обычной жизненной колеи, которая уже превращалась в рутину, достал где-то денег (сам он их, как и я, не очень умел зарабатывать) и поехал на Мальдивы, места отдыха и развлечений миллионеров, на которых он вовсе не был похож ни своими повадками, ни образом существования. Я узнал об этом от нашего общего знакомого и, надо сказать, немало удивился: он был уже отцом двух взрослых дочерей, и семья его, нельзя было сказать, что жила безбедно и ни в чем не испытывала недостатка, напротив – испытывала, и множество проблем висело на нем, как на отце семейства: младшая дочь на выданье, жена часто хворает, сам фактически без работы… Но вот – сделал прорыв, забыл обо всем на свете и решил, верно, недельку пожить так, как не доводилось ни разу до сих пор.

Я поначалу недоумевал, потом, узнав, что ради этой поездки он продал кое-какие ценности, оставшиеся от покойной матери, вместо того, чтобы на эти деньги решить хоть часть семейных проблем, в душе стал осуждать его (как можно быть таким безответственным?!), но потом, подумав, решил, что он поступил правильно, и нельзя быть таким, каким я бываю в большинстве случаев, нельзя постоянно наступать на горло своим желаниям, требовать от людей, чтобы всегда их поступки были конструктивными и понятными, направленными на благо других, других жизней, а не своей…

Но все же я и все окружающие моего бывшего друга восприняли этот его поступок как нечто абсолютно неадекватное, противное его сути, его правилам и привычкам, все было перевернуто и разрушено в издавна сложившемся представлении о нем. И мне это понравилось, разрушать время от времени старый образ и возводить новый было необходимо, чтобы жить дальше, зная, что и эта неожиданная черта в тебе есть, и он это сделал. Не знаю, что происходило в его семье после, только он как-то временно притих, как-то съежился…

Он был женат на своей двоюродной сестре. Девушка по возрасту уже была близка к той черте, когда могла превратиться в старую деву, но тут мать моего друга и мать девушки одновременно взяли за бока его, запоздавшего с женитьбой, загулявшего сверх положенного срока парнишку, и стали активно уговаривать жениться на сестре.

– Как можно жениться на сестре?! – негодовал он. – Кто женится на сестрах, сестрах?! – у него была такая привычка: когда он волновался, то некоторые слова повторял дважды, впрочем, когда не волновался, тоже повторял.

– На двоюродной, двоюродной, – с двух сторон, напоминая, раздавались убеждающие голоса женщин. – Посмотри вокруг, все так делают, на двоюродных можно.

– Это сельские жители так делают, чтобы далеко не ходить, – возражал в свою очередь он. – Мы горожане, городские, родились и всю жизнь живем в городе, у нас так не принято, не принято…

– Принято, не принято, – ворчала мать нетерпеливо, привыкшая командовать в семье, как и на работе с высоты своей высокой должности. – Много ты придерживался того, что принято…

И было бы нечестно возражать, это звучало вполне логично – не придерживался, наоборот – нарушал, игнорировал, хулиганил. И потом – пора было остепениться, нагулялся с девками – дай бог всякому! Да и кузина была хороша собой, симпатичная, сексуальная белотелая пышечка, он стал приглядываться к ней, увиделся там и здесь пару раз, даже произвел неудачную попытку затащить в постель раньше положенного срока: своеобразная проверка на прочность. Нет, не удалось. Выдержала экзамен. Одним словом, женился, в плохие моменты супружества продолжая ворчать на выбранную тему: зря женился на кузине. Но пошли дети, и постепенно семейная жизнь наладилась, вошла в свое рутинное русло.

Но после этой единственной и ни в какие рамки его жизни не укладывающейся поездки (а жизнь его, несомненно, была в рамках) с ним стали происходить необъяснимые вещи. Так, например, он утверждал, что, прибыв на острова, а именно – в столицу Мальдив, город Мале, что располагается на атолле Каафу, он впал в какое-то болезненное забытье, в сон, и девять дней пребывал в этом сне, как в летаргическом, и вышел из этого состояния только за несколько часов до своего рейса, обратный билет на который был им заранее куплен. Но в то же время он детально помнил и рассказывал, как интересно, не хуже постоянного контингента богатых туристов, избравших эти места для своего ежегодного отдыха, проводил свое время, с кем проводил, что видел, какой у него был номер в пятизвездочном отеле, что подавали на завтрак и прочее, прочее. Однако нашлись люди, знавшие его и утверждавшие, что встречали моего приятеля на улицах, бродившего бесцельно, как сомнамбула, и не отвечавшего на приветствия, будто он никого не узнавал. Точно было одно – все эти девять дней он отсутствовал дома, в семье, и не было никакой возможности связаться с ним по мобильному, и ни одной весточки от него, и жена была близка к истерике, не зная, к кому и куда обратиться. Вернувшись, он, как ни в чем не бывало, опять впрягся в свои обычные будни, продолжая жить в рамках, ненадолго покинутых таким странным образом. В рамках приличия среднестатистического гражданина своей страны.

– Я так давно мечтал побывать в какой-нибудь экзотической стране, в дорогой курортной зоне, зоне, куда отправляются на отдых богачи, – признавался он в кругу семьи. – Я ведь, как вернулся после учебы сто лет назад, так никуда не выезжал, да и до института тоже… И вот я стал на работе по интернету изучать эти Мальдивы, все отели, цены, билеты на самолеты туда и обратно домой, какие виды активного отдыха предоставляют там туристам и сколько это стоит, одним словом, все, все до мелочей, мелочей. И так вжился во все, что предстояло, что еще до отъезда мне казалось, что я там уже когда-то побывал…

– Но почему же ты не предупредил меня, Микаил, не предупредил нас?.. – резонно спрашивала недоумевающая супруга, глядя на него подозрительно, будто впервые видела. – Зибейда с мужем обошли все морги города, все больницы…

– Зибейда?..

– Это моя сестра, родная… не забыл?

– А! Да, да, помню…

– Почему не сказал, что хочешь уехать? Разве мы стали бы отговаривать?

– Конечно, стали бы, – парировал он и был отчасти прав: какая жена, имея в семье столько дыр, столько проблем, разрешила бы мужу, продав оставшиеся от свекрови ценности, потратить эти деньги на подобное легкомысленное (легкомысленное, чтобы не сказать грубее) путешествие? И зачем, кому это нужно было, какую пользу от этого дорогостоящего вояжа он получил?

– Ну, нельзя же все на свете измерять полученной пользой, – вяло возразил он, уже начисто утратив охватившее его до отъезда чувства авантюризма.

– Можно, – почти хором ответили жена и дочери.

– Есть вещи, много вещей, которых мы не можем себе позволить, – резонно добавила еще жена, желая подкрепить общее возражение, и, чтобы не оставаться голословной, сказала: – Мы не миллионеры, а ты не ребенок, и должен понимать: по одежке протягивай ножки.

– А я не хочу протягивать ножки, – отозвался он хмуро. – Раз в жизни… раз в жизни…

– Кстати, говорят, тебя видели… Кто-то видел тебя за городом на прошлой неделе, – сказала жена. – Ты даже не отвечал на приветствие, старался ускользнуть незамеченным. Где ты был на самом деле?! Ты что, обманываешь нас?! Может, ты никуда и не уезжал, ни на какие Мальдивы-шмальдивы, а?

Он посмотрел на нее тоскливым взглядом, безнадежно покачал головой, не отвечая: мол, что с тобой, курицей, говорить, все равно не поймешь…

На этой ноте, пока еще минорной, и начался семейный скандал на повышенных, мажорных тональностях, постепенно разгораясь, набирая обороты, но без участия главного действующего лица, которое устало и удрученно молчало, углубившись в свои воспоминания о чудесном путешествии.

– А может, это мой двойник?.. – неуверенно пошутил он, желая поставить точку в главной и весьма опасной теме обвинения со стороны жены, теме предполагаемой измены, которая ощутимо разбухала в атмосфере квартиры и становилась все грознее.

– Очень смешно, – ответила жена, – придумал бы что-нибудь более правдоподобное.

Но, как ни странно, его шутка вскоре стала вполне реальной.

Микаил бесцельно бродил по окраине города в наступавших осенних сумерках (этот район он давно облюбовал для прогулок), когда вдруг на совершенно пустой, как из сна, улице внимание его привлек идущий навстречу человек. Он не привык оглядываться по сторонам и мало на что обращал внимание, был сосредоточен, будто постоянно о чем-то важном думал, словно какая-то глубокая мысль, засевшая в голове, не отпускала, тревожила его, но тут будто что-то толкнуло Микаила, заставив поднять голову и придержать шаг – посмотри! И он посмотрел. Навстречу шел мужчина примерно его возраста, так же одетый и… похожий на него, как близнец, даже щетина на небритом лице прохожего была точно такой же, как у него, Микаила. Прохожий, не останавливаясь, бросил на двойника мимолетный, равнодушный взгляд и, как ни в чем не бывало, продолжил свой путь. Микаил же встал, как вкопанный, и, обернувшись, не в силах оторвать взгляда от спины прохожего, качнулся невольно в его сторону, хотел догнать его. И даже спина прохожего и его походка были потрясающе похожи, и пальто, и кепка, довольно редкая в городе, которую двоюродный брат привез ему в подарок из Брюсселя! Это был абсолютный двойник Микаила. И, переборов свое чувство, перешагнув через свою воспитанность, которая диктовала ему не беспокоить незнакомых людей, Микаил пошел за ним, случайным прохожим. Но тот словно растворился во мгле. Микаил прибавил шаг, побежал по улице в том же направлении, что и его двойник, бесполезно – мужчина как сквозь землю провалился. Никаких улочек и переулочков, выходивших на эту главную магистраль, не было поблизости, чтобы прохожий мог свернуть на одну из них, двери домов были закрыты… Микаил в нерешительности потоптался на месте, огляделся в сгущающемся вечернем тумане, не понимая, зачем вообще он пошел за прохожим, и что бы он ему сказал, если б догнал, постоял немного и продолжил свой путь к остановке автобусов. Пассажиров в автобусе было мало, непонятно, из каких соображений Микаил, окидывая мимолетным взглядом, стал считать их… один, два, три, четыре… шесть человек. На шестом взгляд его задержался, и он внутренне вздрогнул от неожиданности: это был его двойник, всего лишь минут пять назад встреченный на улице. Микаил, ошеломленный, стоял посреди салона автобуса, забыв сесть, хотя свободных мест было предостаточно, стоял под равнодушными взглядами пассажиров и не мог оторвать глаз от своего двойника, единственного в автобусе пассажира, который не обращал на него никакого внимания, хотя именно ему бы и следовало обратить. Он невольно, как под гипнозом, направился прямо к таинственному своему близнецу и уселся на свободное место рядом с ним. Двойник даже не взглянул на Микаила, хотя он до неприличия долго смотрел, буквально впился глазами в странного пассажира, недоумевая, почему тот не замечает и никак не реагирует на свое зеркальное отражение рядом. Но эту пару близнецов, одинаково одетых, не замечал, как ни странно, никто из немногочисленных пассажиров автобуса, или, скорее, никому дела не было

до того, что Микаилу казалось чудом.

Дома он хотел рассказать жене о своей удивительной встрече, но вовремя понял, что такое трудно передать словами – это надо видеть, никакого ошеломляющего впечатления, на которое он рассчитывал, и какое произвела на него самого встреча, рассказ не передал бы – и отказался от своей мысли.

Ночью ему снился престранный сон, и было такое ощущение, что происходит с ним виденное наяву. К нему явился двойник, сел на стул возле кровати со стороны Микаила, достал, как у себя дома, его сигареты из ящика стола, закурил и впервые посмотрел на своё зеркальное отражение, которым на миг ощутил себя Микаил. Он вздрогнул от испуга, прижался к жене под одеялом.

– Мика, – сонно пробормотала жена, – не приставай. Я очень устала сегодня.

Посидев молча и покурив, двойник исчез так же неожиданно, как и появился в спальне. После этого, более чем странного визита Мика уже не мог спать и все мучился вопросом: зачем он приходил? Чтобы просто напомнить о себе? Ну, напомнил, и что?..

Он беспокойно ворочался в постели, встревоженный видением, вздыхал и кряхтел невольно, пока жена не прикрикнула на него, тогда он поднялся и, помня, что утром у него нет никаких дел и можно поспать, выпил снотворное, и снова лег в постель, постепенно успокаиваясь.

Кстати, при всем том, что жизнь сделала с моим другом, превратив его из молодого, пышущего здоровьем и завидной потенцией женолюба (в то время, когда родители его были живы и старались, чтобы чадо ни в чем не нуждалось и не знало отказа) в покорного отца семейства и чуть ли не подкаблучника у жены, он, Мика, не утратил интереса к женщинам, несмотря на свой вполне уже солидный возраст, когда нормальные пожилые люди довольствуются только женой и любовницей. Он не довольствовался. Напротив – старался при любой возможности не пропустить ни одной юбки, особенно те юбки, что были гораздо выше колен, будто провоцируя отцов семейств. Но ограниченность в финансовом отношении резко сузила круг этих самых возможностей. Тем не менее…

Как-то встретил он свою давнюю знакомую, с которой не виделся уже несколько лет. Завидев его, она усмехнулась.

– То годами не видимся, то каждый день, – сказала она. – Ты что же, следишь за мной?..

– Как каждый день? – опешил он.

– Вчера же виделись, – сказала она. – Уже забыл?

– Вчера?.. – он внимательно посмотрел на нее. – Ты уверена?

– Ну ты даешь! – коротко рассмеялась она. – У тебя что, подобного рода шутки появились в репертуаре? Я пока что в своем уме.

– Нет, правда, – проговорил он, словно оправдываясь, и стремясь узнать поподробнее об этой встрече. – Я абсолютно… Напомни, пожалуйста…

– Ну, хватит! – деланно рассердилась она. – Стараешься убедить меня, что у тебя преждевременный склероз?.. Если б у меня сейчас не было свободного времени, послала бы тебя к черту.

– О чем мы говорили? Пожалуйста, напомни… – попросил он таким голосом, что теперь она в свою очередь внимательно посмотрела на него, заглянула в глаза и, ничего подозрительного в них не найдя, решила сжалиться. – Тем более, что у тебя свободное время…

– Да ты мне вчера голову заморочил, целый час рассказывал о своей поездке на… на Багамы, кажется, да?..

– На Мальдивы, – поправил он.

– Вот-вот, молодой человек, ездите по всему миру, а бедной женщине только и можете, что морочить голову, – сказала она и вдруг, приблизившись, протянула руку и погладила его по небритой щеке. – Тоже решил в молодые податься? Следуешь моде? Теперь вся молодежь бородатая ходит… Наверное, чтобы их не спутали с бабами. Мужиков ведь нормальных не осталось, одни педики, – она вздохнула и многозначительно посмотрела на него долгим изучающим взглядом, в котором читались давние воспоминания.

Разговор принимал нежелательный оборот. Он рассеянно, торопливо попрощался и, размышляя о том, что только что услышал, поспешил уйти.

Мысль о своем двойнике крепко засела у него в голове и не давала покоя. Откуда он взялся, почему до сих пор он не видел его, своего близнеца, почему тот так непонятно реагировал на его присутствие, словно ничего странного не находил в их абсолютной схожести, даже бровью не повел… Почему?..

У Микаила была старая машина, «Нива», которую еще лет двадцать назад купила ему мать, поставив забавное условие: пусть бросит курить, и тогда она купит сыну машину. Микаил пошел на невольную хитрость, курить бросил, но временно, после покупки автомобиля вновь вернулся к своей давней вредной привычке. Мать, естественно, была обижена таким поведением сына, да и ему самому, честно говоря, было неловко, но бросить курить было выше его сил, рука так и тянулась к пачке сигарет и зажигалке. Теперь машина его напоминала старую лошадь, которую пора было хоронить, но в свое время он вволю покатал на ней девиц легкого поведения, как до своей женитьбы, так и после. Он давно уже не пользовался автомобилем, который создавал массу проблем и постоянно требовал то небольшого, то крупного ремонта, так что в копеечку обходился. Но иногда, желая тряхнуть стариной, садился за руль, получая истинное удовольствие от езды, от скорости, что любил превышать, от порывов ветра в открытое окно, даже от въевшегося за долгие годы в салон запаха бензина…

Машина стояла во дворе среди многих других, гораздо более дорогих иномарок и, казалось, стояла, съежившись от стыда. Он сел, завел мотор и выехал со двора, еще даже не зная, куда поедет, но уже по дороге пришла мысль поехать на берег моря, на пляжную зону в пригороде, километрах в тридцати от города. Когда он гнал по трассе, неожиданно на пустом шоссе показался человек, да так внезапно, что Микаил едва успел притормозить и, как ни старался, все-таки сбил пешехода. Тот упал перед машиной.

Но откуда, черт возьми, он тут взялся?! Будто из-под земли, из-под земли… Чертыхаясь про себя и проклиная свое невезение, Микаил стал вылезать из машины, от страха он весь одеревенел, сердце стучало так бешено, что уши заложило. Он осторожно, вытянув шею, приблизился к месту, где предположительно должен был лежать сбитый им пешеход. Но никого на асфальте перед машиной не было. И тут он услышал тихое хихиканье, не веря своим ушам, резко оглянулся и увидел человека, усевшегося на переднем сидении. Микаил, испуганно глядя на незваного пассажира, сел на свое место.

– Как вы?.. – начал и не смог закончить фразу Микаил, узнав в незнакомце своего двойника.

– Что – как я? – развязно спросил тот. – Как себя чувствую после того, как вы сбили меня, или как я очутился здесь?

– Ну, и то, и другое, – постепенно приходя в себя, проговорил Микаил. – И самое главное: кто вы такой? Откуда вы взялись? Что вы ночью делали в моей спальне?

– Я вам снился, – проговорил двойник.

– Снился, – машинально повторил Микаил, ничего не понимая. – Вы выкурили мою сигарету и оставили окурок в пепельнице…

– Это вы курили.

– У меня такое впечатление, что вы меня преследуете, преследуете…

– Это я вас преследую?! – возмутился пассажир. – Я вас оберегаю, вспомните Мальдивы… Ведь это я был там вместо вас… Но зато вы вместо меня всем направо и налево взахлеб рассказываете, как вы отдыхали на курорте миллионеров… просто вы видели все моими глазами, слышали все моими ушами, делали все моими руками, говорили моим языком, ели и пили, как вам казалось… но все это я… Вы и с места не тронулись из своего города, если уж на то пошло…

– Но как же?.. Что это вы несете?.. Чушь какая… Меня девять дней не было, жена даже ругалась, дома с ума сходили, что так уехал, ничего не сказав… А вы говорите…

– А ничего этого и не было, – парировал нахальный незнакомец. – Вы оставались в городе и никуда не отлучались…

– А деньги, деньги, что я потратил, и за что ругала меня жена?..

– Вы отдали их в долг, – напомнил незнакомец.

– Отдал в долг?.. Ничего не могу понять, – покачал головой Микаил. – Но я же своими глазами…

– Моими… – напомнил двойник, – моими глазами. Я был там, а вы оставались здесь, ушли из дома и жили девять дней у любовницы, которая наконец-то, на радость вам, развелась с мужем, и деньги дали ей… Вас и в городе несколько раз встречали…

– Да кто вы такой?! – абсолютно потерянный, все еще не в состояние понять, что говорит ему эта его совершенная копия, истерично воскликнул Микаил и резко повернулся, чтобы еще раз в упор посмотреть на близнеца.

Но никакого близнеца не было, никого не было в салоне машины. Микаил, несмотря на свою растерянность, проворно вышел из машины, обежал ее кругом, оглядел пустое шоссе, посмотрел грешным делом и под машину – никого…

И в какую-то минуту ему показалось, что все это привиделось – и сейчас, и в прошлый раз на улице, а потом в автобусе, где никто, кроме него, не заметил сидевшего рядом с ним и притягивавшего взгляд любого нормального человека своей потрясающей схожестью, а потом еще в спальне… Приснился, говорит… А значит… Что?.. Что его не было? И что сейчас его тоже не было… Что он, Микаил, чуть не сбил машиной привидение, что разговаривал сам с собой, сам с собой спорил, не соглашался?.. Голова шла кругом.

Звонок телефона вернул его к реальности. Он посмотрел на экран – звонила жена.

– Что, Лала? – сказал он.

– Ты где мотаешься, Мика? – услышал он сердитый голос жены.

– Мотаюсь?..

– Я же предупреждала, что на обед пригласила Зибейду с мужем и детьми…

– Зибейду? – рассеянно, словно припоминая, повторил он.

– Это сестра моя, не забыл? – в голосе послышались издевательские нотки. – Скоро должны придти. Так что возвращайся и купи что-нибудь к столу, что-нибудь на десерт, фрукты, пирожные… Сладкое лучше возьми в «Аззе»… И постарайся явиться до гостей…

– Кажется, у меня не очень густо с деньгами, – вяло проговорил он, копаясь в кармане пиджака.

– Ничего странного, у тебя всегда не очень густо… Но сам хотя бы не опаздывай. Подадим на десерт тебя, делать нечего…

Он не стал отвечать, выключил телефон и поехал домой. С родными, как со стороны жены, так и со своей стороны, Мика не очень был близок, не приобрел себе друзей среди родни, и с каждым годом все больше отдалялся: поначалу, вернувшись

из Москвы, он очень кичился тем, что получил образование в таком престижном институте страны, как Литературный, потом, когда страна развалилась, а он в своей республике наконец-то в сорок пять лет был принят в местный Союз писателей, он вконец загордился и стал высокомерно, свысока смотреть на своих родственников и тем паче на родственников жены, среди которых не было ни одного члена не только Союза писателей, но даже ни одного другого творческого союза, и это еще больше отдалило его от родни, которая с иронией, а порой даже издевательски воспринимала его высокомерие и нежелание сблизиться с ними: времена изменились, и теперь ценились не творческие люди, какими бы известными они ни были (тем более, что известным-то он и не был, разве что известным среди близких), а люди, умеющие зарабатывать деньги, бизнесмены, дельцы, торгаши, которых среди родственников Мики и с той, и с другой стороны хватало. Но он, Мика, не хотел принимать такой реальности и жил в прошлом, когда писатели и художники были в фаворе, хотел многого добиться в своей профессии, но мало что для этого делал, не прикладывая никаких усилий, все мечтая, что разверзнется безоблачное небо его молодости и оттуда, сверху, посыплются давно ожидаемые блага. И, все дальше отдаляясь от тех, с которыми мог бы вполне естественно сблизиться, он оставался все более одиноким. С друзьями произошло почти то же: глупо-горделивый характер Мики вконец отдалил его и от друзей, и даже от тех, с кем делил он воспоминания о прекрасных и разгульных годах учебы; каждый из этих друзей нашел свой путь и шел все увереннее по дороге, которую он, не в меру честолюбивый Мика, еще не отыскал, хотя лет ему было уже немало. И постепенно одиночество со всех сторон окружало его, и Мика так же постепенно привыкал к своему одиночеству и все больше жил в мире нереального, в мире прошлого, приукрашенного и причесанного его фантазией, его однобокой мечтой, в которой он видел себя, коего восхваляли и почитали, на вершине славы.

И вот сейчас, когда, можно сказать, он остался один, без товарищей, без единомышленников, с ним случилось такое, совершенно непонятное происшествие, его преследует неизвестно откуда возникший и неизвестно, чего от него хотевший двойник. А может, его одиночество и спровоцировало приход необъяснимого двойника?..

Однажды знакомый редактор газеты, которую тот недавно учредил и прилагал немало усилий, чтобы сделать популярной, пригласил Мику сотрудничать в молодежный коллектив, несмотря на его уже далеко не молодой возраст, понадеявшись, что с возрастом его новый сотрудник приобрел, видимо, и какой-то опыт. Да, в какой-то степени редактор и учредитель не ошибся: Мика был грамотным и в роли корректора вполне мог бы успешно справляться с работой. Но нужен был человек инициативный, с новым подходом к газетному бизнесу, тем более, что газет в республике – и популярных, и дышащих на ладан – было множество, и выделиться среди них и завоевать читательские массы было делом нелегким.

– Я полагаюсь на ваш многолетний опыт, – сказал редактор Мике. – Да и институт в Москве – это ваш козырь. Приложите максимум усилий, научите молодежь… Как видите, у нас в штате почти все молодые. Передайте им свой опыт…

Редактор еще долго говорил, видимо, плохо понимая старую истину: человек будет делать то, что умеет и как умеет, и выше головы не прыгнет, и длинные разговоры тут не требуются. Мика почувствовал прилив гордости, когда редактор упомянул об институте, выпускником которого он был, все остальное он слушал вполуха, продолжая гордиться и исподволь снисходительно поглядывая на редактора, который не имел такого блестящего образования, как он. И в дальнейшем ко всем поручениям и заданиям в редакции он относился так же крайне несерьезно, рассеянно, невнимательно выслушивал говорившего, часто попросту забывал, что надо было выполнить, и раза два получал серьезные нагоняи от главного редактора, который дважды ему повторил одно и то же.

– Еще один такой промах, и вы будете уволены, – сказал он в первый раз Мике.

– Еще одна такая ошибка, и мы с вами распрощаемся, – сказал он во второй раз.

Одним словом, долго там Мика не продержался. Даже недолго не продержался. Апофеозом его неряшливого отношения к своим обязанностям стала вопиющая оплошность, которую сотрудники в редакции потом, после ухода Мики, еще долго вспоминали, хихикая и потешаясь. Как-то пришлось несколько дней заменять заболевшего ответственного секретаря, болезнь которого совпала с кратковременной командировкой главного редактора, и Мика по рассеянности повторил на страничке телевизионных передач программу за прошлую неделю. Последовал взрыв. Больной, с температурой, ответственный секретарь от досады и злости на этого олуха рвал и метал, хрипло кричал в трубку ругательства, которые Мика воспринял совершенно спокойно, со свойственной ему сонно-хладнокровной реакцией. Но так же хладнокровно и спокойно, убедившись в его профессиональной непригодности, уволил его главный, вернувшись из поездки.

Мика стал искать работу, однако нельзя было сказать, чтобы очень уж энергично, бездельничать ему нравилось больше, чем работать. Одно сильно донимало – каждодневное ворчание жены. И он, чтобы хоть чем-то ей угодить, таскался по разным организациям, где по его предположению мог бы работать; одновременно он обивал пороги ответственных служащих, демонстрируя потрепанный диплом, стараясь хоть что-то выклянчить за свои туманные многолетние заслуги, чтобы можно было предъявить жене: смотри, мол, мы тоже не пальцем деланы.

– Какие у него заслуги? – хихикая, спрашивали ответственные друг у друга после его ухода. – Он за всю жизнь издал две книжонки, никто его не знает как писателя. За что его награждать? Пусть Союз писателей и хлопочет за своих местечковых литераторов, раз он в их составе.

К тому времени, как он надумал без всякого совета и без спросу у семьи поехать на Мальдивы, он уже тихо-мирно пребывал на пенсии и какую-то небольшую денежную компенсацию за прожитые годы все-таки получал, чтобы не было мучительно обидно за эти самые прожитые годы (как примерно говорил полузабытый классик), одна из дочерей была замужем и родила ему внука, другой все еще не могли найти пару, несмотря на то, что ей миновало уже тридцать, и несмотря на то, что среди родственников со стороны жены были довольно-таки активные в этом отношении женщины, способные женить кого угодно на ком угодно, но в данном случае с младшей пока не везло, оставалась дома; однако была весьма бойкая, практичная, пробивная (не в пример папочке), работала в нефтяной компании и неплохо зарабатывала, так что помогала семье в основном она, а не глава семьи. Одним словом – жили, как могли, как могли, так и сумели. Но жили, как он заносчиво утверждал, встречая любопытных знакомых, не хуже других, ели-пили, веселились, ходили на свадьбы и дни рождений, если приглашали, не приглашали – сидели дома, смотрели телевизор. И вот неожиданная мысль, давно мучавшая, – поехать не куда-нибудь, а на Мальдивы. Много слышал, подробно ознакомился через интернет, да так подробно, словно побывал, понравилось, одобрил в душе, в голове… И самое главное: будет, что вспоминать, когда придет пора покинуть сей мир; тогда тоже, как другие, он может сказать: да, поездили, покрутились, даже Мальдивы повидали… И так же небрежным тоном, как ни в чем ни бывало, знакомым – да, съездил тут на Мальдивы, ништяк прошвырнулся, есть что вспомнить, от души оторвался… Короче: эта мечта сбылась, правда, дома пришлось расплачиваться и еще долго терпеть ворчание жены, но дочь встала на его защиту, не обеднеем, сказала она и тем самым поставила точку в самой болезненной для матери теме: растрата семейных денег, болезненный и весьма ощутимый удар по семейному бюджету.

Кстати, о веселье, о свадьбах… Бывали, бывали приглашаемы, но порой старались из соображений экономии обходить дорогие рестораны, где и подарок с их стороны должен был соответствовать, иногда посылали только дочь, которой все же надо было выходить на люди, глядишь, и встретит свою судьбу, не дома же сидя; да и один человек и подарок должен преподносить соответственно одному человеку, а не целой семье.

Вот недавно была свадьба у близких соседей, выдавали дочь, и так как проводилось мероприятие дома, пошли всей семьей. Встретили с почетом: как же, интеллигентная семья пожаловала. Как единственному писателю на свадьбе, Микаилу единогласно предоставили право тамады, он должен был вести торжество.

С одной стороны, Мика был польщен, но с другой – предстояла работа, а не отдых, который был скомкан, к речам он не привык, да и собравшихся за столом, кроме соседей, он почти не знал, чтобы сказать в их адрес, как положено, несколько теплых слов, добрые пожелания. Но отказаться нельзя было. Первый тост присутствующим понравился.

– Я прошу всех, – сказал Мика вялым голосом невостребованного оратора. – Прошу поднять бокалы за молодых. Мы давние соседи, а близкий сосед, как известно, ближе и роднее дальнего родственника…

Ну и так далее… Он еще долго развивал эту тему, окончательно утратив остатки зыбкого чувства меры, пока все дальние родственники не затаили на него обиду. И один из затаивших, молодой человек в конце стола, успевший уже напиться, несмотря на самое начало торжества, в ответ на лестные реплики и добрые слова в адрес тамады, когда хозяин дома назвал Мику известным писателем (на что тот даже покраснел от нахлынувшего чувства гордости), довольно громко, уже заплетавшимся языком, пробормотал:

– Известный только соседям этого дома, – и звучно рассмеялся, и смех его поддержали несколько его собутыльников.

Фраза прозвучала как пощечина, и гости за столом злорадно притихли. Первой мыслью Мики было – запустить в обидчика блюдом с винегретом, но потом подумал, сделал вид, что он один не услышал оскорбления, и стал есть винегрет прямо из блюда под гипнотизирующими взглядами жены, делавшей страшные глаза. И когда за столом вновь через несколько мгновений возобновился общий говор, он продолжил возложенные на него обязанности тамады, время от времени бросая свирепые взгляды на конец стола, где обосновались хулиганы, и разрезая в мыслях своего обидчика на мелкие куски ножом для фруктов, так и лезшим в глаза из дешевой стеклянной вазы…

Мне было одиннадцать лет, когда благодаря энергичным усилиям отца наша семья из полуподвального арендованного помещения переселилась в нормальную, хоть и маленькую квартиру в хорошем, даже можно сказать элитном доме, где издавна проживала семья Мики. Да, с квартирным вопросом в те годы было тяжело, этот вопрос многих испортил, как утверждал классик мировой литературы. И поначалу Мика, его высокопоставленная мама и даже отец, что был при маме, смотрели на нас сверху вниз, высокомерно, и еле здоровались при встрече на лестничной площадке. У отца Мики эта высокомерность оказалась кратковременной и прошла, как детская болезнь, у обремененной ответственной должностью матери, видимо, была врожденной, а у моего ровесника Мики такое отношение ко мне как ветром сдуло после того, как я отлупил его во дворе, где все мы, дворовые мальчишки, играли в футбол. По крайней мере, в детстве и юности, пока мы оба не поехали поступать в институт, такое отношение не повторялось, но в дальнейшем эта болезнь, перенятая с генами матери и совершенно необоснованная в Мике, вновь подняла голову.

Во время учебы в Москве, на втором курсе, он влюбился в девушку на два года младше себя, то есть восемнадцати лет, и, позвонив домой, объявил родителям, что женится на ней. Родители, в особенности мать (так как она и была фактически главой семьи – и по заработку, и по крутому характеру, а не отец, умеренно, но с удовольствием пьющий и пропивавший те жиденькие деньжонки, что перепадали ему на таких же жидких, незначительных работенках) переполошились. Мать срочно послала отца с заданием разузнать и предотвратить, хотя мало верила в успех такой командировки. Отец, приехав в Москву, первым делом повел сына и его друзей-студентов в пивной бар, где по тем временам пиво было несравненно лучше и качественнее, чем у него в городе, и за кружкой пива стал вразумлять сына, но процесс вразумления застопорился на третьей кружке, старшее поколение быстро захмелело и стало нести чушь. Так что операция по предотвращению катастрофы позорно провалилась. Отец вернулся несолоно хлебавши, но со смаком рассказал супруге, что с девицей познакомился, и что та, несмотря на свои юные годы, слишком смекалиста и знает, чего хочет. «Большая умница и все при ней», – одобрительно заключил, сопровождая отчет о поездке красноречивыми жестами, папаша и тут же заработал звонкую оплеуху.

– Я зачем тебя посылала, болван?! – грозно насела на него жена.

И на этот раз, отложив важные дела, сама поехала, захватив родного брата (смахивавшего на ресторанного вышибалу), и вразумила-таки сына, что не след ему жениться на девице, уже в свои молодые годы бывшею в употреблении, и, по-видимому, не раз. Одним словом, сначала по-хорошему, потом пригрозили, потом пообещали, и в итоге – тревожно ожидаемое несчастье удалось предотвратить.

Несмотря на свои юные лета, девчонка-безотцовщина оказалась весьма сообразительной, бойкой и вполне самостоятельной, что и доказала, не спрашиваясь дома и забрав немалый куш за услугу у крутой тетеньки, с удовольствием отбыла в неизвестном направлении, пообещав не показываться в пределах видимости моего наивного, по уши влюбленного друга. Получив хрупкое обещание, что собиравшаяся на курорт попрыгунья исполнит данное слово, и очень надеясь, что благодаря своему разбитному характеру девчонка обязательно заведет с кем-нибудь курортный роман по прибытии в пункт назначения и позабудет её плохо управляемого сына, несостоявшаяся свекровь, тем не менее, сочла не лишним напутствовать её серьезным предупреждением.

– Ты знаешь, милочка, – ласковым голосом, абсолютно не вязавшимся с её грозной, внушительной внешностью и застывшим свинцовым взглядом, произнесла мать влюбленного олуха. – Знаешь, что я с тобой сделаю, если ты не выполнишь обещания?

Не вдаваясь в подробности, сообразительная девчонка моментально догадалась и, испуганно покивав, поспешила ретироваться. Больше её не видели.

– Ты не представляешь, как я её любил, – признавался мне мой друг, через несколько лет, когда, закончив учебу в институте, мы вернулись в свой город и искали свое место под солнцем (я – энергично, он, все еще надеясь и уповая на влиятельную мамашу, – довольно вяло). – Надо было мне на ней жениться. С ней я был бы счастлив. Я так её любил!.. Так нежно любил… Так нежно… огромные залежи нежности обнаружились в душе моей тогда… как нефть в арабских эмиратах…

Да, он порой любил так вычурно, не в тему выражаться. Но говорил правду. Иногда мне казалось, что солгать, придумать, нафантазировать – ему не хватало воображения, но каждый раз убеждался, что это не так, видимо, ему просто было лень врать и придумывать.

Мы сидели в пивнушке-стекляшке на бульваре, подходил к концу девятый десяток прошлого века, подкрадывался, коварно тая в себе множество событий, всколыхнувших огромную страну, наш город и наши жизни; но мы, ничего не подозревая, спокойно пили пиво, с удовольствием вспоминали, как пили пиво в московских барах в студенческие годы; и как раз было место и время для таких признаний, которые он тоскливо изливал на меня, а я вполуха слушал, рассеянно озираясь по сторонам. К тому времени он уже был женат, мой нетерпеливый друг, и, как оказалось, не совсем был доволен, хотя жена уже находилась на сносях, и скоро наш ловелас, плывущий по течению жизни, как бревно (может, скорее – как щепка?) должен был стать отцом, отцо-ом, что меня лично пугало, верно, потому, что я, в отличие от него, заранее представлял, какая это большая ответственность, и боялся её, этой ответственности.

– Однажды мы, – начал он рассказывать, и я уже заранее знал, что услышу это в сотый раз, что бы он ни рассказывал, потому что мы, многократно встречаясь, переговорили обо всем, что только можно было вспомнить. – Однажды мы отправились в кинотеатр повторного на Никитских, я с ней и Илюша со своей женой, он тогда уже был женат, и Сева, его жена, ждала ребенка, совсем заметно было, кажется, на шестом месяце… Я тебе рассказывал?..

– Нет, – невозмутимо ответил я как ни в чем не бывало, хотя слышал этот эпизод раз десять, но я знал: ему надо выговориться, зачем мешать, тем более, что мне тоже много чего хотелось повспоминать, и я, чтобы подкрепить свое «нет», энергично помотал головой. – Не слышал.

– А, ну вот, – обрадовался он, помолчал, призадумался и забыл. – О чем это я говорил?

Мы были уже достаточно выпившими, еще не пьяными, но уже в той степени захмелевшими, что подобные провалы в памяти казались вполне естественными.

– Ты сказал, – стал я напоминать, – Сева была на шестом месяце… Беременна…

– Беременна?! Не может быть! – недоверчиво посмотрел он на меня. – От кого?

– Ну… – задумался я. – От мужа, наверное…

– Ах, да! Конечно! – обрадовано подхватил он, видимо, вспомнив, о чем хотел поведать, и, улыбаясь, шутливо погрозил мне пальцем. – Наверное… А ты циник. Конечно, от мужа, от кого же еще!? Сева хорошая девочка, я с ними иногда созваниваюсь.

Мы выпили за Севу и за то, что они иногда созваниваются, и он продолжил.

– Так вот, мы вчетвером пошли в кино, а там шел сеанс мультиков, взяли билеты, вошли… ты знаешь, нам все равно было, что смотреть, потому что всем нам было хорошо вместе… А ты где шлялся? Или сидел за своей машинкой и писал, как крыса?..

– Не помню… Валялся где-то… Ты не отвлекайся, очень интересно, – и так как я был уже далеко не трезв, фраза прозвучала вовсе не издевательски. – Что там было дальше?

– Ты знаешь, мы, четверо взрослых людей, смотрели детские мультфильмы и от души смеялись, но не потому, что на самом деле смешно, а потому, что нам было хорошо вместе. Потом, когда мы вышли из зала, завязалась драка, какие-то нехорошие ребята стали приставать к моей девушке, к Соне, ну, ты её помнишь, наверное…

–Да?.. – поднял я на него мутный взгляд. – Соня, Соня… Ах да! Это та, что, уходя рано утром пьяная, по ошибке в темноте надела твои трусы?.. А там твоя мама зашила в карманчике деньги, отправляя тебя после каникул… Помню, а как же… Ты тогда такой хай поднял…

– Да нет! – рассердился он и, досадуя, стал объяснять. – Это было в другой раз, в другой раз, и не с Соней, а с парикмахершей, ты все перепутал! Соня… это… Соня! Понятно? И она никогда бы не надела мои трусы… Что у ней, своих трусов нет?!

Я ей, между прочим, такие трусики покупал, что их и снимать не поднималась рука…

– Мы о трусах будем говорить или ты, наконец, расскажешь, – напомнил я. – Давай выпьем за это…

Мы выпили. Он горестно покачал головой.

– Надо было мне на ней жениться, она такая, такая была… Но бросила меня, зараза, уехала куда-то, ничего не сказав, а потом и вовсе исчезла из моей жизни… Надо было мне на ней жениться…

– Конечно, – заплетающимся языком проговорил я. – Тем более, такие трусики…

– При чем тут?!... – возмутился он и, кажется, даже немного отрезвел от возмущения, а немного отрезвев, вспомнил, что хотел рассказать, и продолжил: – Ну, значит, вышли, а эти придурки стали нас задевать. Я ввязался в драку, вмешалась милиция, нас всех забрали в отделение, нас четверых и этих троих сучат…

– Всего, значит, семь, – подытожил я, немножко гордясь про себя, что так точно подсчитал.

– Да. А я совсем забыл, что в кармане у меня был кастет, я даже не успел вытащить его при драке, и слава Богу…

– Слава Богу, всегда уповай на Бога, – я встал из-за стола и низко поклонился неизвестно кому, чуть не вызвав у себя приступ тошноты. Проходившая мимо официантка отпрянула от меня.

– Если будешь придуриваться, вообще не буду рассказывать, – вдруг неожиданно трезвым голосом сказал Мика.

Я удивленно уставился на него.

– Что ты, продолжай… – сказал я. – Безумно интересно, чем закончится.

Но он, видимо, потерял охоту рассказывать и быстрой скороговоркой закончил:

– Ну, взяли нас всех, слава Богу, не стали обыскивать, выручил живот Севы…

– Животы всегда выручают, – подтвердил я, стараясь, чтобы ему понравилась реплика.

– Увидели, что она беременна, отпустили. А тех троих нет, стали им вправлять мозги. Вот и вся история. Но зря… – он удрученно замолчал.

– Что зря? – поинтересовался я.

– Зря я на ней не женился, не женился, – ответил он.

– Твоя мама мне тогда говорила, – вспомнил я, чтобы хоть как-то успокоить его, – что если бы ты на ней женился, это было бы настоящей катастрофой… Несчастьем, несчастьем… – сказал я шутливо, переняв его привычку повторять без надобности отдельные слова

– Несчастьем, – повторил он, взял свой стакан и, не приглашая меня выпить с ним, опрокинул его в глотку.

– Мама у меня очень умная, – сказал он. – Министерская голова! Она все знает: что, кому и когда надо сделать. Но это моя жизнь… Вот этой простой вещи она не может понять… – он горько усмехнулся. – Несчастьем, говоришь?..

– Да, – кивнул я, – говорю.

Но подобные несчастья время от времени повторялись. Мика вообще был по натуре очень влюбчивым и, влюбившись, становился совершенно слеп, что и характерно для всех страстно влюбленных, не видел очевидных вещей или не хотел видеть, создавая, как всегда, свой собственный мир, со своими правилами и законами, вернее – без правил и законов. Но на этот раз дело было гораздо серьезнее, чем прихоть молоденького, неопытного в житейских делах студента. Он уже был женат и первому ребенку только исполнилось три года, а второй уже был на подходе – ничего не поделаешь: Мика любил детей, не считаясь со своими возможностями. Кстати, возможностей как раз в ту пору было немало – и мать помогала, и со стороны родителей жены оказывалась ощутимая помощь, видимо, скрепя сердце смирившихся с

тем, что зять оказался в житейском плане весьма и весьма никчемным и, следовательно, надо помогать, ничего не поделаешь – не кто-нибудь, а муж родной дочери, отец внучки. И вот этот муж родной дочери и отец внучки, позабыв все на свете, без памяти влюбился и, чтобы далеко не ходить, влюбился в соседку, что была замужем и жила в том же подъезде этажом ниже. Мика с женой уже жили, как говорится, своим домом, отдельно от высокопоставленной мамы, которая и преподнесла как свадебный подарок квартиру своему сыну и невестке. Он признавался матери, во все времена бывшей ему, единственному чаду, близким другом и старавшейся потакать всем его прихотям:

– Мама! Я так люблю её!.. – говорил он, чуть не плача, уткнувшись головой ей в подол.

Мать, сидя в кресле, машинально, но в то же время любовно гладила чадо по голове, прикусив губу и усиленно размышляя, как можно выйти из этого положения хотя бы с минимальным позором и сохранить семью сына.

– Вот сейчас, ты поверь мне, я все время думаю о ней, как она там, покушала, не голодная, муж её не обижает?.. О-о! Когда я вспоминаю о её муже, у меня от злости кровь закипает в жилах…

– Я понимаю тебя, – кивала горестно мать, раздумывая, как, оставаясь его сторонником, в то же время стать его противником, объявить ему войну, и тихо, исподволь, после продолжительной осады все-таки разрушить упрямую крепость, чтобы сын снова вернулся к нормальной жизни, которая в настоящее время уходила у него (и вместе с ним и у нее) из-под ног. Она панически боялась позора, скандала, понимая, что позор и скандалы, связанные с её именем, моментально отразятся на её карьере, на престиже, на её высокой должности, и многочисленные завистники и недоброжелатели не преминут воспользоваться подобной брешью в её безупречной репутации, чтобы скинуть её с Олимпа, к которому она терпеливо шла долгие годы, и обжила этот самый Олимп, как собственную спальню, умело пользуясь всеми его благами. И она, как ей казалось, нашла единственно верное решение. Втайне от сына, когда муж соседки был на работе, она явилась с визитом к молодке, опытным женским взглядом оценила её прелести, что выпирали из домашнего халатика, и стала её инструктировать. Соседка, с симпатией относившаяся к Мике (что им было раздуто в своем воображение до желания взаимности с её стороны), внимательно выслушала уважаемую женщину и уверила её, что ни о какой взаимности между нею и Микой и речи быть не может, что она нормально живет с мужем, ну, конечно, всякое бывает, и раздоры, и скандалы, вот разве только ребенка который год у них нет, но в остальном все как у людей… А с Микой она порой общается, когда выходит из дома и встречает его на улице или во дворе, но ей даже в голову не приходило, что он испытывает к ней какие-то чувства…

– Тогда я вас попрошу, милочка, – сказала мать Мики. – В следующий раз, когда вы его встретите на улице или во дворе, поговорите с ним так… так… – женщина поискала нужные слова и после паузы закончила, – чтобы отбить у него всякую охоту, чтобы он перестал надеяться, что у вас с ним может что-то наладиться… Вы можете мне обещать это?

Девушка пообещала и обещание свое сдержала в ближайшее время. Когда Мика, явно ожидавший её выхода во двор, стоял возле своей машины и нервно курил четвертую сигарету, она, выйдя, сама подошла к нему. Он, завидев её, заулыбался до ушей.

– Салима-ханым, – сказал Мика, лучезарно улыбаясь. – Я вас подвезу, куда скажете, садитесь, пожалуйста, мне все равно делать нечего…

– Да, я вижу, что вам делать нечего, – сердито ответила соседка. – Я замужняя женщина и, если это вас интересует, люблю своего мужа. И прошу вас оставить меня в покое и никогда больше не подходить ко мне…

– Что вы! – опешил Мика. – Я же из добрых побуждений…

– Не подходите ко мне – ни из добрых побуждений, ни из злых, – отрезала она. – Не то я пожалуюсь мужу. И он прекратит все ваши побуждения. Мой муж, вам наверное известно, – тренер по борьбе, так что держитесь от нас подальше. У вас семья, ребенок, как можно быть таким безответственным?! Вот, кстати, ваша жена смотрит на нас с балкона, идите к ней и занимайтесь своей семьей вместо того, чтобы без толку околачиваться во дворе…

Мика хотел ей ответить, может, что-то грубое, может – язвительное, высокомерное, а может, грубо-язвительно-высокомерное, но ничего не приходило в его голову литератора с высшим литературным образованием. Его хватило лишь на презрительный – сверху вниз – взгляд, отработанный на многих ничем не заслуживших такого взгляда людях, что лишний раз доказывало, что он был и остается маменькиным сыночком. Однако поступок соседки отрезвил его, как пощечина, и он, стараясь теперь находить в ней только неприятные, грубые, плебейские черты, постепенно забыл о своей влюбленности и вошел, как лошадь, в старую колею. Продолжал плыть по течению и жить воспоминаниями и мечтами, а не реальностью.

Но на этом его любовные истории не кончаются. Забегая назад, в то время, когда нам было примерно по пятнадцать лет и мы учились в разных школах (он – в элитной, я – в обычной) из его дальнейших рассказов, когда неоднократные возлияния в студенческие годы сдружило нас, я узнал о самой, может быть, сильной, но далеко не первой любви моего друга в этом подростковом возрасте. В пятнадцать лет он страстно влюбился в белокурую одноклассницу и возжелал на ней жениться. Но так как он был неприметным, чрезмерно и противно прыщавым мальчиком, пожалуй, самым неприметным и самым прыщавым в классе, то, естественно, был отвергнут. Он, нормально разговаривавший со всеми другими девочками из своей школы, при виде её немел и не мог связать и двух слов. Это тоже, конечно, сыграло свою роль, девочка стала относиться к нему, как к дурачку, и не преминула даже издеваться над таким простачком в кругу подруг, а порой и прямо в лицо, посылая его за мелкими поручениями, что он охотно и немедленно исполнял, как собака, посылаемая за брошенной палкой. Но в итоге, несмотря даже на такое послушание, был отвергнут – очень уж внешность имел непривлекательную; и порой девочка, очень эмоциональная и импульсивная, не могла сдержать брезгливой гримасы, когда он слишком близко подходил к ней, и она отчетливо видела множество гнойных прыщей, безобразивших его лицо. Разумеется, о том, чтобы целоваться с таким уродом (как уже делали со своими избранниками некоторые её подружки, тайно доверявшие друг другу свои любовные истории), и речи быть не могло. Одним словом, после долгих мытарств, когда он, стараясь держаться на расстоянии, провожал её после школы, неся её и свой портфели, когда он до смерти надоел своим друзьям признаниями, предназначавшимися ей, когда он из-за своей преданной, отвергнутой любви сделался посмешищем среди всего класса, когда даже учителя, в основном женщины, с сочувствием смотрели на него, не в силах представить эту красавицу блондинку с таким прыщавым, противным – брр! – юнцом, тогда он, наконец, не выдержав, признался маме…

– Мама, я так её люблю, – говорил он, плача, уткнувшись в её колени. – Я с ума схожу по ней…

…признался маме, которая всегда его понимала, что хочет жениться на однокласснице, потому что никогда уже не встретит такую необыкновенную девушку, и мама переполошилась и стала лихорадочно соображать, чем могла бы в такой сложной даже для неё ситуации помочь своему единственному чаду (и в конце концов сообразила), когда он, уже окончательно потеряв всякую надежду на взаимность со стороны объекта любви, в особо критическую минуту депрессии, вообразив, что

жизнь его окончилась, сделал даже неловкую попытку суицида в туалете на бельевой веревке, но упал и расшиб лоб (что, однако, несколько отрезвило вешавшегося), и мама была срочно вызвана перепуганной домработницей с работы во время важного заседания… после всего пережитого им самим и мамой (в отличие от хладнокровного, почти всегда под хмельком отца, который ко всему происходящему в доме относился равнодушно, заранее уверенный, что жена все уладит), опять же мама, дорогая мамочка, милая, любимая мамочка, в какой-то степени и в самом деле уладила эту неприятную, драматичную любовную историю сына обычным старым приемом: охладила его страстный любовный пыл еще более страстным. Старая домработница, прослужившая в этом богатом доме уже около десяти лет, была под каким-то предлогом тактично и временно уволена хозяйкой (тактично и временно потому, что за долгие годы, вполне естественно, стала почти членом семьи, многое знала и могла разболтать, потому ей, можно сказать, просто дали отпуск), а её место заняла новенькая – молодая, смазливая, с пышными формами девица, которая в уборке квартир весьма и весьма уступала старой домработнице, но кое в чем другом могла дать фору многим разбитным девицам, ищущим легкого заработка. Заработок ей был обещан очень даже щедрый, с условием, чтобы она и близко не подпускала к себе мужа хозяйки, чего, несомненно, подлец, будет домогаться, но мальчиком занялась бы всерьез и профессионально. Мальчик, конечно, был в восторге, вкусив запретный в его возрасте плод; по первому делу немного напуган, очень неловок, но инструкторша попалась высокопрофессиональная, так что буквально с первого раза, когда они остались одни в квартире, он позабыл все на свете, был в восхищении, был потрясен и был воскрешен. Что и требовалось доказать. Девица, проработав таким образом месяца три, была щедро награждена (не орденом, деньгами) и, довольная, покинула гостеприимный дом, к досаде отца семейства, так и не вкусившего от щедрот обильной телесами молодухи. А Мика стал другим человеком, что часто и происходит с неопытными юнцами, ставшими мужчинами, обычная история. Теперь он вполне оправданно заносчиво смотрел на своих сверстников в школе и со снисходительной усмешкой слушал их фантазии на тему любви, секса, встречи с проститутками, но сам (что интересно и не очень характерно для юнцов, прошедших через свою первую физическую близость с женщиной), не любил распространяться по поводу новоприобретенного опыта. И, кстати, прыщи вскоре прошли, и вместе с ними прошла каждодневная нервотрепка, когда перед зеркалом он с содроганием и ужасом рассматривал свое изрытое гнойниками лицо, яростно выдавливая их, протирая ваткой с тройным одеколоном, прикладывая к сочившейся сукровице крохотные кусочки бумажных салфеток и ожидая, чтобы засохли расцарапанные места, чтобы отправиться в школу. Прыщи испортили ему юность, пожалуй, самую ценную часть жизни для влюбчивых мальчишек. Он, как избалованное дитя, доходил до истерики перед зеркалом, готовый содрать кожу со своего лица. Видя, как мучается родное чадо, мать обратилась за советом к своему косметологу, опытному врачу.

– Это у него переходный возраст, – сказала женщина, внимательно, профессионально оглядывая кожу на щеках давней пациентки. – Крем, пожалуй, временно прекратите… А мальчик… Ничего страшного. Многие мальчики в его годы прыщавые…

– Я не за тем пришла к тебе, милочка, чтобы услышать то, что уже знаю, – бесцеремонно прервала её, как свою домработницу, высокопоставленная особа. – Посоветуй. Может, переливание крови, или есть другое, менее радикальное средство…

– Время, – сказала покорно милочка, абсолютно не обидевшись на грубое обращение выгодной клиентки. – Потерпеть…

– Это как раз то, чего он не умеет, – сказала мать и наградила милочку одной из новеньких купюр из сумочки.

Но после того, как исчезли фурункулы и прыщи, когда он приобрел, хоть и не-

большой, любовный опыт, желание жениться на белокурой красавице резко охладело, и теперь он смотрел на нее другими глазами, оценивающе смотрел и находил в ней не только внешние достоинства. И первая любовная практика явилась для Мики радикальным средством для избавления от стеснения и робости, у него развязался язык: теперь он не только разговаривал вполне раскованно с недавним объектом своей любви, но и смотрел на неё снисходительно, сверху вниз. Одним словом – победила мама, добившись, как всегда, своего, хоть и скрепя сердце: не хотелось бы, конечно, прибегать к подобной практике для сына в его юном возрасте, но делать было нечего – попытка суицида со стороны слишком импульсивного, эмоционального единственного чада не на шутку напугала её.

Таким образом, мой друг постоянно влюблялся, и множество влюбленностей в его жизни было, пожалуй, главными вехами, главными моментами, без которых он не мыслил, не помнил, не хотел видеть свою жизнь.

У него была буйная, необузданная фантазия, которая странным образом не находила своего применения в его писательской деятельности: то он воображал себя гуляющим по Пляс Пигаль в Париже, то посещавшим квартал красных фонарей в Амстердаме, то ездил по экзотическим странам Латинской Америки, то вот Мальдивы… поди теперь пойми, на самом деле, или опять же инертность характера, мешающая сдвинуться с места, лень и склонность к хроническому ничегонеделанию позволяли в то время, как он сидел дома, разгуляться его фантазии, основанной, кстати, на хорошей информированности: он любил такую информацию о странах и городах мира и скрупулезно изучал, заимствуя из разнообразных справочников и Интернета. Когда у него спрашивали, откуда у него такая точная информация, если он дальше своего дома нигде не был, он загадочно отвечал: «При желании все можно узнать», и было непонятно – бывал или не бывал, ездил или не ездил… Я не раз убеждал его попробовать себя в жанре фантастики, на что он заносчиво отвечал:

– Я реалист и останусь реалистом в своем творчестве…

И смотрел на меня вызывающе и презрительно, будто я призывал его стать педерастом.

Он был очень наивен и доверчив, мой друг Мика. И эта наивность осталась с ним навсегда, до конца жизни. Будучи студентом, он охотно давал взаймы, кто бы ни попросил, а сам никогда не одалживался – такой у него был принцип. Из дома ему раз в две недели, как зарплату, посылали почтовые переводы, так что он ни в чем не нуждался, стипендию получал, и по своему характеру умел обходиться самым малым, так что редко когда у него был дефицит денег. Все это знали и по студенческой привычке перехватывали у него по мелочам до стипендии, он охотно выручал, часто забывал, но возвращали аккуратно. Однако и среди голодных студентов порой попадались лукавые проходимцы, готовые поживиться за чужой счет. Один из них, парень курсом старше, попросил как-то у Мики в долг, но большую сумму, чтобы купить билет на самолет.

– Мне домой, в Харьков надо слетать, – сказал парень. – Срочно. Жена заболела, – и товарищ по институту сделал жалостливое лицо, чтобы доверчивый Мика поверил, что не обманывает. – Вот, телеграмму прислала, – парень покопался в карманах, но так и не вытащил телеграмму, чтобы предъявить, – Мика, я на три-четыре дня, вернусь – отдам.

Это был как раз один из редких случаев, когда денег у Мики не оказалось, часть он раздал товарищам в долг, часть потратил, а накануне справил мой день рождения в дорогом ресторане, не позволив мне расплатиться.

– Мне только послезавтра пришлют из дома, – с виноватым видом сказал Мика, ему стало неловко, что не может выручить товарища. – Честное слово – нету…

– Я уже у нескольких ребят просил, все на мели, – удрученно признался товарищ, и вдруг внимательно-оценивающе посмотрел на новенькую шапку на голове у Мики. Это была дорогая ондатровая шапка, которую ему прислали из дома, теплая, удобная, и к ней Мика уже за несколько дней ношения очень привык.

Мика тоже поднял глаза вверх, куда смотрел товарищ, но шапки не увидел. Они стояли у дверей общежития, шел мелкий снег, морозец ощутимо щупал Микин нос и тщательно выбритые щеки, от него пахло дорогим одеколоном, который в те годы трудно было достать – мама, пребывавшая на видном государственном посту, хорошо зарабатывала и Мику баловала. Товарищ принюхался, приблизив нос к Микиным щекам.

– Хорошо пахнешь, – констатировал он, нанюхавшись. – По бабам ходил?

– Да, – честно признался Мика. – Ходил.

– Да, незадача, – грустно проговорил товарищ, снова мельком глянул на шапку и неожиданно предложил. – А давай твою шапку продадим, а? Выручишь, старичок, ей-богу…

– Как? – удивился Мика. – У меня другой нет. Мне же холодно будет. Я мороз не переношу, заболею…

– А я тебе свою кепку дам, – предложил товарищ, снимая потрепанную кепку с головы таким жестом, будто дарил соболью шубу. – Носи на здоровье! Я мороза не боюсь.

– А как продать? – спросил Мика, уже обдумывая этот вариант, как единственный: отказать ему не представлялось возможным, очень хотелось выручить товарища.

– Сейчас поедем на «три вокзала», там у меня спекулянты знакомые постоянно ошиваются, помогут, – обрадовано сообщил парень, поняв, что уговорил этого олуха. – Ну, спасибо, старичок, выручил. Я потом все верну…

Они сели в автобус и поехали продавать шапку, что весьма проворно и проделали. Там были цыгане, завидев Микиного товарища, они подбежали, окружили двух приятелей-студентов, стали щупать и нюхать шапку, мимолетно глянув на хозяина шапки, тут же сообразили, с кем имеют дело, и в итоге выторговали шапку примерно за треть цены, что она стоила, но зато их женщины бесплатно погадали Мике по ладони и объявили, что его ждет дальняя дорога, большое богатство и удача в любви. Товарищ, забрав деньги у радостно улыбавшегося Мики (было непонятно, хватит ли их на авиабилет), прямо там и распрощался с Микой и поехал к своей любовнице в Раменки, причем, поехал на такси, а Мика в потрепанной кепке, без копейки денег вернулся на автобусе в общежитие, чувствуя, как мороз холодит темя сквозь потертую ткань головного убора, которому затруднительно было бы присвоить такое благородное звание после дорогой ондатровой шапки. Долг товарищ возвращал по частям, неаккуратно, и вернул в итоге не все, однако этот случай, как и многие другие, когда Мику явно обманывали, не научили его быть хоть немного практичнее и хитрее, ему лень было быть хитрее. Но не всегда мой друг был так глупо наивен и непрактичен, в некоторых делах он проявлял очень даже неплохую смекалку и жизненный опыт, впрочем, учитывая его далекую от житейских проблем, спокойную жизнь, неизвестно откуда почерпнутые. Множество совершенно непохожих, полярно отличавшихся черт характера сосредоточилось в моем друге, и, как ни странно, все они довольно комфортно уживались, не вступая в противоречие, внутри одного человека – в душе незадачливого моего друга Мики.

Ночью в кромешной тьме спальни у него сквозь чуткий сон вдруг появилось ощущение, что кто-то на него смотрит. Мика в страхе открыл глаза и увидел в изголовье кровати своего двойника, вздрогнул от неожиданности и, отдышавшись, спросил шепотом, чтобы не разбудить жену, спящую рядом:

– Ты опять?! Что ты… что вы меня преследуете?! Что вам надо?!

– Неужели непонятно? – спокойно отозвался двойник. – Хочу помочь тебе справиться с этой жизнью.

– Не понял, – проговорил Мика, бросив испуганный взгляд на жену, что-то неразборчиво пробормотавшую во сне.

– Справиться с этой жизнью, – тоже тихо, чуть ли не по слогам, как говорят со слабоумными, повторил двойник. – Ты плохо приспособлен к жизни.

Мика невольно усмехнулся в темноте, сам не понимая, кому адресована эта усмешка.

– Ну, в таком случае, – произнес он тихо и таким же тоном, как и его двойник, будто желая отплатить ему за оскорбительный тон. – Ты опоздал лет на шестьдесят… Надо было начинать, когда я был еще ребенком…

– Но ты наконец должен узнать, что из себя представляешь, потому что ты живешь в нереальном мире, ждешь, когда что-то хорошее и незаслуженное тобой само по себе, без твоего участия, случится, а ты будешь пожинать плоды…

– Мои родители, видимо, неправильно воспитали меня, – проговорил Мика, желая побыстрее избавиться от нежеланного гостя, этот разговор был противен ему, тревожил и беспокоил, слова двойника обижали и оскорбляли. – Особенно мама, она до конца своих дней, как умела, потакала моим желаниям… Бедная мама…

– Родители… Мама… Сейчас легко все сваливать на родителей… А сам ты? Посмотри, что из тебя получилось…

– А что получилось? – спросил Мика, явно заинтересованный, ожидая, что двойник скажет что-то новое, неожиданное, что никогда не приходило ему в голову.

– Ты уже пенсионер, а гордишься тем, что сорок лет назад окончил престижный вуз, в который ты, кстати говоря, буквально чудом просочился. Время поменялось, ценности поменялись, ты не хочешь понять этого и все ждешь, чтобы жизнь приспособилась к тебе, как поступают глупцы, вместо того, чтобы самому стараться приспособиться и найти свое место в этой жизни…

– А я нашел! – живо отозвался Мика, перейдя с шепота на полный голос, не в силах сдержать возмущения. – Я член Союза писателей.

– Да чихать хотели сейчас на этот ваш союз, – тоже ровным шепотом напомнил двойник. – Посмотри на себя: ты ничего не добился, ты бесхарактерный, неоправданно высокомерный, у тебя нет силы воли, чтобы что-то изменить в своей жизни, ты способен удержаться только на той работе, где можно ничего не делать, но даже там ты не можешь преподнести себя должным образом, чтобы тебя уважали…

– Плевать мне на их уважение, – сердито прошептал Мика.

– Вот-вот… Ты и доплевался. У тебя нет близких друзей, ты утратил все связи, что мог бы использовать в своих целях, ты абсолютно недальновидный и не видишь дальше своего носа… Тебе и твоей семье сначала помогала мама, потом она передала эстафету родным твоей жены, и они заботились о твоей семье, считая тебя законченным бездельником…

– Плевать мне, что они считают…

– Ты и как писатель ничего не добился…

– Но-но-но… Не болтай лишнего!

– Вот-вот… Честолюбия тебе не занимать, тщеславие непомерное, ничем не обоснованное. Но оглянись: что удалось сделать? Ты растерял своих друзей из-за своего скрытного, нелюдимого характера, не можешь нормально, как другие, заботиться о семье, ничего не зарабатываешь, и семью, которую должен был содержать ты, содержит твоя дочь… Ты за все эти годы издал две книжки в местном издательстве, да и то потому, что директор издательства был твоим земляком… Ты не хочешь ничему учиться, как другие профессионалы, не хочешь получать нужную информа-

цию, знания, что помогли бы тебе писать интереснее, и считаешь…

– Другие, другие… – сердито пробормотал Мика. – Я не другие… У меня свое творчество. И что ты от меня хочешь? Что ты привязался?

– Хочу, чтобы ты понял, наконец, что ты из себя представляешь. Может, это поможет тебе правильно жить дальше.

– По-твоему, я все эти годы жил неправильно? – с нескрываемой обидой в голосе спросил Мика, и это был для него не риторический вопрос, потому что, хоть и не желая показывать вида, он напряженно ждал ответа от этого незнакомого, очень странного и не совсем реального двойника, хотя, протяни он руку, и мог бы дотронуться до этого призрака во плоти.

– Назови хоть одну свою хорошую, полезную для тебя, практичную черту характера, – проигнорировав этот главный для собеседника вопрос, попросил двойник с издевательскими нотками в голосе, которые, как ни странно, он смог придать даже своему шепоту. – Может, хоть что-то позитивное найдется в твоей никчемной жизни.

Вопрос заставил Мику задуматься.

– Я никому не делал зла, – после небольшой паузы тихо, спокойно ответил он. – Не знаю, насколько эта черта практичная, но я никому ничего плохого не делал, – он помолчал и, не слыша ожидаемых возражений, прибавил: – Разве этого мало в наше время, где каждый старается сожрать другого?..

На это двойник не ответил и под пристальным взглядом Мики стал медленно растворяться в сгустившейся вокруг него тьме и наконец исчез. Мика еще долго смотрел на то место возле кровати, где только что стоял непрошенный, надоедливый гость.

«Призрак, – подумал он. – Значит, призрак. Жаль, что не дотронулся до него, интересно, какие были бы ощущения?»...

– Кто приходил? – сквозь сон пробормотала жена, поворачиваясь в постели лицом к нему.

– Кто приходил? – опешил Мика, не зная, что сказать.

С недавних пор выйдя на пенсию и с удовольствием избавившись от необходимости искать новую работу, Мика пристрастился к игре в домино. Уютный сквер возле дома, где собирались пенсионеры, так ему полюбился, что он тоже порой ходил туда и там отдыхал душой, садился на скамейку или порой брал с собой из дома табуретку и азартно забивал «козла», и достиг в этом забивании определенных высот, часто выигрывал, что было похвально, потому что игроки здесь были с многолетним опытом, очень искусные и обыгрывать их порой бывало нелегко. Играли азартно, хотя и не на интерес, просто игра для игры, как искусство для искусства. В сквере его знали как писателя и, завидев его, тащившего за собой табуретку, шуршащую ножками по асфальту сквера, говорили доброжелательно:

– Вот наш писатель пришел.

И приветствовали с почтением. Мике было лестно такое слышать, однако слово «наш» было лишним, ему хотелось, чтобы его принимали не только как «нашего», а как общеизвестную личность, хотелось быть «нашим» для всего мира, но делать замечания по этому поводу он не решался. Играл азартно, интересно проводя время среди своих сверстников, игроки понимали друг друга с полуслова, и вскоре Мика здесь сделался своим.

– Вот наш писатель идет, – говорили уважительно.

Да, он был не по годам наивен и прост, мой друг, и простота его порой была, как говорится, хуже воровства, солидное состояние, оставшееся после матери, он даже не прокутил, что было бы естественно для бесшабашного мужчины, но большую часть он роздал, одалживая всем, кто просил и забывая потом потребовать долг;

многие назвали бы его сегодня лохом, несмотря на солидный возраст, и, благодаря несолидному поведению, фраером, готовым все отдать первому попросившему, что часто с ним и бывало, но все его существование на этой земле состояло из главных моментов – влюбленностей, он полноценно жил только лишь в этом состоянии, дышал полной грудью, растворялся и порхал, как бабочка в весеннем воздухе, как задыхавшаяся на горячем песке рыба, которую вернули в море; он не переставал влюбляться и был переполнен жизнью, а в другое время казался вялым, бездеятельным, с усталой душой. Его мог обмануть любой сантехник и обманывали, запрашивая тройную цену, и он, радуясь, что работа выполнена, с удовольствием соответствовал. Сам он абсолютно не разбирался в житейских, хозяйственных делах и вполне отвечал избитому выражению «гвоздя не может прибить», и не то, что гвоздя, ножи не мог наточить, по всякому смехотворному поводу обращаясь к специалистам. Специалисты с удовольствием приходили, зная, что в этом доме их не обидят, выполняли пустяковую работу и запрашивали втрое, или же напротив, как было принято в их среде, поступали более хитро, и на вопрос хозяина: «Сколько должен?», лукаво отвечали: «Сколько не жалко» и, конечно, получали больше, чем заслужили; Мике не было жалко, потому что не он зарабатывал, расплачивался под сердитым, негодующим взглядом более практичной жены, которая всему знала цену.

– Я с ней, – как-то признавался он мне, – нормально прожил только лишь первые четыре года, потом она стала болеть, нервное расстройство, нервное расстройство, и приходилось возиться с её болячками, водить по врачам, ездить к целителям, народным, так сказать, эскулапам по районам республики, да и многие оказывались явными аферистами, да, аферистами, кучу денег потратил, потратил, ну это еще ничего, я мало был счастлив с ней по-настоящему, по-настоящему, и жалко её, бедняжку, да что поделать?..

Сейчас, когда я его вспоминаю, я невольно ловлю себя на мысли, что на ум приходят только истории о его влюбленностях… влюбленностях… не знаю, можно ли так сказать, но я уже сказал и даже повторил, как обычно делал он. Это были главные вехи в его жизни – его многочисленные влюбленности, он, видимо, не представлял себя без этого сказочного, волшебного состояния, и все, что в дальнейшем пережив, он рассказывал мне, все, чем делился со мной, было так или иначе связано именно с этим ощущением своей проснувшейся души. Это было его нормальным состоянием, другое он отвергал, не признавал, как сон, как вынужденное, ненавистное спокойствие, когда обычно не чувствуешь, что в груди у тебя бьется сердце. Нет, ему надо было чувствовать, ему надо было, чтобы его сердце тосковало, болело, ныло, радостно трепетало от любви, тогда он ощущал себя живым. Кстати, и те немногочисленные, довольно-таки жиденькие его опусы, с покушеньями на громкое звание литературных произведений, были полностью посвящены этой теме – любви. Просто он не умел и не знал, как переполнявшие его чувства передавать словами. Впрочем, этого никто не знает.

– У меня свое творчество, – любил он заносчиво произносить, когда ему ставили в пример более удачливых его коллег. – И у меня своя тема… Вечная тема.

Да, тема, несомненно, была вечная, но исполнение оставляло желать много лучшего.

Однажды, окончив первый курс института, он, непонятно из каких соображений не пожелал вернуться на каникулы домой и остался на летние месяцы в почти опустевшем общежитии института, предоставив мне отчитаться – непонятно как – перед его строгой матерью, железной, мужеподобной (что ж, можно понять – жизнь её такой сделала при женоподобном муже) дамой, при одном взгляде на которую меня охватывал священный трепет, и не только соврать ей не приходило в голову, но и нежелательную для неё правду сказать было страшновато: а вдруг заподозрит

вранье? А этот паразит, так и не открывший мне своей цели, не сообщив, зачем остается, как ни в чем ни бывало, проводил меня со словами:

– Ну, придумаешь что-нибудь. У тебя хорошая фантазия. А я ей позвоню, пусть не волнуется.

Я подумал, что, верно, ему не хочется быть в подчинении у волевой и чрезмерно строгой мамаши, не хочется провести летние каникулы у неё под каблуком, тем более, что один уже там был, а именно – папаша.

Как он в одиночестве провел два летних месяца, он мне не рассказывал, но закончились его каникулы тем, что он в очередной раз влюбился, теперь – в абитуриентку-молдаванку, приехавшую поступать в институт из города Кишинева. Как всегда – без памяти. Они подружились и довольно крепко. Абитуриенты, сдававшие вступительные экзамены, жили в общежитии института тремя этажами ниже нашего, она же и вовсе перебралась в его комнату, загуляли (видно, девчонка тоже потеряла управление), по Москве побродили, Мика по её просьбе поводил её по достопримечательностям (сам он к ним был равнодушен), ходили вместе в музеи, в театры, сидели в кафе, в ресторанах, где он был завсегдатаем, ели вместе, спали вместе, одним словом, ей стало не до экзаменов, и, естественно, она их провалила и, охваченная горем, засобиралась домой. Мика решил составить ей компанию, но тут семейная жизнь их разладилась с громким треском: она обвиняла его в том, что ей не удалось поступить, он умолял её не обвинять его, короче – землетрясение в общаге, буря в стакане воды. Улетела в слезах, а Мика очень переживал, как после каждой своей влюбленности, закончившейся фиаско. Очень переживал, но на этот раз обошлось без попытки суицида.

Он, принятый в Союз писателей, когда ему было уже почти под пятьдесят, и издавший за всю жизнь две книги с перерывом в десять лет, очень гордился собой, наивно полагая, что теперь он официально признанный писатель, не понимая и не желая понять, что ни одно сообщество, объединение или союз не может сделать человека творческой личностью, писателем.

– Они не могли не принять меня. Все-таки я окончил такой престижный институт, – говорил он, высокомерно, сверху вниз, поглядывая на меня, забыв, что и я окончил тот же институт.

Когда по всей огромной, разваливавшейся на глазах стране хлынула, подобно потопу, вакханалия, когда началась война соседней республики с нашей, когда к власти временно пришли люди, абсолютно не умевшие управляться с этой властью и моментально наломавшие дров, что дорого обошлось рядовым гражданам, когда горлопаны успешно выдавали себя перед толпой за отцов народа, когда воровство, откровенные грабежи и взятки охватили пожаром республику, когда по всей огромной территории развалившейся страны свирепствовали беспредел, бандитизм, вооруженные стычки между сторонниками различных политических группировок, и когда, наконец, это тревожное безвременье завершилось, случайные люди, дилетанты были вышвырнуты с высоких постов, и пришел к власти настоящий лидер, когда в нашей республике вслед за ликвидацией цензуры возникла свобода слова и, как следствие этого, появились сотни изданий, в том числе немалое количество полуграмотных желтых газетенок, печатавших все, что в голову взбредет учредителю, мой друг в этот недолгий период воспрянул духом и, ублажая свое честолюбие, в какой-то газетенке, которая недолго просуществовала, ухитрился опубликовать рецензию на свою книгу; судя по стилю и бесконечно повторяющимся восторженным оборотам, он сам её и составил, что не мешало ему с удовольствием многократно перечитывать рецензию и давать читать всем знакомым и малознакомым. Дальше – больше. Однажды – уже в другой, но ничем от первой не отличавшейся газете я увидел интервью с моим дру-

гом, где он скромно признавался, что его роман будет экранизирован – ни много, ни мало – в Голливуде, и играть в главной роли будет – ни много, ни мало – звезда этого самого Голливуда. Судя по абсолютной схожести стиля и слога, по всей видимости, и это сочинение принадлежало перу моего «предприимчивого» друга молодости, придумавшего вопросы, на кои приятно было отвечать. Никому, конечно, от этого вреда не было, но он, Мика, показался с новой, неожиданной стороны, и мне лично это проявление новой грани в нем показалось интересным, доказывавшим, что он человек «многогранный», разный и может быть очень даже непредсказуемым. По крайней мере, многие, кто его знал, не ожидали от него такой прыти и распирающего тщеславия. Однако на этих двух газетных материалах, где всплыло его имя, вечер воспоминаний был завершен.

Мы сидели в забегаловке, куда он меня затащил, чтобы пооткровенничать. Пахло кислой капустой, и пьяный товарищ за соседним столиком чесал грудь и сплевывал на пол.

– Пойдем отсюда, – предложил я. – Тут рядом есть приличное кафе.

– Финансы поют романсы, – ответил он избитой фразой шестидесятых годов, когда в нашу литературу пришла новая волна, совершая периодические приливы и отливы.

– Я при деньгах, – сказал я. – Пошли.

– Но все же обидно, – проигнорировав мое приглашение, вздохнул он, как старая бабка, у которой воры стащили пенсию. – У меня юбилей был, и хоть бы кто вспомнил, хоть бы какое-нибудь звание – заслуженный работник, или хотя бы грамоту почетную…

– Они еще горько пожалеют об этом, – сказал я, не пытаясь скрыть издевки в своем голосе, в отместку за его высокомерные взгляды.

– Ты думаешь? – совершенно серьезно спросил этот олух.

– А как же! – теперь уже стараясь придать голосу искренние нотки, ответил я.

Он горестно покачал головой.

– Все же обидно, обидно, когда не замечают заслуг, правда?

– Конечно, правда, – согласился я. – Но ты не огорчайся. Вся жизнь впереди – надейся и жди, – вспомнил я строчку из любимой им глупейшей песенки, которую он напевал, еще будучи студентом.

– Да, – подтвердил он, заулыбавшись. – Я тоже так думаю. Надежда все же…

– Умирает последней, – подсказал я набившее оскомину выражение.

– Точно! – обрадовался он и начал свои долгие многословные признания, которые я не раз слышал. – Вот я порой думаю… думаю… – и замолчал.

– Думаешь, – подтолкнул я его, чтобы побыстрее закончил.

– Да, думаю, а хорошо бы где-нибудь за рубежом издать книгу, прославиться и тогда здесь, тогда здесь, тогда они на самом деле пожалеют, что не замечали, не замечали…

– Да, да, ты прав, – подхватил я краешек его мысли, которую он мог развивать долго, потому что это были даже не мысли, а его давние мечты, о чем он мог говорить бесконечно. – Только надо сразу Нобелевскую, не размениваться по мелочам, тогда здесь точно пожалеют.

Вот так вот. И все, что так или иначе составляло небогатую гамму мыслей, чувств, проблем, неприятностей, настоящего вдохновения, что он время от времени испытывал на себе, Мика принимал с благодарностью, как дар свыше, и с горящими глазами или с печальным выражением лица, в зависимости от происходящего с ним, признавался:

– Я сейчас переживаю творческий кризис, – говорил он в другой раз, в другом месте (время и пространство постоянно менялось, в зависимости от того, сколько

имелось у нас в наличии), после третьего бокала, когда мы сидели в открытом кафе в центре города, а мимо проходили люди и иногда поглядывали на нас, что он, оторванный от реальности и навязчиво мечтавший о писательской славе, моментально приписывал своей популярности. – Ты не представляешь, как это тяжело…

Вся атмосфера места, где мы находились в данный момент, и прохожие, прогуливавшиеся мимо кафе, бросавшие порой равнодушные взгляды на двух абсолютно не притягивавших взгляды немолодых мужчин за столиком, никак не располагали к подобного рода откровениям профессионального характера, но Мика ничего этого не замечал, видимо, задавшись целью нагрузить меня своими проблемами, как признаются духовнику в тяжелых ситуациях жизни.

– Я не представляю?! – тем не менее, подхватил я разговор, возмутившись такой наглостью. – Да у меня тысячу раз…

– Нет, нет, – возражал он, не дав договорить мне, зная, что ничего хорошего для него из нашего спора не получится. – У меня не так, как у всех… У меня…

– Еще бы, – на этот раз не дал ему договорить я и язвительно прибавил, – когда пишешь раз в десять лет, это и будет не как у других, ты должен был испытывать творческий кризис все десять лет и еще все эти годы после второй книги.

Он горестно потряс головой, допив вино в своем бокале, не приглашая меня присоединиться, и печально произнес:

– Вот и ты меня не понимаешь.

– А что ты хочешь, чтобы я сказал? – спросил я, даже не пытаясь сообразить, чем в данной ситуации я мог бы ему помочь.

– Ничего, – сказал он обиженно. – Посоветуй, как быть…

– Что же я могу посоветовать? – ответил я, тем не менее, призадумавшись. – Осторожнее, ты прольешь…

– Посмотри, какая девчонка красивая, – вдруг совершенно другим тоном произнес он тихо, показывая взглядом на проходившую ватагу молодежи мимо нашего столика.

– Которая? – я стал искать глазами: молодых девушек, уже миновавших наш столик, был четверо, так что пришлось оборачиваться им вслед.

– Вот та, смазливая, в синей короткой юбке, с ляжками, – быстро сказал он.

– Смазливая? – сказал я. – Теперь я могу видеть только её ляжки.

Он вздохнул печально.

– Ну, что же мне делать? – опять вернувшись к своему занудливому тону, произнес он, уставившись мне в лицо, будто ожидая, что сейчас я выпишу ему рецепт и подробно изложу, что следует делать в таких случаях.

Тем не менее, подумав, я посоветовал ему, на мой взгляд, неплохой вариант, заранее будучи уверен, что он или отвергнет его сразу, или не последует ему в дальнейшем.

– Детство… – сказал я.

– Что – детство? – спросил он, не отрывая умоляющего глупого взгляда от моего лица, так что мне сделалось неловко и я стал крутить головой, будто бы рассматривая прохожих, чтобы избавиться, сбросить со своего лица его назойливый взгляд.

– Детство, – сказал я. – Детство… Да перестань есть меня глазами, как педик, тут люди ходят…

– Ладно, – покорно согласился он и отвел взгляд на соседний столик, за которым собралась компания арабских женщин, укутанных до глаз в черные паранджи. – И что – детство?

– Детство – это золотой источник для любого писателя, – сказал я. – Вспомни свое детство, наверняка найдешь тему хотя бы для рассказа.

– Да, – ворчливо, недовольно произнес этот неблагодарный тип. – Я думал, ты

что-нибудь дельное предложишь…

– Вот сволочь, – сказал я. – Дельное ему подавай. Может, еще на руках тебя поносить?..

– Детство, – повторил он. – Детство у меня было такое ровное, незапоминающееся… Ты же знаешь, мама у меня всегда была на высоких должностях, мы жили в элитной квартире, из тех, что тогдашнее государство выделяло только для больших ученых, писателей, знаменитых певцов, артистов… – вспоминая давно известные вещи, этот негодяй вновь посмотрел на меня снисходительным взглядом, как-то сверху вниз, хотя был ростом меньше меня и за столиком сидел так, что со спины можно было принять его за чрезмерно откормленного лилипута, но такие оскорбительные взгляды бросать он умел, почему, наверное, и остался постепенно без друзей, все отвернулись от него, кроме меня, дурака. – Народ в ту пору жил в многосемейных тесных двориках в нашем городе, – итальянские дворики, ты знаешь, – колоритные были кварталы, улицы, дома старого города… Вот если бы там… там бы нашлось множество тем из детства… Конечно… А я жил как-то обособленно, дружить разрешалось только с мальчиками и девочками из хороших семей, которые успешно проходили через цензуру мамы, вот я и жил в закрытом мирке, в каком-то вакууме… Хотя… – он призадумался и продолжил после короткой паузы, – помню, одно время я увлекся нумизматикой, собирал старинные монеты разных государств, и все папины и мамины гости, зная моё увлечение, приносили и дарили мне интересные монеты, я подолгу мог любоваться, изучать свою коллекцию, года два я увлекался этим…

– И отлично, – поддержал его я. – Хоть какое-то занятие…

– Да. Однажды ко мне пришел мой школьный товарищ, из хорошей семьи, – с иронией произнес он, выделив обстоятельство, которое было навязано его мамой. – Мы долго рассматривали мою коллекцию, он тоже увлекался монетами и принес некоторые, чтобы обменяться, помню, меня не заинтересовали его монеты, моя коллекция была намного богаче, чем его, но чтобы не обидеть товарища, я согласился и обменял две или три монеты явно в его пользу, и тут…

– Ага! – азартно воскликнул я, так что арабские женщины обратили к нам свои закутанные лица. – Начинается интрижка!.. Скорее раскручивай.

– Да, – согласился он, покивав. – И тут я заметил, как он потихоньку взял из кучки моих монет одну, кажется, это был старинный серебряный дирхем, и незаметно положил её в карман. Но я увидел. И мне стало так стыдно и неловко за него… короче – я сделал вид, что не заметил. Он так и унес украденную монету.

– Ты как был лохом в детстве, так им и остался, – с досадой произнес я.

– Да, – согласился он, опять покорно покивав. – Наверно, ты прав… Но это было не совсем детство, уже постарше был, кажется, в восьмом классе учился… Потом этот мальчик, окончив институт… между прочим, он тоже в Москве окончил, уехал в Канаду…

– Вот у тебя и готовый рассказ, – сказал я. – И концовка есть, и чувство ностальгии можно прибавить: тоску по товарищу, который уже не сможет тебя надуть…

– Где же готовый?.. – пробормотал этот нытик, не обратив внимания на иронию в моих словах. – Нет сюжета, крепкой драматургии…

– Мозгов у тебя нет! – с досадой произнес я.

– А вот еще эпизод из детства, – сказал он задумчиво, глядя на меня так, будто я был стеклянный и сквозь меня было видно, что там, за моей спиной. – То, что врезалось... в память сердца.. мне тогда было лет пять… Да, не больше…

Я это вспоминал мучительно, тяжко, и не мог вспомнить до конца, то есть не мог прочувствовать до конца одно далекое, очень давнее воспоминание детства. В ту пору отцу моему было тридцать два, матери двадцать девять, и она еще не была на руководящем посту, который сделал из неё мужика. Их пригласили на свадьбу, и они

оставили меня у бабушки, у папиной мамы, оставили на ночь. Бабушка жила вместе с младшим братом отца, моим дядей, он еще не был женат. Был поздний вечер, дома в этот час я давно уже спал, но новые условия – хотя у бабушки я бывал часто, просто на ночь не оставался – взбудоражили меня немного, сон бежал от меня, чему я не очень огорчался, гораздо меньше, чем бабушка, которая то и дело твердила мне: «Пора спать, тебе уже давно пора спать, закрой глазки, спи...» Я лежал под бабушкиным одеялом, необычно пахнувшим, корицей, что ли... теперь я не могу восстановить эти сложные бабушкины запахи, оставшиеся в той ночи детства. И мучаюсь... и правильно мучаюсь, потому что запахи – это, пожалуй, самые главные ориентиры детства, а когда их невозможно точно вспомнить, то воспоминания расплываются в размытых картинках, что давным-давно уже дополнились нашей фантазией, как детской, так и – задним числом – не детской, и нельзя определить точно – было ли на самом деле именно так, как мы вспоминаем сейчас, когда прошло много лет, почти целая жизнь... А запахи... это совсем другое... они пробуждают достоверные факты, как направленный взрыв устраняет именно тот объект, который намечено устранить... Я, помню, лежал, не отвечая на реплики бабушки, слушал мугам из радиоприемника, висящего на гвоздике (простого, примитивного радиоприемника, который в ту пору был почти у всех) на веранде старого дома, и дядя, проходя мимо, прибавил звук и сам стал неумело, тихо напевать, а бабушка что-то прошипела, что, мол, потише, ш-ш-ш, ребенок засыпает, и печальные звуки щемили душу мою, и безотчетные слезы наполняли мои глаза в темноте, и мне хотелось домой, к привычным запахам, к маме... А дядя, подпевая тихо и неумело ханенде-певцу мугама, проходил медленно по веранде, мимо приемника, мимо ворчания бабушки, мимо моих неоправданных слез...

Я слушал его, раскрыв рот, удивляясь, как он проникновенно рассказал этот эпизод.

– Рассказал, как написал, – только и мог произнести я.

Мы помолчали.

– Вот и напиши об этом, – сказал я. – Здесь много чувства. Это здорово.

– Да… Напиши, – тоскливо пробормотал он.

И тут меня будто озарило, словно открылась некая тайна: я понял – он боялся. Да, он боялся. Я часто наблюдал его, когда он работал, когда дни его были забиты работой, наблюдал в те редкие периоды жизни, когда он писал. Он становился очень рассеянным, ничего не замечал вокруг и жил словно вне реального времени; он буквально заболевал, всем своим видом напоминая больного, тяжело переносившего болезнь – ему будто становилось неуютно в своей телесной оболочке, а телу его неуютно и некомфортно в этом мире. Он заболевал, потому что то, что он чувствовал в себе, то неуловимо-нежное, тонкое, порхающее, еще не тронутое сознанием, но в то же время неизмеримо и страшно глубокое, это приходило в противоречие с топорным исполнением, с грубыми, неотесанными, слишком телесными словами, которые разрушали весь аромат и все тончайшие краски ощущений. Да и запаса слов у него было маловато для выбранной профессии. И вот это его внутреннее противоречие, нестыковка ощущений и возможности исполнения сводила его с ума, страшила, изводила, отнимала все силы, выворачивала душу, и он боялся такого состояния, старался отдалить его, и в итоге – множество незавершенных проектов и две не очень интересные книги за всю жизнь.

– А после этого я влюбился, – вдруг оживился он, заговорив совсем другим голосом, звонким, ярким, – мне тогда было лет семь, и я просто адски влюбился в одну девчонку…

– Да слыхали уже тысячу раз! – перебил я его в тысячный раз.

Вот такой был мой друг, Мика. Его пытались перевоспитать, вразумить, дать понять, что в жизни есть немало важных дел, кроме бесконечных любовных историй,

но вот этого как раз он и не мог понять, как пятилетний мальчишка. Детство его было настолько беззаботным под опекой бдительной и располагающей большими возможностями матери, что никаких интересных событий он в тех годах не находил; он ярко и отчетливо помнил только те периоды своей жизни, когда буквально источал из своей души и сердца бесконечные, фонтанирующие влюбленности…

И, видимо поняв, что с Микой дело безнадежное, двойник постепенно перестал его навещать, учить уму-разуму, рациональности, наставлять на верный, практичный путь, и Мика иногда вспоминая его, задумывался: зачем он вообще приходил, что ему нужно было? Сделать из него совершенно другого человека? Для чего? Он не хочет быть совершенно другим, не хочет, как многие его знакомые, быть практичным, умеющим добиваться своего, наступать на пятки, шагать по трупам. Да, он честолюбив, это есть, он хочет, чтобы и его время от времени вспоминали, знали бы, что он живет и любит жизнь, и, пожалуй, это и есть самое главное, разве не так? – думал про себя Мика, бессознательно ожидая своего двойника, чтобы доказать именно ему, чувствуя, что тогда он, Мика, успокоится. Но двойника не было, видимо, он отрекся от трудновоспитуемого подопечного, или же понял, что человек, даже такой, как его близнец, над которым он взял добровольное шефство, очень разный, и в нем уживаются многие, совершенно непохожие характеры: он может быть тщеславным и безрезультатно, как попрошайка, обивать пороги у высокого начальства, но в то же время безобидным, может быть честолюбивым мечтателем и позером, может в своих бесполезных мечтах видеть себя достигшим больших успехов и высот в профессии, признаний и почета, не прилагая никаких усилий в реальной жизни, не ударив пальцем о палец, может вдруг, повинуясь импульсивности характера, сорваться и уехать на Мальдивы… Да, человек может быть разным, как был очень разным мой друг, Мика; и он даже не стремился свои непохожие, полярно отличавшиеся черты характера усмирить, заставить служить одной практичной цели, которая сделала бы всю его жизнь текущей по нужному руслу… Но главное в его жизни было, было…

Последнее посещение двойника после длительного перерыва произошло за год до смерти Мики, когда мы с ним уже давно отдалились и изредка, издали заметив, кивали друг другу. Ничего не изменилось в его монотонной – без прежних вспышек – жизни, и он беззаботно, не думая о завтрашнем дне, плыл по течению, ожидая, что все-таки это течение рано или поздно куда-нибудь его прибьет… Он давно уже, насколько мне было известно, замкнулся в себе, не участвовал в редких пирушках в кругу приятелей, вел трезвую, вялую, сонную жизнь… И однажды вдруг страшно напился, еле приполз домой, перепутав этаж и квартиру; ударился лбом о дверь женщины-соседки, в которую когда-то был влюблен, сполз в полуобморочном состоянии на колени у её порога, словно испытывая запоздавшее раскаяние, был доставлен её мужем по назначению и сдан с рук на руки жене, которая страшно перепугалась, увидев мужа в таком виде, и никак не могла догадаться, что он попросту напился до чертиков, и никакой это не инфаркт и не инсульт, как пронеслось в голове в первый миг, а самое пошлое алкогольное отравление, что он и подтвердил, проблевавшись на пороге спальни. Она уложила его спать, как был – в полубессознательном состоянии.

– И чего он так напился? – спросила жена у самой себя, протирая загаженный пол, вышла из спальни, плотно притворила за собой дверь и пошла звонить старшей дочери, чтобы сообщить о случившемся.

– Ты же прекрасно знаешь, мама, – сказала дочь в ответ на её взволнованный лепет. – Он всегда был непредсказуем, поди, разберись, почему он так напился…

– Но ведь уже лет десять, как совсем бросил, не притрагивался, даже на свадьбах, на банкетах… – пыталась понять жена, думая, что дочь натолкнет её на разгадку. – Не понимаю… В его возрасте, с его здоровьем… Чует мое сердце – что-то случилось…

А случилось то, что он неожиданно после долгой разлуки встретил своего ненавистного двойника, и вдруг будто яркое солнце осветило всё его туманное пребывание на этой земле, и в свете этого яркого солнца он с беспощадной очевидностью увидел, как на ладони, всю свою жизнь, убедился, что все годы посвятил химере, за тенью которой бегал, и весь этот рассказ не имел бы никакого смысла, если б не последняя его встреча с двойником, который, кстати, на этот раз был совершенно немногословным: все необходимое продумал, сообразил, вспомнил и довел до ума сам Мика. Уж что они там, два близнеца, говорили, что наболтал, вернее – намолчал и молча внушил ему двойник, так и останется тайной; но его, Мику, после встречи пронзила взорвавшая его ум, перевернувшая все его существо, сердце и душу мысль, что все эти годы он бегал за никчемной тенью несбыточного, за тенью своей глупой мечты, и бегал тоже как-то лениво, плелся, тащился, а не стремился… И теперь надо отказаться от всего, что мечталось, на что незаслуженно надеялось, что беспричинно ожидалось, желалось, желалось… Дышать становилось трудно, давило на грудь, будто этот бестелесный двойник, неизвестно откуда позаимствовав огромную тяжесть, навалился, сволочь, ему на грудную клетку, заключил в железные объятия, не желая отпустить, хотя бы немного ослабить тиски, чтобы можно было вздохнуть…

Двойник Мики покинул его навсегда, растворился, исчез, как и полагается исчезать зловредным двойникам-призракам, не дающим покоя людям: вот обязательно надо было этому поганцу пробуждать, беспокоить, тревожить бедного человека! Заблуждался, ну и пусть бы заблуждался… Мало ли людей, которые всю свою жизнь тратят на заблуждения, и что, всех надо теребить, будить их сознание, их совесть?..

Утром Мика проснулся другим человеком, будто впервые у него открылись глаза на свою жизнь. Он заметно притих, посещал ближайший скверик, если разрешала жена, и играл в нарды и домино с пенсионерами, которые полюбили его за тихий нрав, за улыбчивое лицо, за то, что не любил спорить – редкое и приятное исключение в среде заядлых игроков.

– Вот наш уважаемый писатель идет, – говорили пожилые игроки, улыбаясь, кивая ему и уступая место.

– Доброе, доброе утро, – подойдя, приветствовал он старых знакомых, пожимая всем по очереди руки.

И жена с тех пор не узнавала его, он стал еще более покладистым, покорно исполнял её желания, ходил в магазины и на рынок, покупал по её указке, ходил с ней по гостям, которых раньше на дух не переносил, смотрел дома телевизор, кивая и соглашаясь, как тихо помешанный, со всем, что говорилось, пелось и плясалось с экрана, вовремя ложился спать и почивал до утра как сурок, если изредка не вторгалось в его ночной отдых желание перезрелой подруги жизни. И перестал видеть сны.

За два дня до смерти семидесятичетырехлетний Мика сидел у себя дома за компьютером у окна и просматривал Фейсбук, доброжелательно раздаривая всем незнакомым друзьям алые сердечки, как раньше раздавал деньги всем, кто к нему обращался; он рассеянно смотрел на экран, порой бросал задумчивые взгляды на оживленную улицу, где взад и вперед шмыгали машины, будто соревнуясь с пешеходами в нарушение правил уличного движения, и тут его взгляд привлек старик, одетый точно в такой же полосатый домашний халат и тапочки. Мика внимательнее пригляделся к ковылявшему по проезжей части старику, так странно одетому для улицы, опустил взгляд, посмотрел на свои тапочки, подаренные семьей неделю назад на его день рождения, еще раз пристально глянул на ноги старика в тапочках – да, точно такие, и халат тот же… И тут старик поднял голову и посмотрел на Мику в окне, прямо ему в лицо, будто прицелился, и Мика узнал своего двойника, узнал свой ушедший в небытие, высокомерный, надменный взгляд, которым даже оттуда, снизу,

старик ухитрялся смотреть на свой оригинал; узнал двойника, о котором уже стал забывать: теперь в нем не было необходимости, все, что нужно было сказать, было сказано, точнее – молчаливо подумано между ними. И Мика уже хотел отвести взгляд и вернуться к просматриванию ленты на Фейсбуке, когда мощный внедорожник, выскочив из-за угла на большой скорости, сбил старика и, не притормозив, помчался дальше. Мика равнодушно наблюдал, как двойник отлетел от столкновения, как полосатый мячик ударился о переднее стекло автомобиля и благополучно растворился в воздухе. А улица продолжала, как ни в чем не бывало, свою прежнюю суету и беспорядочное движение. Никто, казалось, ничего не заметил…

Он машинально, бездумно смотрел в окно и вдруг вспомнил, как много лет назад водил девочек в цирк: старшей, кажется, тогда было семь, а младшей четыре, и восторг и благодарность этих, пожалуй, самых близких маленьких существ, оживившись в душе, будто только вчера они сидели на цирковом представление, облило сердце Мики горячей волной счастья, и в глазах запоздало, через десятки лет выступили слезы, и он еще раз окончательно убедился, что эти десятки лет надо было потратить на своих самых дорогих, самых горячо любимых, а не гоняться бессмысленно за туманными и никчемными честолюбивыми мечтами.

Через два дня Мика умер, он нельзя сказать, чтобы болел, хотя обычный букет, скорее, букетик старческих немощей, конечно, имелся, но не это явилось причиной ухода. Длительное время он ощущал острую тоску и тяжесть на сердце, постепенно утрачивая желание жить, двигался как сомнамбула и внутри себя, несмотря на движение, походы в магазин, хождение из угла в угол по комнате и прочее, чувствовал нечто, похожее на летаргический сон, когда все внешнее его не касалось, не тревожило, не беспокоило, не вызывало интереса…

Ни одна организация, ни одно информационное агентство, ни один из многочисленных каналов местных новостей никак не отреагировали на уход пожилого писателя, одна лишь мало популярная газета дала короткий некролог, где было отмечено, что усопший являлся выпускником престижного и всемирно известного института. Но Мике уже было наплевать на это…

Вот я рассказал о своем друге молодости, и мне вроде бы стало легче. И хоть в последние годы мы не очень-то были близки, как в юности, но с его уходом в моей душе появилась зияющая пустота, которую нечем было заполнить, потому что, несмотря ни на что, он занимал в ней, в моей душе, свое давнее место вместе с нашими общими воспоминаниями, и теперь, проходя мимо сквера возле его дома, в котором он сидел и играл в домино или в нарды с такими же пожилыми пенсионерами, как он сам, я уже никогда не увижу его, никогда издали не помашу рукой, приветствуя и видя, как и он машет мне, никогда не увижу… И вот я думаю об этом «никогда» и мне становится очень грустно. И с годами, пока я жив и теряю давних друзей, пустота во мне все больше увеличивается, потому что, как бы то ни было, все они жили в моей душе, все занимали свое место, и, уходя из жизни, они не могли уйти из моей памяти, оставались в ней, но я по-прежнему искал их вокруг себя, искал их в жизни, в которой я пока еще пребываю, оставаясь все более одиноким, одиноким…

СЕДАГЕТ КЕРИМОВА

СТИХИ

Перевод АЛИНЫ ТАЛЫБОВОЙ

***

Переполнен счет обид,
Сад оборван и забыт.
Надоел привычный быт,
Всё заброшу –
рифмы кроме...

Позови – к тебе прильну,
Все печали разделю.
За кого без слов свою
Жизнь отдам –
Отчизны кроме?..

Трону каждую струну,
Всех утешу и пойму,
Все из памяти сотру
Языки –
родного кроме...

Гаснет, тонет день в луне,
Грусть у радости на дне.
Знаю, всё по силам мне
В этой жизни –
смерти кроме...

Сон

Легкой лодкой скольжу я
по волнам лазурным...
Но меня захлестнуло течением бурным –
Серебристою рыбкой скользнула в пучину,
Не узнает никто меня в этой личине!

Видно, жить мне навеки у моря в плену
И с трудом различать через волн пелену
Милый дом на далеком крутом побережье...
Ах, судьба бедной рыбки –
такая насмешка!..

…Я проснулась. Часы отбивают в тумане.
Сердце, кто тебя так беспощадно изранил?..
Снова в ночь устремляю тоскующий взгляд –
Там, где прошлого тени под ветром дрожат.
Их за плечи хватаю:
«Останься!.. Постой!..
Ну хоть ты поболтай
до рассвета со мной!»

Губы выдали тайну, что прячет душа:
Этот голос родной… И дыхания жар…
Где ты, рыбка?.. Где лодка причалила та?..
А в ответ – темнота…
А в ответ – немота…

Мир сегодня

Вновь обиды и боли растут, словно ком,
Все красоты земли различаю с трудом.
Я в себя ухожу, замыкаюсь ключом.
Правда пешей бредёт,
ложь гарцует верхом…

На ошибку укажешь – врага наживешь.
Даже добрый совет –
для иных острый нож.
Превозносят себя за здоро́во живешь…
Понимающих, знающих –
где их возьмешь?..

Как довольны собою стада подлецов!
Как спокойно сегодня солгут вам в лицо!..
Идеалы круша, презирая отцов,
Одиночеством души полны до краев.

Лицемерие всюду, куда ни взгляни.
Всюду адские нынче пылают огни,
И раздор не щадит ни чужих, ни родни.
Справедливость, ты где?..
Задыхаемся мы!

Расшаталась земная тяжелая ось,
Бесприютен стал мир и в жару, и в мороз.
Из весенних надежд ни одной не сбылось…
Изменился наш мир,
изменился – до слёз!..

Подснежник

Как прекрасен весною,
как сказочен лес!..
Словно март в первый раз наступил на земле.
Снег вчерашний растаял
как призрак, как сон,
Ароматом нежнейшим весь мир напоён.

Вот подснежник пробился
из недр ледяных,
Раскрывая сердечко объятьям весны.
Жизнь проносится мимо как ветер, спеша...
Но подснежником вновь зацветает душа!

Сердце матери

Никто не может в целом свете
Так ранить любящую мать –
Дурным друзьям и злым соседям
Так **не дано ее терзать.**

Дитя – родное существо –
Опять язвить ее готово,
И вновь стрелой дурного слова
Он в сердце целится ее.

Он, бывший богом и царем
Для матери всегда и всюду –
Как беспощадно он осудит
Ее в пристрастии своем!..

Перечисляя сонм обид,
Всего того, что задолжала
Она ему...
Но как же мало
Он ей по жизни возвратит!

В кругу земного бытия
Познает сердце муки ада:
О, этот холод беспощадный
В глазах любимого дитя!..

И нету пропасти страшней,
Что открывается меж ними,
Нет жизни в выжженной пустыне
И матери меж злых детей.

Опять от боли не вздохнуть,
А сын иль дочь с насмешкой вечной...
Велик ли труд –
обнять за плечи,
Ей слово нежное шепнуть?

Мы в жизнь приходим лишь гостями –
Как угадать тот день и час,
В который мать оставит вас
И породнится с небесами?

Вернувшись давнею стрелой,
Боль вас пронзит с нездешней силой –
Но поздно плакать над могилой –
И не исправить грех былой!

Никто не может так жестоко
Обидеть любящую мать,
Ей словом сердце разорвать,
Срубить, как дерево, до срока...

Без тебя

Где бы ты ни бродил,
возвращайся назад.
Обрати на меня равнодушный свой взгляд.
Всё же солнце тумана сильнее стократ...
Нет на свете мне радости,
кроме тебя.

Никогда обо мне ты не думал всерьез,
Не подставил плеча, не утёр моих слез...
Сколько боли ты бедному сердцу принес!
Эта боль да тоска –
все дары от тебя.

Ты – мой миг и столетье, закат и рассвет,
В моей жизни земной
ты – единственный свет.
Чем утешиться мне?..
Никого со мной нет,
Кроме мглы моросящей,
что скрыла тебя.

Одиночество встанет,
как дождь проливной,
Все размоет дороги меж мной и тобой.
И подернутся кудри мои сединой –
Вот и все, что осталось
мне после тебя...

Одинокий тополь

Вдалеке,
куда не достанет рука,
не достигнет зов;
на отрогах гор
где смыкается месяц с землей,
а глаза цветов налиты росой;
где холодный ветер
взметает листву, –
в том безлюдном краю
под двуглавой скалой
повстречала я их:
тополь, что головою зеленой поник,
и роптавший в подножье его
родник.

Этот тополь озяб
на чужбинных ветрах,
своей жалобной песней
растрогав родник,
он томится,
безумною жаждой палим
хоть на миг припасть
к светлым струям его.
Меж корней
пробивается к солнцу родник.
Тополь кудри зеленые клонит свои –
их губами ловит, смеясь, поток.
И от зависти к чувствам, что так чисты,
плачут травы окрестные
и цветы.

В ветродуе
трепещет древесный стан –
вот почти до земли поник,
повергая в отчаянье этим
родник.
А вокруг таинственный сон царит,
аромат заповедных цветов разлит.
Двуедины в этом мире они –
дерево и родник.
Отражаясь друг в друге, живут они.
Посмотри,
как в них сердце жарко горит!..
Как же нам не завидовать им,
как колен не склонить
пред любовью такой?..
Из-под пышных ветвей
в родниковую гладь
и моя нет-нет упадет слеза...

Ах, как жаль:
превратиться мне в тополь нельзя,
чтоб навеки остаться
в том дальнем краю,
где скала часовым в изголовье стоит,
и родник мой возлюбленный
воды струит!..

Знак мужества

Человеку ошибки свершать суждено,
Ошибаются все –
кто-то раньше, кто позже.
Лезут гостем незваным то в дверь, то в окно
Те ошибки, и выдворить их невозможно.

Как бы ты ни старался прожить без потерь,
Все равно поскользнешься
на жизненных тропах,
Чтобы после терзаться в ночной темноте,
К небесам вознося свои слезы и ропот.

Есть ли тот, кто ошибок сумел избежать?
Нет людей непорочных на этой планете.
Будет снова и снова ошибки свершать
Человечество, как неразумные дети.

Вот и я ошибаюсь опять и опять,
И себя укоряю в душевном расстройстве...
Человеку присуще ошибки свершать,
Но признать их –
вот высшее в мире геройство!

Еще раз про весну

Еще одна весна приходит в жизнь мою,
Лаская этот мир, как ветерок в раю.
Подснежники рассыплет по снегам,
И воскурѝт фиалок фимиам.
Приблизится к нам,
нежностью дыша,
Листвой полуоткрывшейся шурша.
Восходят чувства как посев в полях,
И жаждут жизни сердце и земля.
И, тайными желаньями полны,
Мы все открыты волшебству весны.

Душа из будней рвется на простор.
И снова вижу я отцовский двор:
Баде[1], седая как вчерашний снег,
Сидит за прялкой, радуясь весне,
В ковер вплетая праздничный узор,
И молодостью вспыхивает взор.
Забыто все: и немощь, и тоска,
И то, что жизнь
клонѝтся на закат...

Еще одна весна приходит в мир,
Чтоб разделить с природой
пышный пир.
Земля одета в изумрудный шёлк –
Как ей в весны объятьях хорошо!..
И льется с неба громче птичья трель –
Как не влюбиться
в этот март, апрель?..
Яран сувар[2] спешит к нам с дальних гор,
Чтоб наполнить счастьем каждый двор.

И в каждом доме щедрый стол накрыт –
Пред яствами никто не устоит:
Как этот плов и сдоба хороши!..
Народ мой славен щедростью души.

Опустится вечерний час на двор,
И запылает праздничный костер.
И соберутся вкруг и стар, и млад,
И каждый шутке и беседе рад.
Танцуйте, пойте,
смейтесь веселей –
Пусть добрый след наш длится на земле.
Друзья мои, я жду вас в час любой
И лучший дар мне –
если вы со мной!

И снова праздник входит в каждый двор,
Чтоб позабылись горе и раздор.
Сияй, весна, без края и конца,
Чтоб радостью
исполнились сердца!..

---

[1] *Баде* (лезг) – бабушка.
[2] *Яран сувар* – праздник прихода весны у лезгинов

ЕЛИЗАВЕТА КАСУМОВА

МЕТАМОРФОЗЫ КИНОТЕАТРА «ФЕНОМЕН»

Это здание – одно из самых моих любимых в Баку. Я могу бесконечно рассматривать его башенки со шпилями, его высокие окна, лепнину на стенах... Когда-то здание украшали еще и статуи, но теперь их нет…

Я люблю это здание не только потому, что оно элегантно-красиво, но еще и потому, что оно – из моего детства и юности… и – зрелости. Оно было в моей жизни всегда, с ним связано множество воспоминаний. Облик его в чем-то периодически менялся, но, слава Богу, в целом оно всегда оставалось прежним. Менялись его хозяева, его предназначение, но оно всегда служило культуре. Я не обладаю особыми познаниями в архитектуре, но то, что его создатели отличались безупречным вкусом, не вызывает у меня никаких сомнений. Думаю, что не только у меня. Его линии изысканны, элементы гармоничны. Оно красиво легкой, светлой красотой.

Мне интересно было узнать, кто сотворил это чудо, когда оно было построено, каким целям служило изначально. Попытавшись найти ответы на эти вопросы, я выяснила, что у здания интереснейшая историография.

Поначалу это здание было известно мне как… просто «красивый дом». Это были, наверное, – страшно подумать! – еще 50-е годы. В нашем семейном альбоме сохранились фотографии, снятые в боковой от этого здания аллее – если стоять к зданию лицом, она располагалась слева от него. Эту короткую, ведущую к морю аллею с установленными вдоль нее скамейками с выгнутыми спинками украшали тогда громоздкие гипсовые статуи на высоких постаментах, изображавшие спортсменов, по-моему, дискобола и гимнастку. В правой же от здания аллее была моя любимая карусель на воде, установленная в большом, наполненном зеленоватой водой бассейне, по которому кружили лодки в виде лебедей и еще какой-то живности – не помню, какой именно, потому что всегда садилась в лодку-лебедя. Как здорово было кружить в ней вдоль бортиков бассейна, опустив ладонь в теплую прозрачную воду и ощущать, как вода ласково перебирает твои пальцы…

Впервые внутри здания я оказалась где-то в начале 60-х – здесь тогда уже размещался Музей сельского хозяйства. Наш дом был поблизости, и мы с братом часто после школы захаживали сюда, благо вход был бесплатный. Помню, последние достижения сельского хозяйства меня мало привлекали. Обычно я «зависала» в зале, где были представлены древние орудия сельскохозяйственного труда – огромные глиняные горшки, в которых в давние времена хранили пшеницу, ручная мельница, камни для выжимания виноградного сока, кувшины для сбивания масла…

Не помню, когда из левой аллеи исчезли статуи спортсменов, но к концу 60-х их уже не было, как и моей любимой карусели на воде – на ее месте теперь была просторная площадка, с наступлением сумерек превращавшаяся в танцевальную. Вечерами духовой оркестр играл здесь всевозможные вальсы, под которые в мягком свете фонарей кружили пары. По-моему, это был оркестр военных моряков – почему-то мне так запомнилось. И среди танцующих тоже было много моряков, и все они были ладные, красивые, а как на них сидела форма! И как хороши были их партнерши, как легко они кружились в объятиях мужественных кавалеров, как красивы были их платья!

Вообще в Баку того времени одевались с отменным вкусом. Особенно хороша была летняя толпа гуляющих – мужчины в светлых элегантных костюмах из чесучи, в соломенных шляпах и светлых туфлях, и женщины в легких цветных платьях, среди которых трудно было найти два одинаковых – платья не покупались в магазинах, а шились – либо самими модницами (многие дамы в те времена были обучены шитью), либо заказывались у портних.

Потом Музей сельского хозяйства переместился куда-то в другое место, а в мое любимое здание вселился Театр кукол, который занимает его и по сей день… Это то, что помню и знаю я. А вот что рассказывают документальные источники.

Оказывается, здание это строилось как один из первых в Баку кинотеатров. Назывался кинотеатр «Феномен». Выстроен он был в 1910 году. Это значит, что в нынешнем году ему исполняется 110 лет!

Итак, Баку конца XIX века. Нефтяной бум. Город растет, заметно увеличивается его население – в 1880 году здесь проживало 35 тысяч человек, что по тем временам совсем немало. В городе появляются богатые нефтепромышленники, располагавшие большими деньгами. Их усилиями город отстраивается, в нем вырастает много красивых, спроектированных в европейском стиле зданий. Открываются богатые магазины, кофейни, кондитерские. И – зрелищные мероприятия: цирк, театры. Мимо не проходило ни одно новшество – любое из них немедленно появлялось в Баку. Не стал исключением и синематограф – одно из величайших изобретений XIX века.

В городе начинают проводить показы «туманных картин» – так называли тогда синематографические фильмы. Когда и где в Баку произошел первый такой показ, точно не известно. Одним из первых упоминаний об этом явилось сообщение о прибытии в ноябре 1889 года в Баку известного физика-механика К. О. Краузе, который и познакомил бакинскую публику со своими художественно исполненными туманными картинами, в числе которых был и знаменитый фильм о крушении императорского поезда 17 октября 1888 г. А уже в 1896 году жители Баку начинают широко пользоваться новым техническим достижением – кинематографом. Первое время фильмы показывались в существовавших в то время театрах и клубах Баку, затем стали появляться и специальные кинотеатры и залы.

Одним из них и стал кинотеатр «Феномен».

Заказ на его проектирование и строительство получил замечательный польский архитектор Иосиф Плошко, таланту которого мы обязаны многими прекрасными зданиями Баку. В те годы он, по приглашению другого польского архитектора, Иосифа Гославского, переехал в Баку, где занял место участкового архитектора в строительном отделении Бакинской городской управы. Позже он занимал пост главного городского архитектора Баку и был, кроме того, приближенным архитектором миллионера Мусы Нагиева. По заказу последнего Плошко выстроил монументальное общественно-благотворительное здание «Исмаиллийе», при возведении которого архитектор в качестве образца взял Дворец дожей в Венеции. Сегодня все мы знаем это здание как здание Президиума Национальной Академии наук Азербайджана. Эта работа – кстати, первая самостоятельная работа Плошко – выдвинула его в первые ряды работавших в Баку архитекторов.

Вот этому талантливому архитектору и был сделан заказ на строительство кинотеатра «Феномен». Заказ он выполнил достаточно быстро: спроектированное им здание в стиле позднего барокко появилось на Новом бульваре Баку – на самом краю зарождавшегося тогда нынешнего Приморского бульвара – уже в июне 1910 года. Собственно говоря, бульвара, как места отдыха бакинцев, тогда еще не было – к отстроенному зданию кинотеатра почти вплотную примыкали пароходные пристани и док компании «Кавказ и Меркурий», на базе которой впоследствии будет создано объединение «Каспийское пароходство» («Каспар»).

Новый кинотеатр, или «синематограф», на момент его постройки был не только самым большим в городе, но и самым современным в плане оснащенности техническим оборудованием. Судите сами: площадь зрительного зала составляла 264 квадратных метра (24 метра в длину и 11 в ширину), высота кинозала равнялась 10 метрам. Зал мог вместить около 500 человек – 400 мест в партере и 56 в амфитеатре и пяти ложах – да-да, кинотеатр имел и ложи, и амфитеатр, как и подобает настоящему театральному помещению. А располагались зрители не на скамейках, а в креслах, расставленных свободно, с проходами между ними, так, чтобы это было удобно публике. Стоимость билетов зависела от того, на какие места они были проданы – первого, второго или третьего «разряда». Размеры экрана также впечатляли – длина его равнялась 6,5 метров, а ширина – 5.

Таким образом, в кинотеатре имелось все необходимое для комфорта публики. Здесь даже – впервые в общественном месте в Баку – была предусмотрена вентиляционная система. Причем не привычная в то время обычная вытяжная вентиляция, а своего рода система кондиционирования воздуха. Она служила для вытягивания «испорченного воздуха из помещения и замены этого воздуха летом – холодным, а зимой теплым каждые четверть часа», как об этом писала газета «Каспий». «Кондиционирование» происходило посредством «накачивания воздуха в зал после пропуска его через озонатор, охлаждающие каналы и фильтр» (из газеты «Каспий»).

Открытие нового комфортабельного кинотеатра вызвало огромный интерес публики. От желающих посмотреть в нем «фильму» не было отбоя.

Тем более, что владельцы кинотеатра старались выпускать на экран фильмы только «первого показа», то есть только что появившиеся в прокате.

А какие названия подбирались для фильмов с целью привлечения зрителей! Взгляните на афиши того времени – «Новобрачная в заколдованном замке», «Ужас кафешантана», «Тайна умершей сестры», «Как любит женщина», «Жена и возлюбленная» – все для того, чтобы заинтриговать публику. Фильмы были черно-белые, «немые». Звука не было, внизу экрана писались краткие пояснения к происходящему. А чтобы не смотреть фильмы в полной тишине, приглашался тапер – музыкант, обычно пианист, сопровождавший действие, разворачивавшееся на экране, подходящей музыкой. Но и этим не ограничились владельцы «Феномена». На трех верхних верандах здания они расположили буфет, в котором продавались бутерброды, легкие закуски и прохладительные напитки. Причем бесплатно в буфет могли пройти только обладатели дорогих билетов 1 и 2 «разрядов», остальные должны были заплатить за вход 20 копеек.

Спустя некоторое время Плошко украсил фронтон здания четырьмя скульптурами древнегреческих богов – Меркурия (бога торговли), Бахуса (бога виноделия), Посейдона (бога морей) и Афродиты (богини красоты), которых здесь не было первоначально. Чем объяснялся подбор статуй именно этих богов, можно только догадываться. Быть может, тем, что здание находилось у самого моря, рядом были пристани компании «Кавказ и Меркурий», ну, а Афродита, как известно, была рождена из пены морской…

Шло время, все вокруг стремительно менялось. Прогремела революция. Вскоре после этого кинотеатр «Феномен» прекратил свое существование. Одно время в здании располагался сатир-агиттеатр, позже – Театр юного зрителя.

Потом здание вновь стало служить своему первоначальному предназначению – в 40-х – начале 50 годов здесь был кинотеатр повторного фильма.

Здание к тому времени утратило свое былое великолепие, а зал – свою комфортабельность. Зал теперь был небольшим и душным, публикой посещался редко и без большой охоты.

А в 1952г. в здание бывшего кинотеатра «Феномен» вселился Азербайджанский государственный сельскохозяйственный музей им. В.И. Ленина. Предварительно с фронтона здания убрали скульптуры, поставленные Плошко, и установили перед ним на отдельном постаменте скульптуры чабана и доярки, которые мало сочетались с элегантным зданием в стиле барокко. В здании расположилась довольно обширная музейная экспозиция, а также проводились лекции и демонстрировались фильмы на сельскохозяйственные темы.

Музей занимал здание до начала 1970-ых годов, после чего оно было передано своему нынешнему владельцу – Азербайджанскому государственному театру кукол имени Абдуллы Шаига. Скульптуры чабана и доярки были убраны, поскольку нахождение их здесь было теперь неуместным. Спустя десять лет здание решили капитально отремонтировать и заодно более точно восстановить исторический облик его фасадной части. Был восстановлен первоначальный вид перильных ограждений крыши здания и лепных украшений фасада. Восстановили и скульптуры, установленные когда-то Плошко в проемах огромных окон здания, заменив при этом скульптуры Посейдона и Меркурия на более подходящие по тематике нынешнему предназначению здания скульптуры Мельпомены (музы драматического искусства) и Терпсихоры (музы танца).

Но «приключения» статуй на этом не закончились. Спустя еще два десятка лет их снова убрали. Причиной послужило то, что выполненные в традиционной, характерной древнегреческой манере богини были… как бы это сказать?... неодеты. И это оскорбило чувство стыдливости тогдашних городских властей. В очередной раз утратив статуи, здание заметно потеряло в своей эстетике, что бакинцам пришлось не по вкусу. Появились соответствующие статьи в прессе. И богинь возвратили на прежние места, предварительно их … одев! Но… и на этот раз статуи простояли недолго, вскоре их вновь убрали – по-видимому, одетые городскими властями статуи греческих богинь вызывали немало насмешек у знатоков скульптуры и архитектуры. И вот уже более 10 лет статуи на фронтоне здания отсутствуют. Вернутся ли они когда-нибудь еще – в одетом или первоначальном, обнаженном виде, – живы ли они еще и если да, то где теперь находятся? И ожидают ли еще какие-то метаморфозы здание бывшего кинотеатра «Феномен»? Время покажет…

ЗЕМЛЯКИ

РАШИД НАГИЕВ

Израиль

Р А С С К А З Ы

Ювелир

1

Призывник Салман Мансуров в одних трусах стоял перед медицинской комиссией районного военкомата и слушал вердикт врачей. Комиссия состояла из трёх человек – двух женщин и одного мужчины. Они сидели в белых халатах за длинным столом, и председатель строгим голосом зачитывал медицинское заключение, словно объявлял приговор. Призывник Мансуров сразу понял, что этот мужчина здесь самый главный, и от него зависит судьба всех собравшихся парней. Доктор приподнял голову, направил на призывника строгий взгляд и спросил:

– Служить хочешь?

– Хочу, – честно ответил Салман.

Мужчина вновь посмотрел на медицинские бумаги и объявил:

– Хронический ревмокардит. Отсрочка на два года, а там посмотрим.

Призывник Мансуров отправился домой, чтобы сообщить маме последние новости, хотя на тот момент понятия не имел, что такое ревмокардит и что с ним делать. Он всегда рос обычным ребёнком и по своим внешним и физическим данным ничем особенно не отличался от сотен таких же детей. Мама работала воспитательницей в детском саду и одна растила своего мальчика, который, окончив школу, должен был идти в армию. Однако теперь, получив отсрочку, Салман решил не поступать ни в какой институт, а быстрее помочь маме материально. К тому же в науках он не был силён, а маму любил безгранично. Соседи и сослуживцы уважительно звали её Диляра-ханым. Она часто ненавязчиво подсказывала сыну, как надо поступать в той или иной ситуации, но никогда не наказывала его за ошибки, считая, что главное в воспитании ребёнка – это любовь, доброта и милосердие. Тот, кого с детства окружали любящие люди, обязательно когда-нибудь в будущем подарит эту любовь своим близким. И не прервётся тогда тропинка милосердия в этом суровом мире.

Салман Мансуров устроился учеником в большую ювелирную мастерскую, которая находилась на соседней улице. Мастерская работала рентабельно, заказов поступало много, поэтому производство постоянно расширялось, и всегда требовались новые работники. Салману Мансурову здесь понравилось с первой же минуты его появления в этих стенах. Во-первых, опытные мастера, уже много лет работавшие за своими ювелирными верстаками, очень доброжелательно встретили молодого человека, а во-вторых, ювелирам не надо было помнить о каких-то синусах и косинусах, а также писать скучные сочинения о литературных героях прошлого. В мастерской всё делалось своими руками – здесь и сейчас. Шефство над начинающим работником взял на себя старейший и опытнейший ювелир, Байрам Рагимов. Он уже тридцать пять лет находился в профессии и за это время помог очень многим освоить ювелирное дело. И сейчас Байрам Асадович обратился к ученику со своим обычным предложением:

– Давай, Салман, садись за верстак, будешь делать своё первое кольцо.

– Прямо так, сразу? – удивился парень.

– А зачем время тянуть? Если у тебя руки растут из правильного места, то ты справишься. Не волнуйся, я буду рядом и подскажу. Возьми из коробки золотой брусок. Из этой заготовки мы и будем делать наше кольцо.

Через пятнадцать минут Салман самостоятельно соединил золотые концы и спросил у мастера:

– А как спрятать место стыка?

Байрам Асадович взял в руки кольцо и с помощью специальной кисточки спрятал полоску стыка под алмазным напылением, потом сказал ученику:

– Получилось простое элегантное кольцо без излишеств, в стиле модерн. Посмотри, как сверкают алмазные крошки даже под слабым светом маленькой лампочки.

– Двадцать минут, и кольцо готово, – удивлённо сказал Салман, потом поднялся на ноги, освобождая место мастеру.

Мужчина надел бинокулярные очки и сел за свой верстак:

– Это для тебя я показал по-быстрому весь процесс от начала и до конца. А вообще-то мы каждый день по многу часов сидим, глядя в микроскоп. Надо иметь отличное зрение, быть усидчивым, спокойным и терпеливым. Справишься? Не убежишь?

– Не убегу, – пообещал Салман.

– Постепенно у тебя появится чувство металла, и всё будет хорошо. А сегодня до конца рабочего дня отполируй несколько колец.

2

С того первого рабочего дня прошёл месяц, и настал день зарплаты. Салман получил деньги небольшие, соответственно своему статусу ученика. Однако весь день с удовольствием представлял себе, как вечером принесёт маме свою первую зарплату. А мама приготовит что-нибудь вкусненькое, чтобы отметить это событие. Но в тот день произошла ещё одна интересная встреча – их мастерскую посетила делегация ювелиров из Франции. Трое мужчин и девушка-переводчик представляли парижский ювелирный дом «PIERRE». Как понял Салман, они участвовали в международной выставке ювелирных изделий, а заодно решили ознакомиться с местным производством. Сначала эта небольшая делегация зашла в кабинет директора, а через десять минут Сабир Рустамович вместе с гостями из Парижа вышли к мастерам в производственный зал. Здесь около пятнадцати ювелиров работали за своими верстаками. Директор сразу же подвёл парижан к своему самому опытному мастеру, Байраму Рагимову, который к тому времени уже заканчивал работу над золотым мужским перстнем. Ему оставалось лишь аккуратно прикрепить к перстню инициалы владельца. Гости, окружив мастера, сначала молча наблюдали за его работой, потом через переводчицу стали задавать вопросы. Байрам Рагимов отвечал уверенно, со знанием дела. Директор, Сабир Рустамович, вдруг вмешался в разговор и сказал:

– У нашего друга Алена через два дня свадьба, и я хочу от имени нашего коллектива поздравить его и в память об этой встрече сделать скромный подарок. Ален может подойти к витрине с готовыми образцами и выбрать себе любое кольцо.

Все работники одобрительно зааплодировали. Потом девушка перевела слова директора, и французский гость выступил с ответной речью:

– Большое спасибо за поздравление и подарок. Когда-то в молодости я сделал своё первое кольцо. Кому-то оно могло показаться слишком простым и незавершённым, но в нём проявилась свежесть первого шага и аромат молодости. Поэтому сегодня я хотел бы взять кольцо, так похожее на мой дебют, чтобы подарить его будущей жене. Я только попрошу нашего мастера оставить на кольце фигурную надпись из двух слов:«Эдит и Ален».

Потом мужчина подошёл к выставочной витрине со стеклянными дверцами и взял с полки кольцо Салмана и его наставника.

3

Два года в ювелирной мастерской прошли для Салмана Мансурова как два дня. Он многому научился за это время у своих наставников и с удовольствием продолжил бы работать с ними, однако опять настало время отдавать долги Родине.

И опять в девять часов утра призывник Мансуров в одних трусах стоял перед медицинской комиссией районного военкомата. Врачи в белых халатах всё так же сидели за длинным столом, но это были уже другие люди. Главный врач, сидевший теперь с краю, поднял на Салмана суровый взгляд и сказал только одно слово:

– Годен!

Парень хотел спросить у доктора:

– Куда же делся ревмокардит?

Однако природная скромность взяла верх, и призывник промолчал, к тому же он уже догадывался, что медицина способна и не на такие чудеса.

А ревмокардит, видимо, рассосался сам собой, потому что вот уже второй месяц, как рядовой Салман Мансуров служил во второй мотострелковой роте в городе Ленкорань, недалеко от советско-иранской границы. Командовал ротой старший лейтенант Сергей Разумовский. Это был молодой офицер очень маленького роста. Недостаток сантиметров он компенсировал невероятной активностью. Все знали, что солдатам второй роты нет покоя ни днём, ни ночью. Целые дни, до самого отбоя, он проводил в учениях по так называемой взаимозаменяемости, когда в условиях боя при необходимости пехотинец может заменить водителя, а водитель гранатомётчика, тот, в свою очередь, радиста, а радист – снайпера, и так далее. Старший лейтенант Разумовский очень гордился своей придумкой, а по ночам нагружал своих солдат ещё и караульной службой. В одну из таких ночей рядовой Мансуров здорово отличился. Он нёс караульную службу у склада боеприпасов. Несмотря на усталость, Салман не сомкнул глаз. Одна маленькая лампочка слабо освещала лишь небольшую площадку у входа на склад, а вся остальная территория утопала в кромешной темноте. Вдруг солдат услышал звуки чьих-то шагов, которые то приближались к его посту, то удалялись в сторону степи. Самого нарушителя не было видно в полной темноте. Когда рядовой Мансуров в третий раз крикнул «Стой! Кто идёт?» и не получил ответа, он решительно выстрелил, после чего подозрительные звуки шагов рядом со складом умолкли.

Утром, когда чуть рассвело, солдат понял, что досадно ошибся, потому что убил колхозную лошадь. Но выстрел получился отменным – пуля попала животному прямо в лоб, между глаз. Лошади явно не повезло – она каким-то образом сбежала ночью из конюшни, на вопросы рядового Мансурова ответить не могла, а самая сочная трава, как назло, росла именно рядом со складом боеприпасов. Когда полностью рассвело, местные колхозники с трудом погрузили труп лошади на телегу и повезли в штаб второй роты, к старшему лейтенанту Разумовскому, чтобы потребовать от него денежную компенсацию за убитое животное, на котором, оказывается, держался весь колхозный бюджет. Однако старший лейтенант Разумовский не был простачком и с помощью отборного мата смог убедить местных колхозников, что их лошадь по ночам должна спать, а не разгуливать по территории военной части и не щипать траву рядом со складом боеприпасов.

На всякий случай старлей Разумовский вызвал к себе в кабинет рядового Мансурова и задал ему лишь один вопрос:

– Почему ты стрелял в лошадь?

Солдат уверенно объяснил:

– Я спросил три раза, никто не ответил. По уставу имею право стрелять.

Старлей побагровел от злости:

– Во-первых, по уставу сначала надо стрелять предупредительным в воздух, а потом в нарушителя. А во-вторых, ты что, совсем тупой? Где ты видел лошадь, которая на вопрос «Стой! Кто идёт» вообще что-то отвечает.

Рядовой молчал, понурив голову. Старший лейтенант с ужасом подумал: «Что было бы, если б вместо лошади какой-нибудь выпивший офицер вышел бы проветриться ночью в сторону склада с боеприпасами, а там уже рядовой Мансуров с карабином». А вслух командир строго произнёс:

– Возвращайся в казарму и приведи себя в порядок. В караул больше не пойдёшь. Ты у меня всю жизнь простоишь на тумбочке дневальным. Стрелок…Твою мать.

С того дня прозвище «Стрелок» навсегда закрепилось за рядовым Мансуровым, но настоящая слава ждала его ещё впереди.

4

На третьем месяце службы, получив на оружейном складе карабин, рядовой Мансуров со своей мотострелковой ротой в пешем строю отправился на оборудованный стрелковый полигон. Солдатам пришло время потренироваться в стрельбе по мишеням с расстояния в сто метров. Во время движения роты кто-то из солдат громко спросил рядового Мансурова:

– Эй, стрелок, а где твоя лошадь?

Вся рота рассмеялась.

– Разговоры в строю! – сердито крикнул старлей, и смех прекратился.

Второй ротой, как всегда, командовал старший лейтенант Разумовский. Офицер заранее приказал рядовому Мансурову начать стрелять в первой четвёрке. Потом последовала его команда:

– На огневой рубеж шагом марш!

Рядовой Мансуров подошёл к оборудованному месту для стрельбы, которое представляло собой брезентовую подстилку, брошенную на землю, и мешок с песком. Потом последовала команда:

– Приготовиться к стрельбе из положения лёжа.

Первая группа легла на пыльный брезент. Старлей Разумовский подошёл к каждому солдату и лично зарядил все карабины тремя патронами. Остальные солдаты второй роты продолжали стоять в строю, подальше от огневых точек, в ожидании своей очереди. Когда всё было готово, последовала команда «Огонь».

Рядовой Мансуров стрелял первый раз в жизни, не считая случая с лошадью, и поэтому решил не торопиться. Большая зелёная мишень с ровными чёрными кругами и с цифрой десять в центре находилась от него на расстоянии в сто метров. Рядовой Мансуров неспеша переложил карабин в левую руку, а указательный палец правой руки опустил на курок. Затем, зажмурив левый глаз, правым посмотрел через прорезь прицельной планки на мушку, которую медленно подвёл к точке прицеливания, другими словами, в самый центр мишени, где находилась заветная десятка. Затаив дыхание, Салман продолжал медленно нажимать на спусковой крючок, пока не прозвучал выстрел. Когда все четверо солдат закончили стрельбу и поднялись на ноги, офицер пошёл осматривать мишени, записывая результаты стрельбы каждого солдата в свой журнал. Все три выстрела рядового Мансурова попали в десятку. Офицер не поверил своим глазам и приказал солдату повторить стрельбу. Рядовой повторил и показал такой же результат.

Теперь он был уверен – два года в ювелирной мастерской не прошли бесследно. Ежедневная работа с мелкими предметами с постоянным использованием микроскопа что-то существенно изменила в его зрении, в руках и в характере. Он

стал более усидчивым, терпеливым и спокойным. Поэтому теперь прицелиться и попасть в десятку с расстояния в сто метров для рядового Мансурова оказалось сущим пустяком, и он искренне не понимал, чему так обрадовался его командир, осмотрев мишени. Однако вскоре всё прояснилось.

Спустя две недели рядовой Мансуров, будучи дневальным, мыл полы в бытовой комнате, когда в казарме неожиданно появился старлей Разумовский и объявил дежурному солдату:

– Завтра утром поедешь от нашего батальона на дивизионные соревнования по стрельбе. Будет сам генерал Еремеев, командующий дивизией. Смотри у меня. Если хоть раз промахнёшься, будешь мыть полы до конца своих дней.

– А почему я? – спросил солдат, стоя босиком на деревянном полу с мокрой тряпкой в руках.

– Ты же у нас «Стрелок», – с усмешкой ответил офицер, намекая на убитую лошадь.

Утром следующего дня на том же стрелковом полигоне собрались солдаты и офицеры со всех частей и подразделений мотострелковой дивизии. Командующий, генерал Еремеев, ещё не прибыл, а всё остальное высшее офицерство уже стояло в специально отведённом месте. Соревнования начались вовремя – солдаты группами по четыре человека подходили к огневому рубежу, стреляли по мишеням и возвращались каждый в свой строй. Минут через двадцать дошла очередь и до рядового Мансурова. Он, как и в первый раз, спокойно подошёл к огневому рубежу, аккуратно прицелился, неспеша произвёл пять выстрелов с положения лёжа и вернулся в свой строй, к старшему лейтенанту Разумовскому. Вскоре судьи объявили его результат – пять выстрелов, пять десяток. На тот момент это был лучший результат. Старлей довольно улыбался, украдкой поглядывая на своего меткого солдата. Вероятно, ему уже мерещилась четвёртая звёздочка на погонах. К тому времени со своей свитой на полигон прибыл генерал Еремеев и стал зачитывать в микрофон имена призёров и победителей соревнований, а также их результаты. Солдаты строевым шагом подходили к генералу, получали из его рук почётную грамоту и возвращались в строй. Наконец генерал торжественно объявил:

– За первое место с результатом пятьдесят очков почётной грамотой Краснознамённого Закавказского военного округа награждается рядовой Салман Мансуров! Выйти из строя!

Солдат вышел из строя и, не подождав команды «Ко мне!», сам зашагал в сторону генерала, к тому же начав движение с правой ноги. У старлея Разумовского округлились глаза и отвисла челюсть. А солдат попытался изобразить строевой шаг, но в результате его руки и ноги смешно задвигались вразнобой, и получилось нечто среднее между спортивной ходьбой и прогулкой по бульвару. Генерал был в шоке, однако грамоту солдату вручил и даже поздравил с победой. Рядовой Мансуров радостно развернулся через правое плечо вместо левого и громко произнёс:

– Служу Советскому Союзу! Спасибо!

Потом, опять не дождавшись команды: «Встать в строй», тем же смешным прогулочным шагом потопал назад в свой строй.

Старлей понял, что увлёкшись своими учениями по взаимозаменяемости, он совсем забросил строевую подготовку. Однако в любом случае после такого позора с мечтами о четвёртой звёздочке на погоны можно было распрощаться. Когда рядовой Мансуров стоял уже в строю, офицер зло прошептал:

– Ты у меня теперь сдохнешь на плацу. Будешь тренироваться, пока не научишься.

Вернувшись с полигона, старший лейтенант Разумовский зашёл в офицерскую столовую, а рядовому Мансурову приказал ждать в казарме, недалеко от учебного плаца.

Через час старший лейтенант вернулся на плац, но в более хорошем расположении духа. Он явно принял за обедом что-то горячительное и расслабляющее.

– Становись! Смирно! – приказал он своему солдату. – Пятки вместе, носки врозь. Отработаем на четыре счёта приход и отход от начальника. При приветствии ладонь должна находиться у виска. Раз, два, три, четыре. Спина ровная, грудь колесом. Раз, два, три, четыре. Движение начинаем с левой ноги. Нога поднимается на пятнадцать сантиметров от земли, носок вытянутый.

Видимо, алкоголь начал действовать, потому что старший лейтенант Разумовский решил вдруг лично продемонстрировать сказанное. Стоя на одной ноге, вторую он попытался поднять как можно выше, но потерял равновесие и упал на асфальт. Рядовой Мансуров моментально подошёл и помог офицеру подняться.

– Продолжаем урок, – уверенно сообщил командир, встав на ноги. – Левая рука поднимается на уровень груди, а правая идёт до упора взад. «До упора взад», я сказал. Раз, два, три, четыре. Смотреть вперёд, а не на девочек. Подбородок выше. Отмашка рук. Раз, два, три, четыре. Стой. Раз, два. Теперь отработаем прохождение с песней, – продолжал офицер и спросил: – Песню помнишь?

– Так точно.

– Запевай!

– Идёт солдат по городу, по незнакомой улице, и от улыбок девичьих…

– Стой! Раз, два. Начало песни и начало движения у тебя расходятся. Песню надо начинать раньше, чем начинаешь шагать, чтобы мелодия песни совпадала с левой ногой строевого шага. У тебя этого пока нет. Будем репетировать.

«Вот это завернул,– подумал рядовой Мансуров, – прямо какая-то консерватория».

– Запевай! – опять приказал старший лейтенант.

– Идёт солдат по городу, по незнакомой улице…

– Стой! Раз, два, – сказал командир, его стало заметно покачивать, – на сегодня хватит. Цели достигнуты. Мы отработали движение строевым шагом, вспомнили положение солдата и его стойку при строевой настройкё. Всё понятно?

– Так точно, – ответил рядовой Мансуров, желая лишь одного: поскорее вернуться в казарму.

5

Со дня призыва прошло ровно полгода. Рядовой Мансуров готовился в очередной раз идти в караул, когда у входа в казарму его встретил старший лейтенант Разумовский и сообщил, что на сегодня освобождает его от всех армейских обязанностей, потому что приехала мама и сейчас ждёт сына в беседке для свиданий.

– Разрешите идти? – радостно спросил солдат.

– Иди, – ответил офицер.

Салман подошёл к своей кровати, достал из тумбочки недавно полученную грамоту и быстрым шагом направился в беседку, которая представляла собой деревянную конструкцию круглой формы со столом и скамейками. По периметру были высажены вечнозелёные растения. В этом уютном уголке родственникам и родителям было приятно встретиться и пообщаться со своим солдатом.

Мама уже сидела на скамейке, разложив на столе домашние вкусности, в надежде покормить сына. Она всегда была для Салмана самой доброй, мудрой и красивой женщиной на свете. Густые чёрные волосы, чёрные глаза и брови подчёркивали её восточное происхождение. Сын быстро подошёл к ней, крепко обнял и поцеловал в щёку. Потом, присаживаясь рядом, сказал:

– Мама, ну зачем ты тащила такую тяжесть? Да ещё термос с чаем. Мы только что поели перед разводом. Я совсем не голоден.

– Ничего, потом поешь и друзей угостишь. Здесь всё свежее и вкусное, а мне совсем не тяжело, – сказала Диляра-ханым и добавила: – Расскажи лучше, как ты здесь, сынок, не трудно тебе? Может, кто обижает? Я поговорю с твоим командиром.

– Не надо ни с кем говорить, мама. Никто меня не обижает. Наоборот, даже уважают. Вот посмотри, меня наградили почётной грамотой. Сам генерал награждал.

Салман расстегнул верхнюю пуговицу гимнастёрки и достал из внутреннего кармана аккуратно сложенный лист бумаги. Бумага была не простой, а с какими-то гербами, номерами, подписями и печатями. И всё это на фоне изображений танков и самолётов. Диляра-ханым сразу поняла, что бумага серьёзная, и спросила:

– А что здесь написано? Я не вижу без очков.

– Там написано, – гордым пионерским голосом начал Салман, – что этой почётной грамотой я награждён за первое место на соревнованиях по стрельбе из карабина. Теперь я лучший стрелок в нашей мотострелковой дивизии.

На этих словах женщина заметно изменилась – улыбка сошла с лица, глаза потускнели и наполнились печалью.

– Что случилось, мама? – удивился парень. – Я думал, что ты похвалишь меня, и мы вместе порадуемся.

– Я видела нехороший сон, и мне тревожно, – объяснила Диляра-ханым и продолжила. – Я хочу, чтобы ты знал, если с тобой что-нибудь случится, то и мне не жить.

– Но почему со мной что-то должно случиться, мама? Почему ты так думаешь? – искренне не понимал Салман.

– Потому что, сынок, хорошие стрелки нужны не на фабрике, не на заводе и даже не в твоей ювелирной мастерской, а на войне. В Афганистане началась война, и я видела сон, что тебя тоже отправляют на эту войну. Поэтому дай мне слово, что никогда больше, ни на каких соревнованиях не будешь хорошо стрелять.

Салман очень любил маму, поэтому сказал:

– Хорошо, мама. Я всё понял и сделаю так, как ты хочешь, только не печалься, пожалуйста.

Через месяц командир второй роты, старлей Разумовский, отправил на двух грузовиках своих солдат на военный полигон для плановой тренировки в стрельбе из карабина.

Рядовой Мансуров лежал на пыльном брезенте, рядом с мешком песка, и думал, как поступить. Сначала, без колебаний, он хотел исполнить данное маме обещание и выпустить все три пули в «молоко».Солдат даже отвёл ствол карабина чуть в сторону от мишени и собирался уже нажать на курок, но какая-то неведомая сила мешала ему. Салман вдруг подумал, что сегодня, умышленно стреляя мимо цели, он предаёт кого-то или что-то в будущем, возможно, даже себя самого. Старший лейтенант Разумовский стоял рядом и внимательно смотрел на Салмана, будто тоже ждал его решения. Наконец рядовой Мансуров понял, что не в силах заставить себя стрелять хуже, чем умеет на самом деле, даже несмотря на войну в Афганистане. Солдат вернул карабин на место, прицелился, затаил дыхание и выстрелил три раза подряд. Все три пули попали в десятку.

6

Командир сто седьмой мотострелковой дивизии генерал Ерофеев, прежде чем уйти домой, решил разобраться с ещё одним вопросом. Из головы никак не выходил странный солдат, безобразно шагавший, но стрелявший великолепно. Генерал поднял трубку телефона и вызвал к себе в кабинет начальника Особого отдела сто седьмой дивизии полковника Фролова, обладавшего феноменальной памятью.

– Присаживайтесь, полковник. Есть разговор, – сказал генерал.

Полковник устроился напротив генерала и открыл свой блокнот для записи распоряжений.

Генерал Ерофеев продолжил:

– Однажды мой покойный дедушка рассказал мне удивительную историю. Во время войны в тридцать девятом году в финской армии служил снайпер невероятной меткости. Звали его Симо Хяюхя. Так вот, этот Симо положил семьсот наших бойцов. Пятьсот сорок случаев подтверждены документально.

– И где же сейчас этот Симо? – спросил полковник Фролов.

– Надеюсь, что в аду, – улыбнулся генерал и продолжил свой рассказ: – Он прожил до глубокой старости и умер своей смертью. Наши красноармейцы его очень боялись и прозвали «белой смертью».

– А с какой целью мы вспоминаем бывшего врага сейчас?

– Ты помнишь наши соревнования по стрельбе и солдата, занявшего первое место?

– Я даже помню как его зовут, Салман Мансуров, – сказал полковник.

– Точно, – подтвердил генерал.– Так вот, я подумал, зачем такому молодцу просиживать штаны где-нибудь в карауле или дневальным на тумбочке. Назовите его, например, «Чёрная смерть», придумайте пару-тройку страшных легенд о его способностях в бою и пусть в горах наводит ужас на душманов не хуже того финского Симо. Так, по крайней мере, от него будет больше пользы. Ходить в строю он всё равно не умеет.

– Здесь есть один нюанс, товарищ генерал, – деликатно возразил начальник особого отдела.

– Какой ещё нюанс?

– Этот Мансуров – единственный сын у матери.

– Вот что я тебе скажу, полковник – война она для всех война одинаково, и у кого один сын, и у кого пятеро. Готовь документы на рядового Мансурова о переводе в Ташкент, в Краснознамённый Туркестанский Военный Округ.

Полковник Фролов не представлял себе, чем рядовой Мансуров мог бы наводить ужас на душманов, однако послушно ответил:

– Есть, товарищ генерал, – и вышел из кабинета.

7

В десять часов вечера в казарме объявили отбой и солдаты начали расходиться по своим койкам. Когда рядовой Мансуров проходил мимо дневального, тот остановил солдата и сообщил:

– Только что звонил командир и велел тебе явиться к нему в кабинет.

– Когда?

– Прямо сейчас, – уточнил дневальный.

Штаб мотострелкового батальона со всеми офицерскими кабинетами находился напротив солдатских казарм, с противоположной стороны учебного плаца. Рядовой Мансуров пошёл через плац к зданию штаба. Он уже бывал в кабинете начальника и сейчас был уверен, что идёт за очередной порцией пи…..лей. Когда солдат шагнул в кабинет и доложил:

– Рядовой Мансуров по вашему приказанию прибыл, – старший лейтенант Разумовский продолжал стоять у окна и не посмотрел на вошедшего. Он был явно чем-то расстроен. Рядовой Мансуров насторожился и спросил о главном, хотя и не по уставу:

– Что-то случилось с мамой?

– С мамой всё хорошо, – ответил старший лейтенант и повернулся к солдату: – Вот, только что пришёл приказ: для дальнейшего прохождения службы велено от-

править тебя в Ташкент. Будешь теперь служить в Туркестанском военном округе. Собери свои вещички, если есть. Я уже распорядился – в пять утра наш полковой автобус отвезёт тебя на военный аэродром, оттуда – на транспортном самолёте в Ташкент.

– Но почему? – спросил рядовой Мансуров.

– По кочану,– сердито ответил офицер,– все объяснения и дальнейшие указания получишь уже на новом месте службы.

Салман своим острым ювелирным зрением заметил, что командир во время разговора ещё ни разу не посмотрел ему в лицо и упорно прячет взгляд, направляя его по сторонам.

– Это из-за лошади?– спросил рядовой Мансуров.

– Нет,– ответил старший лейтенант,– можешь идти.

Солдат развернулся и шагнул к двери.

– Стой!– приказал командир.

Когда Салман повернулся к нему лицом, произошло невероятное – старший лейтенант Разумовский подошёл и на прощание по-мужски крепко обнял своего солдата. Рядовой понял, что это не по уставу, а по велению человеческого сердца.

8

Вертолёт Ми-8 трижды пытался приземлиться на оборудованной площадке между скал Панджшерского ущелья, чтобы забрать убитых и раненых солдат пятой роты, но каждый раз попадал под прицельный огонь моджахедов, засевших на соседней высоте. Среди душманов находился и снайпер, который к тому времени успел ликвидировать троих солдат пятой роты. В результате рота приостановила своё продвижение вглубь Панджшерского ущелья, и командир принял единственно правильное решение – уничтожить духовского снайпера и захватить эту важную высотку. Для выполнения этого задания капитан Смирнов отправил двух своих снайперов – сержанта Зуева и рядового Мансурова. Для солдата Мансурова это был первый личный выход на боевую операцию или, как говорили у них в роте, на войну. Только неделю назад он закончил снайперские курсы при штабе сороковой армии, и вот уже сейчас, перед походом в горы, они вместе с сержантом Зуевым меняли тяжёлые армейские ботинки на лёгкие кроссовки. Это выглядело как случайный привет из мирной жизни. Проверив боеготовность снайперских винтовок, оптических прицелов и наличие запасных магазинов с патронами, солдаты пошли вверх по крутому скалистому берегу, а точнее будет сказать, поползли вверх навстречу неизвестности. Сержант Зуев полз первым. По году призыва он уже был «дедушкой» и с первого дня знакомства во всём опекал молодого бойца. А о том, чтобы прятаться за его спиной, не могло быть и речи. С такой «дедовщиной» рядовой Мансуров столкнулся впервые и понял, что люди могут меняться, когда опасность и близость смерти становятся их каждодневной реальностью. Солдаты медленно, но упорно ползли вперёд, чтобы снайпер и сопровождавшая его группа душманов оказались как можно ближе в зоне досягаемости снайперского огня. Въедливая афганская пыль очень быстро с ног до головы накрыла солдат, и теперь, как два серых валуна, они слились с окружающими камнями и булыжниками. Солнце катилось к закату и неожиданно быстро скрылось за высокой скалой, отбросив глубокую тень на позицию моджахедов. Напряжение нарастало. Наступившую тишину нарушала лишь быстрая река Пяндж, бурным и шумным потоком протекавшая по дну ущелья. Солдаты подползли к двум огромным камням и в образовавшемся между ними проёме увидели позицию моджахедов. Рядовой Мансуров чуть приподнял винтовку и посмотрел через оптический прицел. До вражеского окопа было метров двести – вполне приемлемое расстояние для его снайперской винтовки «СВД».

Именно в эту секунду раздался громкий одиночный выстрел, и ущелье многократным эхом отразило этот звук. Рядовой Мансуров успел ощутить, как пуля, чуть задев макушку его шлема, со свистом застряла в ближайшей скале. Боец понял, что был в двух сантиметрах от гибели, но не шевельнулся, продолжая спокойно наблюдать за обстановкой сквозь оптический прицел. Сержант Зуев негромко спросил:

– Ты видел? Снайпер перебежал на другую позицию.

– Уверен, он заранее подготовил себе несколько позиций, – ответил напарник и сразу добавил: – Я вижу его под большим валуном, похожим на шар. Минуту назад там лежало три булыжника, теперь четыре. Это он там пристроился.

– Если ты ошибаешься, то нам кранты, – сказал сержант и добавил: – Поменять позицию мы не успеем.

В эту минуту случайный луч заходящего солнца каким-то чудом пробился сквозь трещину в скале и, как по заказу, точно попал на участок с четырьмя булыжниками, и там нечто очень блестящее успело трижды сверкнуть, отражая солнечный свет. Казалось, будто кто-то умышленно просигналил бойцам пятой роты, указав таким образом точное местоположение вражеского снайпера. Для рядового Мансурова этого было достаточно. Он выстрелил только один раз и увидел, как один из булыжников моментально окрасился в красный цвет, будто под ним разбилась бутылка с красным вином. Ответного выстрела не последовало.

– Вот и всё,– сказал Салман.

Сержант Зуев по рации доложил обстановку капитану Смирнову.

Потом рядовой Мансуров увидел, как солдаты пятой роты начали медленно подниматься по крутому скалистому склону, чтобы занять важную высоту. Малочисленная группа моджахедов, потеряв снайпера и увидев превосходящие силы противника, быстро куда-то отступила. Сержант Зуев и рядовой Мансуров первыми поднялись на освобождённую высоту. Убитый снайпер лежал на своей винтовке лицом вниз, с окровавленной головой. Салман старался не смотреть в его сторону – зрелище развороченного черепа с непривычки вызывало у молодого солдата приступ тошноты. Чтобы не опозориться перед сержантом, рядовой Мансуров начал глубоко дышать, и это ему помогло приглушить позывы к рвоте. А сержант Зуев, наоборот, решил осмотреть труп и для этого перевернул его на спину. И тут выяснилось, что перед ними – женщина, лет тридцати, с европейскими чертами лица, в пятнистом маскировочном костюме и в лёгких ботинках. Снайперская пуля разворотила ей затылок, но лицо почти не пострадало. Сержант Зуев не нашёл в её карманах никаких документов, лишь на безымянном пальце левой руки было золотое кольцо с алмазным напылением. Рядовой Мансуров не сомневался – именно эта вещица, трижды сверкнув, спасла ему жизнь. Невероятно, но это было то, самое первое кольцо, сделанное Салманом несколько лет назад в ювелирной мастерской. На кольце сохранилась даже надпись на английском языке: «Эдит и Ален». Рядовой Мансуров пытался, но не смог вспомнить лицо того Алена, получившего когда-то это кольцо в подарок. Вдруг острая боль, как длинная игла, прошла сквозь всю его грудную клетку и затаилась где-то внутри, рядом с сердцем. Салман никак не ожидал, что гибель этой женщины отзовётся в нём сердечной болью. Очевидно, война ещё не успела превратить солдата в механического робота, спокойно выполняющего любой приказ. Он ещё не забыл мамины слова – «человек в любых обстоятельствах должен оставаться человеком»!

Вскоре на занятую высоту подтянулась вся пятая рота вместе со своим командиром, капитаном Смирновым. Здесь организовали оборонительный рубеж и оборудовали площадку для приёма вертолётов. Теперь стало возможным отправить раненых бойцов в госпиталь.

Рядовой Мансуров попросил разрешения у капитана Смирнова похоронить женщину.

– Охота тебе тратить на неё время и силы? Тут кругом сплошные камни и скалы, – сказал капитан Смирнов.

– Мы похороним её внизу, у реки. Там мягкая земля.

– Ладно, – согласился капитан. Потом спросил: – Ты понял, что придумала эта гадина? Она надевала на голову коробку от наших сухих пайков, и невозможно было отличить, где булыжник, а где голова. Молодец, что разобрался с ней.

Рядовому Мансурову эта похвала показалась сомнительной, и он даже не ответил командиру положенными по уставу словами: «Служу Советскому Союзу».

Утром следующего дня сержант Зуев и рядовой Мансуров похоронили снайпершу в Панджшерском ущелье, у реки с быстрым течением. Но прежде чем засыпать женщину землёй, бывший ювелир вернул ей на безымянный палец многострадальное золотое кольцо с алмазным напылением. Даже в самом страшном сне ему не могло привидеться, что когда-нибудь он так хладнокровно убьёт женщину, к тому же с именно этим кольцом на руке. Круг замкнулся. Только удивляла беспечность снайперши, так неосторожно надевшей на себя что-то блестящее. Возможно, это была простая женская слабость к украшениям, либо роковая ошибка, а может быть, всего лишь прощальный сувенир несбывшейся любви. Теперь уже никто никогда не узнает этого. Но Салману в тот день открылось нечто важное: на свете нет сочинителя круче и фантастичнее, чем сама жизнь со всеми её потерями, тревогами и радостями.

Через час пятая рота уходила вглубь Панджшерского ущелья на войну с отрядами полевого командира Ахмад Шаха Масуда. Пока ещё оставалось какое-то время, рядовой Мансуров, проверяя боеготовность своего снаряжения, в очередной раз задавал себе один и тот же вопрос: «Может быть, стоило тогда, в беседке, прислушаться к маминой просьбе и хотя бы раз в жизни не попасть в мишень. Возможно, теперь у него была бы совсем другая судьба?»

Однако и на этот раз ответа не было.

9

Рядовой Салман Мансуров возвращался домой поздней осенью. В Баку уже третий день было ветрено, и не прекращались дожди. Солдат свернул к себе во двор, где на просторной площадке играл в детстве в футбол с соседскими мальчишками. Потом, пройдя через весь двор, он зашёл в подъезд и поднялся на третий этаж. По дороге Салман не встретил ни одного соседа. В этот дождливый, холодный день жильцы пятиэтажного дома попрятались по квартирам. Однако мама открыла дверь сразу и в первые секунды даже не узнала сына. Она вообще никогда не видела его в военной шапке, в длинной шинели и в сапогах. Через секунду, опомнившись, женщина молча впустила его в прихожую и крепко обняла:

– Слава Богу, ты вернулся,– тихо сказала она,– раздевайся, проходи. Я тебя покормлю.

Сын тоже никогда не видел мать с белыми волосами и потому наивно спросил:

– Мама, ты подкрасилась?

– Нет, сынок, теперь это мой натуральный цвет. Наверно, от долгой разлуки и неизвестности волосы белеют. Когда мне сообщили, что тебя отправили в Ташкент, я всё поняла. Сбылся мой страшный сон, хотя ты писал мне что-то про Монголию, пытался успокоить.

Салман повесил в прихожей свою тяжёлую шинель с шапкой и шагнул в большую комнату, где находился обеденный стол. В квартире на тех же местах стояла всё та же устаревшая мебель. Дома ничего не изменилось. Женщина вдруг увидела на гимнастёрке сына три больших ордена. На одном из орденов мелкими буквами были впечатаны в металл два слова «За отвагу». Мама не читала без очков и никогда ещё не видела таких орденов так близко и поэтому наивно спросила:

– Что это, сынок?

Салман крепко обнял её и сказал:

– Прости меня, мама. Это именно то, из-за чего побелели твои волосы. Я не сдержал обещания, не смог по-другому. Прости меня.

– Знаешь, сын, ты уже взрослый и имеешь право на свой выбор. Я не осуждаю и не обижаюсь. Живи, как велит тебе сердце, а я всегда поддержу тебя.

Бывший рядовой Мансуров хотел рассказать маме о том, как расходятся на войне долг и совесть. Но сейчас, вернувшись домой, он лишь от души тепло улыбнулся, когда мама положила на стол тарелку с его любимой долмой.

Так начиналась их мирная жизнь.

Серпантин судьбы

1

Студенты Владимир Трахтенберг и Муса Гарибов никогда не были близкими друзьями. Они учились на разных факультетах и случайно познакомились только на третьем курсе. Владимир был коренным москвичом и жил с мамой в собственной трёхкомнатной квартире. А бакинец Муса на время учёбы поселился в студенческом общежитии и по нынешним временам считался бы «понаехавшим» в столицу.

Как это часто бывает, в судьбу молодых людей вмешался случай – студент Гарибов влюбился в еврейскую девушку, да ещё с актёрского факультета. Консервативные родители такой выбор сына никак одобрить не могли. К тому же в невесты они готовили ему свою красавицу-тюрчанку. Однако Муса, несмотря на молодость, уже успел догадаться – какой бы красавицей тюрчанка ни была, сильнее любви на этом свете ничего нет. Из-за возникшего конфликта с родственниками Муса решил в ближайшее лето не возвращаться в Баку на большие каникулы. А Владимиру как раз нужен был оператор на всё лето. Согласно учебному плану, он должен был за это время завершить работу над документальным фильмом о хоккейной команде «Крылья Советов». Готовый фильм принимался преподавателями как зачётная работа по режиссёрскому мастерству за третий курс. Вот только в солнечном Баку никогда не играли в хоккей, а сам студент Гарибов никогда не стоял на коньках. И, тем не менее, кадры, снятые им в процессе тренировок хоккеистов и во время официальных игр, получились очень динамичными и эффектными. Весь отснятый материал понравился Владимиру и его режиссерским мастерам. Оставалось только всё это так же эффектно смонтировать и озвучить. А самому молодому оператору съёмки запомнились больше всего странными, нелогичными приказами главного тренера команды Виктора Николаевича Тузика. Когда студенты не снимали, он требовал от них такого же активного участия в тренировках, как и от остальных игроков команды. В такие минуты Муса подозревал, что знаменитый тренер либо не понимает, для чего здесь киношники, либо всерьёз решил подготовить их к игре против канадских профессионалов. Лишь много лет спустя бывший студент понял скрытый смысл этих требований – присутствие на тренировочной площадке отдыхающих и бездельничающих наблюдателей расхолаживало всю команду.

2

Успех фильма о хоккее подтолкнул студентов к дальнейшему сотрудничеству, и они договорились вместе снять большой документальный фильм о жителях высокогорных сёл Памира. Этот фильм должен был стать их дипломной работой, но чуть не стал для них братской могилой. Шёл четвёртый день, как они прибыли в село Мургаб – самый высокогорный населённый пункт Советского Союза. Находясь на высоте

трёх тысяч шестисот метров над уровнем моря, это село практически было оторвано от остальной территории Таджикистана. Летом сюда добирались только на редких внедорожниках, а зимой на вертолёте. Владимир и Муса остановились в двухэтажном гостевом доме. Целыми днями друзья мотались по горам, снимали жизнь простых людей, их обычаи и традиции, а также суровые красоты Памира. Вся эта экзотика должна была стать основой их дипломного фильма. Вечера студенты коротали в уютном холле с развешенными по стенам коврами местного производства. Здесь же находился единственный радиоприёмник, который, казалось, двадцать четыре часа транслировал одну и ту же заунывную восточную мелодию. Главным же развлечением оставался большой бильярдный стол, установленный в центре салона. В дальнем углу, за столом, под тусклым светом лампочки сидел директор этой гостиницы и что-то молча писал. Володя всё пытался спросить у него, откуда в этой забытой Богом глуши такой крутой бильярдный стол, но так и не решился, опасаясь обидеть гостеприимного хозяина. Через три дня за ними должен был приехать внедорожник, чтобы забрать на «большую землю». А пока Муса собрал в центре стола треугольную пирамиду из бильярдных шаров, затем разбил её ударом своего шара. Владимир подошёл к столу с кием в руках, чтобы продолжить игру, но даже не успел прицелиться к шару рядом с лузой, как вдруг под его удивлённым взглядом шары сами задвигались и медленно покатились во все стороны зелёного стола. Парни, как заколдованные, замерли и уставились на это явление, напоминавшее эпизод из какого-то фильма ужасов. И тут раздался громкий крик мужчины, который спас им жизнь:

– Быстро бегите во двор! Это землетрясение!

Муса не помнил, каким образом оказался во дворе, он пришёл в себя, когда на его глазах двухэтажное здание полностью развалилось и сложилось, как карточный домик, похоронив под обломками результат их четырёхдневных трудов и мечты студентов о дипломном фильме. Рядом стояли Владимир и директор домика – к счастью, все остались живы, но погибло всё съёмочное оборудование и коробки с киноплёнкой. Однако парни ни о чём не жалели, понимая – если бы этот человек крикнул на секунду позже, всё было бы намного плачевнее. Какие-то детали от кинокамеры и осветительных приборов студентам удалось найти и вытащить из-под завала, но это уже не имело никакого значения. Через день их увёз внедорожник в ближайший город Таджикистана, а оттуда они вернулись в Москву.

Бог в очередной раз показал своё превосходство над планами человека. Для молодых людей это было первым серьёзным испытанием на прочность. Но молодёжь не пала духом – друзья успешно сняли и защитили другой дипломный фильм и в это стремительно убегающее время удачно вписались в кинопроизводство, правда, каждый в своём городе и на своей киностудии. А ещё через несколько лет, как карточный домик, развалился сам Советский Союз, похоронив под собой надежды миллионов людей на спокойную жизнь.

3

Владимир со своей еврейской мамой и Муса со своей еврейской женой переехали в Израиль на постоянное жительство. Не зная языка чужой страны, Муса устроился на работу водителем в гараж фирмы «Тойота», а Владимир – ночным сторожем на небольшую фабрику, производящую пластиковые бутылки. Однажды, отдежурив свою смену, Владимир зашёл в супермаркет – мама просила купить куриный фарш, чтобы приготовить котлеты. Парень направился в мясной отдел, когда к нему подошла молодая невысокая девушка с красивым лицом, черными волнистыми волосами, в мини-юбке и в летней кофточке с глубоким вырезом. Её наряд был подобран таким образом, что практически ничего не скрывал от заинтересованного взгляда мужчины.

– Помогите мне, пожалуйста, достать пакет с верхней полки, – попросила она.

Владимир был на голову выше девушки, поэтому легко дотянулся до целлофанового пакета, на котором на иврите было написано одно слово: «каштаны».

– Извините, – сказал Владимир, – если не секрет, для чего вы используете каштаны?

– Совсем не секрет, – улыбнулась девушка, – моя бабушка готовит суп только с каштанами. Поверьте, это очень вкусно.

– Интересно. Впервые слышу такое. Может быть, ваша бабушка сможет поделиться со мной рецептом? – спросил Владимир.

Девушка словно ожидала такого поворота в разговоре, достала из сумочки визитную карточку и передала её мужчине:

– Позвоните сегодня после шести вечера, я буду дома и передам телефон бабушке. Она всё вам подробно расскажет.

Владимир заглянул в карточку и прочитал: «Яна Премингер. Стрижка. Маникюр. Педикюр». Теперь мужчина понял, почему эта девушка не просто красива от природы, но ещё и хорошо ухожена.

Владимир позвонил вечером, как и договорились. Яна ответила на звонок, но телефон в тот вечер так ни разу и не попал в бабушкины руки, и тайна приготовления супа с каштанами осталась нераскрытой. А Яна с Владимиром проговорили без перерыва три с половиной часа, пока у мужчины окончательно не разрядилась батарейка в мобильнике. Это был личный рекорд Владимира по продолжительности разговора. На исходе ближайшей субботы они вновь встретились на набережной Бат-Яма. После непродолжительной прогулки по песчаному берегу мужчина предложил зайти в летний ресторан. На открытой веранде звучала лирическая мелодия. Вечер был тёплым, безветренным и приятным. Спокойная гладь моря, словно гигантское зеркало, отражало длинную лунную дорожку. Однако в ресторане посетителей было немного. К вошедшим гостям подошла молодая официантка и положила на стол меню.

– Что ты хотела бы заказать? – спросил Яну Владимир.

– Рыбу, порцию побольше, – ответила та.

Владимир открыл меню и позвал к столу официантку:

– Просветите нас, пожалуйста. Что такое рыба лаврак? Мы хотим заказать порцию побольше.

– Тогда закажите именно лаврак. Это то, что вам надо, – уверенно сообщила девушка.

На этом и остановились. Потом официантка принесла и разложила на столе разнообразные салаты, холодные закуски и два бокала тёмного пива. Через пятнадцать минут Владимир увидел, как открылись кухонные двери, и двое парней в поварских фартуках и высоких колпаках в четыре руки торжественно вынесли на веранду большой железный поднос, по периметру которого были нарезаны огурцы и помидоры. Посередине подноса располагался большой белый холм высотой с полметра из неизвестного вещества. Ну, а внутри холма, видимо, была спрятана большая рыба, как и обещала им официантка. Она сама торжественно шла за подносом и несла в руках обыкновенный молоток и нечто, похожее на зубило. Оба повара водрузили на стол эту грандиозную конструкцию, а официантка передала Яне молоток и зубило. Девушка явно растерялась, не понимая, что же с этим инструментом делать. Сидевший напротив Владимир тоже не понимал, что происходит. Он вообще-то привык пользоваться ножом и вилкой, а тут молоток и к тому же только один. Повара с милой улыбкой пожелали гостям приятного аппетита и вернулись на кухню. Молодая официантка спасла ситуацию. Она забрала у Яны молоток и стала потихоньку откалывать белые куски от холма. Только теперь, с близкого расстояния, Владимир понял, что это холм из обыкновенной соли и где-то внутри должна находиться рыба. Девушка отбивала от холма слой за слоем, но рыба не показывалась. И только у самого

основания этой соляной конструкции Владимир наконец увидел две маленькие рыбёшки, которые смотрели на него круглыми выпученными глазами, словно сами удивлялись такому сюрпризу.

– Очень вкусная рыба. Приятного аппетита! – как будто в насмешку сказала официантка и пошла встречать вновь прибывших гостей.

Под соседним столом сидела рыжая кошка, словно в засаде, и ждала своего часа. Этот час настал – мужчина швырнул ей эту наглую глазастую рыбёшку, потом спросил у Яны:

– Найдём нормальный ресторан?

– Конечно, – ответила она и поднялась из-за стола.

Владимира нисколько не расстроил этот полный «лаврак» с рыбой. Больше всего его беспокоило крепнувшее с каждой минутой взаимопонимание и взаимопритяжение между ним и этой женщиной, которое обычно заканчивается законным браком. А он привык находиться рядом с мамой.

4

Работая водителем в гараже фирмы «Тойота», Муса гарантировал себе постоянный заработок, но втайне скучал по своей профессии. Поэтому бывший оператор устроился «по-чёрному» в маленькую частную видео-студию, хозяин которой специализировался на съёмках свадеб. В ресторанах и залах торжеств свадьбы обычно начинались в восемь часов вечера. Поэтому Муса вполне успевал после работы в гараже привести себя в порядок и явиться в видеостудию. Камеру на плече он держал устойчиво, снимал уверенно, оставалось только понимать, что говорит ему хозяин, который сам сидел за режиссёрским пультом и руководил операторами. Так как Муса практически не понимал иврит, то хозяин в первый день съёмок подвёл его к жениху и невесте и просто рукой показал: вот это – хатан /жених/, а это – кала /невеста/. Как услышишь в наушниках слово «хатан», поворачивай камеру на жениха, как услышишь слово «кала», переходи на невесту. С этого простого урока и началась новая операторская карьера Мусы Гарибова в Израиле. Но уже через месяц съёмок он хорошо знал, как называются на иврите все ближние и дальние родственники жениха и невесты. Работа на хозяина в этой маленькой студии с профессиональной точки зрения не давала ничего нового, но с точки зрения изучения иврита и профессиональной терминологии это был бесценный опыт. Через полгода он практически понимал всё, что звучало в его наушниках, и был вполне способен перейти на профессиональную студию. Вот только как туда попасть?

5

Как известно, всё в мире относительно и познаётся в сравнении. Неудача с рыбой лаврак так сблизила Владимира и Яну, что через неделю они скоропостижно поженились. Но чтобы содержать семью, мужчина продолжил работать ночным охранником на фабрике. В его одинокой будке у закрытых ворот до утра горел свет – Владимир все ночи напролёт читал с помощью словаря ивритские газеты и журналы. Режиссёру, в отличие от оператора, надо было не просто понимать язык предков, но самому правильно объяснять задание операторам, а также грамотно читать и писать всевозможные тексты. В одну из таких ночей Владимир случайно наткнулся на объявление в газете, в котором говорилось, что в Тель-Авиве открывается профессиональная телестудия «Ульпаней Рол», где будут сниматься передачи для второго канала израильского телевидения. А сейчас там начинается набор персонала. Все желающие могут пройти собеседование по адресу… Утром следующего дня Владимир Трахтенберг уже находился в офисе по указанному адресу со всеми своими до-

кументами о высшем образовании и многолетнем опыте работы. Именно в это утро по тому же адресу приехал на собеседование и оператор Муса Гарибов. Буквально накануне, во время обеденного перерыва, товарищ по работе показал Мусе газету с таким нужным объявлением. Вот так неожиданно судьба вновь свела старых институтских приятелей. В тот день произошло ещё одно невероятное событие – их обоих приняли на работу, хотя и с испытательным сроком. Но только месяц спустя парни узнали, что их приняли не благодаря высшему образованию, большому опыту работы и профессиональным достижениям, а всего лишь потому, что во время собеседования они согласились работать на зарплату ниже установленного минимума. Недавно приехавшие в страну профессионалы кино и телевидения скучали по съёмкам, и хитрые местные продюсеры умело пользовались этим.

6

Уже через день Владимир и Муса приступили к работе над развлекательно – эротической передачей, которая называлась «Спроси у Арика». Передача выходила в прямой эфир ежедневно поздно ночью, и её «фишка» заключалась в том, что любой телезритель мог вживую дозвониться до ведущего Арика Кауфмана и задать вопрос с сексуальной проблематикой. Арик, молодой красивый мужчина, обладал хорошим чувством юмора и считался мастером импровизации. Во время общения с телезрителями Арик свободно передвигался по всему павильону, выстроенному в виде обычной трёхкомнатной квартиры. Он мог приготовить себе кофе, поваляться на диване, помыть посуду, полить цветы на подоконнике, но, главное, он должен был найти для каждого позвонившего остроумный ответ и оригинальное решение его проблемы. Муса, как оператор, держал камеру на плече и сопровождал ведущего во время всех его передвижений. А Владимир находился в комнате контроля, за режиссёрским пультом, и руководил всем, что происходило в прямом эфире. Иногда он переходил на вторую камеру, показывавшую общий план декорации. Мусе запомнился их самый первый и самый ответственный эфир и первый вопрос телезрителя.

Арик стоял посреди декорации и на среднем плане внимательно смотрел в объектив камеры, словно призывал зрителей задавать вопросы. Наконец из динамиков прозвучал приятный мужской голос, который сказал:

– Послушай, Арик! У меня проблема.

– Мы здесь, чтобы помочь тебе, – доброжелательно улыбаясь, ответил Арик, – рассказывай, что за проблема?

– Когда я занимаюсь сексом со своей женой, у меня всё нормально. А когда я хочу заняться этим с другой женщиной, эрекция полностью пропадает. Почему так происходит?

– Интересно! – сказал Арик и, повернувшись спиной к камере, пошёл в сторону дивана.

Муса с камерой медленно последовал за ним. В кадре было видно, что ведущий ищет остроумный ответ, но не может найти и потому тянет время. И тут в наушниках Арика спасительной соломинкой прозвучал голос режиссёра программы. Володя подсказал:

– Потому что просыпается твоя совесть.

Арик сразу резко повернулся на камеру и на крупном плане эффектно повторил:

– Потому что просыпается твоя совесть.

Далее ведущего подхватила свободная волна импровизации, и он выдал телезрителю ещё парочку полезных советов. Их первый эфир в тот вечер прошёл успешно, без сучка и задоринки.

7

С того решающего дня прошло девять месяцев, и руководство студии «Ульпаней Рол» решило отправить Владимира и Мусу в двухнедельную командировку в Москву, чтобы снять репортаж о синагогах России. В аэропорту имени Бен Гуриона, как всегда, было многолюдно. Водитель студийного «Рено» высадил оператора и режиссёра на стоянке перед входом в здание аэропорта и, тепло попрощавшись, уехал по другим делам. Владимир и Муса встали в длинную очередь, ведущую к стойке регистрации улетающих. Сумки с аппаратурой они поровну разделили между собой. Молодая девушка в синей форме представителя службы безопасности аэропорта сначала подошла к Владимиру. Заглянув в его паспорт и задав пару дежурных вопросов, она быстро отпустила мужчину. Затем служащая подошла к Мусе и, забрав у него паспорт, долго изучала его.

Минут через пять спросила:

– Вы сами упаковывали свои вещи?

– Да, – ответил Муса.

– Из какого вы города?

– Из Ашдода.

– Сколько у вас детей?

– Двое.

– Когда день рождения первого ребёнка?

– Двадцать пятого сентября.

– Вам кто-нибудь передавал подарки или сувениры?

– Нет, – ответил Муса и стал догадываться, что здесь что-то происходит.

Тем временем Владимир сдал свой багаж, получил посадочный талон и, видя, что Муса всё ещё разговаривает со служащей аэропорта, решил купить для себя блок сигарет в магазине «Дьюти-фри» и потом дождаться друга у выхода на посадку в самолёт. Но допрос Мусы Гарибова затянулся. Владимир всерьёз забеспокоился, когда на выходе С5 объявили посадку на московский рейс, а Муса всё ещё не появлялся. Пассажиры неспеша заполняли автобус, который должен был отвезти их к самолёту. Наконец Владимир увидел Мусу – он быстрым шагом приближался к выходу С5.

– Почему так долго? – раздражённо спросил режиссёр. – Что произошло?

– Девушка задавала всякие дурацкие вопросы, – ответил Муса и поднялся в автобус. Владимир поднялся следом:

– Что за вопросы?

– Например, почему меня зовут Муса.

– И что ты ответил?

– Сначала растерялся, не знал, что ответить. Потом сказал, что это имя нашего общего пророка Моисея, того самого, который вывел народ из Египта. Затем перед ним расступились воды морские, и он ещё сорок лет по пустыне со своим народом…

В этот момент автобус подъехал к самолёту и остановился у трапа. Пассажиры дружно вышли из автобуса и большим полукругом встали у трапа, но подниматься в самолёт экипаж пока не разрешал. Друзья отошли в сторонку, чтобы поговорить:

– И что же тебе ответила девушка? – спросил Володя.

– Ничего не ответила. Мне вообще показалось, что она впервые услышала эту историю от меня и побежала рассказывать её дежурному офицеру смены.

– А ты не мог придумать что-нибудь попроще?

– Зачем? Это же правда, – удивился Муса.

– Ты давно на себя в зеркало смотрел? – не на шутку возмутился Владимир, – у тебя же чёрная борода, как у небритого террориста, и имя, соответствующее внешности, а ты с такой рожей ей про Моисея впариваешь. Кто же поверит? Хорошо, что она в полицию не побежала.

– Спасибо за комплимент, – в ответ рассердился Муса, – но ты, между прочим, тоже не Аполлон Бельведерский.

– А что сказал дежурный офицер?

– Этот парень решил, что у меня слишком толстые подошвы на ботинках и там можно что-нибудь спрятать. Пришлось снять обувь для проверки.

– Ну, правильно он решил. Ты бы ещё сапоги надел в такую жару.

– Это здесь жара, а в Москве в октябре дожди.

– Короче, спорить с тобой бессмысленно, – подытожил разговор Владимир, – эта идиотская ситуация будет повторяться до тех пор, пока ты не поменяешь имя.

– А по мне, если уж родился крокодилом, то надо им и оставаться, а не искать выгодные варианты превращения в бегемота, – сопротивлялся Муса. – Помнишь, как в знаменитом мультике нашего детства – «крокодил Гена работал в зоопарке крокодилом».

Владимир усмехнулся в ответ:

– Если не боишься неприятностей, тогда, конечно, оставайся таким правильным.

В это время стюардесса пригласила пассажиров подниматься в самолёт. Друзья подошли к трапу.

8

С того памятного дня прошло два месяца. Парни давно вернулись из Москвы и продолжали работать на своей студии. Однажды Муса заехал в большой торговый центр, чтобы в магазине запчастей купить новую радиоантенну для своего «Сузуки». Прежнюю антенну неаккуратные работники сломали на автомойке. Муса на эскалаторе поднялся на второй этаж и не заметил, как оказался в центре специализированного магазина, торгующего велосипедами. Здесь были любые модели для детей и взрослых. Мужчина никуда не спешил и невольно засмотрелся на это разнообразие. Но тут к нему подошёл молодой продавец и спросил:

– Может, вам помочь с выбором?

– Я всегда хотел купить велосипед, а купил автомобиль, – с сожалением ответил Муса.

– Ну вот, пришло время осуществить мечту, – улыбнулся парень.

– Я сперва сам пройдусь и посмотрю, что у вас есть, – объяснил клиент и пошёл вдоль велосипедных рядов вглубь магазина.

Там несколько покупателей подкачивали шины на своих новеньких велосипедах, а заодно заряжали их аккумуляторы. Причуды памяти вдруг вернули мужчину в далёкое детство, где остался уютный бакинский дворик с доброжелательными соседями, его горячо любимая одноклассница и первый велосипед с гордой надписью «Орлёнок». Муса учился тогда в девятом классе средней школы и жил с родителями на втором этаже дома с окнами, выходящими во внутренний двор. Прямо напротив жила девочка Рита с папой и мамой. Она была единственным ребёнком в семье и отличалась очень красивым кругленьким личиком, большими голубыми глазами и короткой стрижкой. Муса с удовольствием ходил на уроки физкультуры только лишь для того, чтобы свободно разглядывать её стройные ножки без мешающей длинной юбки. А ещё он украдкой наблюдал, как во время различных упражнений в спортивном зале колышется под тонкой футболкой её не по годам большая грудь. Мальчик только смотрел на одноклассницу, никогда к ней не подходил и ни о чём не спрашивал. Муса думал, что если он подойдёт и заговорит с Ритой, то вся школа сразу же догадается о его любви к этой девочке. Мальчик очень стеснялся этого, но однажды вечером после школы он подошёл к окну, чтобы посмотреть на начавшуюся грозу, и вдруг увидел любимый силуэт в окне напротив. Рита приоткрыла штору и пристально

посмотрела на своего соседа. Дождь струйками стекал по стеклу, а дети всё стояли и смотрели друг на друга. С того вечера возник странный ритуал – школьники в одно и то же время подходили к своему окну и этим словно признавались друг другу в вечной любви. Но есть ли на свете что-то вечное?

В один прекрасный день отец сделал Мусе по тем временам очень крутой подарок – он купил сыну на день рождения велосипед. В их маленьком дворике ни у кого из мальчишек велосипеда не было. Поэтому Муса сразу же стал любимцем всех соседских ребят, разрешая по выходным дням детям кататься на велосипеде. Так как во дворе было тесно, мальчики по очереди выезжали на велосипеде за широкие ворота, потом делали два-три круга вокруг дома и возвращались во двор. Девочки в этом дворовом ралли не участвовали, хотя с интересом наблюдали за мальчиками со своих балконов.

Однажды воскресным днём Рита спустилась во двор и сама подошла к Мусе.

– Можно мне тоже покататься? – спросила девочка.

Мальчика словно окатили кипятком, но он постарался ответить как можно спокойнее, не выдавая волнения:

– А ты умеешь?

– Умею. Меня папа научил.

– Ладно. Бери, – ответил Муса и отпустил велосипед.

Рита уверенно одной ногой встала на педаль, другой ногой оттолкнулась от земли и, легко оседлав мужской велосипед, быстро поехала в сторону ворот. Мальчики удивлённо посмотрели ей вслед. Однако не прошло и пяти минут, как Муса увидел в светлом проеме ворот знакомый силуэт одноклассницы и свой велосипед. Только теперь девочка медленно шла с заплаканными глазами, с разбитым в кровь коленом и толкала за руль сломанный велосипед. Переднее колесо сильно погнулось и, превратившись в какую-то уродливую восьмёрку, с трудом прокручивалось.

– Что произошло? – не веря своим глазам, спросил Муса.

– Там недалеко от ворот открытый люк. Я не заметила и провалилась в него передним колесом. Прости меня, пожалуйста, – еле сдерживая слёзы, сказала соседка.

– Дура, идиотка, – зло выругался одноклассник и почувствовал, как внутри у него что-то остановилось, оборвалось и закончилось навсегда.

Ему совсем не было жаль Риту, которую он любил ещё вчера.

Теперь он думал только о велосипеде и о том, как оправдаться перед отцом. А девочка стояла одна посреди двора в окружении злорадно смеющихся подростков. Дети умеют быть жестокими.

Потеряв дорогую игрушку, Муса полностью утратил интерес к Рите. Теперь его не радовали ни уроки физкультуры, ни её стройные ножки, ни романтичные свидания у окна, ни что-либо ещё. Вскоре он вообще перестал разговаривать с девушкой, а через год уехал поступать в московский ВУЗ.

В родной дворик Муса вернулся лишь через год, на время летних каникул. Естественно, вскоре он увидел то самое окно напротив, за которым уже жила другая семья, и на парня нахлынула вдруг запоздавшая сердечная тоска и необъяснимая боль разлуки. Московский студент захотел вновь увидеть Риту или хотя бы узнать, где она теперь. В один из дней он зашёл в соседний подъезд и поднялся на второй этаж. Пожилая женщина открыла дверь и сообщила, что прошлый хозяин квартиры, будучи человеком военным, отправился на новое место службы куда-то в Казахстан и забрал с собой жену и дочку. Но в день отъезда девушка оставила письмо для какого-то Мусы Гарибова…

– Это я, – сказал парень.

– Тогда подождите. Я сейчас принесу это письмо, – сообщила соседка.

Через пару минут Муса вышел из подъезда, сжимая в ладони запечатанный конверт.

Он не стал подниматься в свою квартиру, а открыл конверт прямо во дворе. На листе бумаги красивым женским подчерком было написано всего несколько строчек:

«Судьба разлучила нас, но на прощание я хочу поделиться с тобой своим секретом – люди существуют на свете только для любви, а вещи всего лишь для того, чтобы ими пользоваться. Именно так и никогда наоборот. Помни об этом, когда купишь другой велосипед или полюбишь другую девушку. И будет тебе счастье. Прощай».

Кто-то тронул Мусу за руку, и он резко оглянулся, словно очнулся от гипнотического наваждения. Перед ним стоял молодой продавец с хитрой улыбкой на лице:

– Вы подобрали велосипед? Я могу показать отличную и недорогую модель.

– Конечно, спасибо. Только давайте в следующий раз, – ответил мужчина и вышел из этого велосипедного рая.

Потом он купил антенну для машины и поехал домой. О велосипедах Муса больше не вспоминал, давно решив для себя, что обычные пробежки по берегу моря на него действуют лучше любого велосипеда.

9

Прошло ещё какое-то время, и руководство студии решило показать своим зрителям сюжет о древнем иорданском городе Петра, где все дворцы и хижины были вырублены в скалах. В командировку опять отправили Владимира и Мусу, но на этот раз только на один день. План руководства был простой: с утра пораньше съёмочная группа переходит иорданскую границу в районе израильского Эйлата. На иорданской стороне режиссёра и оператора встречает автомобиль – джип «Опель» израильского посольства – и отвозит съёмочную группу в Петру, о чём было заранее договорено с представителями посольства. Для того, чтобы с утра как можно раньше перейти иорданскую границу, друзья накануне прибыли в Эйлат и переночевали в одной из гостиниц. А утром на такси прибыли в пункт перехода. В тот день на границе было немноголюдно, поэтому уже через полчаса Владимир и Муса находились в зоне контроля иорданских пограничников. Это был большой зал с кабинками, в которых за стеклом с прорезью сидели чиновники пограничной службы. Они проверяли паспорта всех прибывающих, принимали к оплате определённую сумму за въездную визу и ставили печать сроком на месяц. Когда подошла очередь Мусы, он сквозь узкую прорезь в стекле протянул служащему свой паспорт и уже приготовился отвечать на каверзные вопросы. Однако пограничник лишь бегло взглянул на его фотографию в паспорте, прочитал имя и поставил печать на нужной странице. Потом сквозь ту же прорезь на стекле вернул паспорт мужчине, неожиданно добавив:

– Господин Муса Гарибов! Можете идти. Добро пожаловать в Иорданию.

Затем перед ним открылась маленькая дверка, за которой начиналась территория соседнего государства. Муса впервые так легко, без проблем и лишних вопросов перешёл государственную границу и был этим приятно удивлён. Он вышел из здания на небольшую площадь – здесь уже кипела своя жизнь, работали магазинчики, ходили люди, двигались машины. А на стоянке для таксистов Муса увидел большой джип «Опель», который должен был отвезти их в Петру. В ожидании гостей машина мигала всеми своими жёлтыми огнями, а за рулём сидел пожилой седой мужчина в тёмных очках. Минут через двадцать на площадь вышел Володя, волоча за собой на колёсиках две большие сумки с личными вещами и съёмочным оборудованием. К нему сразу же подошёл Муса:

– Слава Богу, живой! – улыбнулся оператор. – От тебя-то что они хотели?

– Сначала долго допытывались, что у меня общего с «Моссадом». Потом поняли, что ничего общего нет, и задали тот самый коронный вопрос: «Почему вас зовут Владимир?»

– Выходит, ты побывал в моей шкуре? – с усмешкой спросил Муса. –Интересно. И как же ты выкрутился?

– Сначала я тоже растерялся, не знал, что ответить, потом догадался и сказал, что меня так назвали в честь Владимира Путина. После этого уже ни о чём не спрашивали, сразу отпустили.

– Боятся твоего тёзку, – сказал Муса.

Владимир подтвердил:

– Конечно, ракета «Тополь М» с разделяющейся боеголовкой – это тебе не хухры-мухры.

– Только когда ты родился, Путина на свете ещё не было, – уточнил оператор.

– Видимо, эти ребята особенно не заморачиваются с числами и датами. Они услышали слово «Путин», им этого было достаточно.

– Но если на обратном пути они начнут выяснять, почему ты Трахтенберг, то нам мало не покажется. Домой мы уже не попадём, – сказал Муса.

– Выходит, это большой вопрос, кому из нас придётся имя менять, – пошутил режиссёр.

Друзья рассмеялись и в хорошем настроении подошли к джипу, чтобы познакомиться со встречавшим их человеком.

10

Ариэль Кауфман уже много лет находился на дипломатической службе, считался опытным специалистом по арабским вопросам, великолепно знал несколько языков, не считая иврита. Он добровольно напросился встретить телевизионщиков, чтобы помочь ребятам физически и самому поучаствовать в новом и интересном для себя деле. Телевизионщики загрузили в просторный багажник автомобиля съёмочную аппаратуру и свои вещи. Но прежде чем забраться в машину, режиссёр Владимир Трахтенберг обратил внимание на огромный белый плакат, висевший на стене офиса пограничной службы. На белом фоне красивой арабской вязью чёрного цвета был написан какой-то текст.

– Вы понимаете, что там написано? – спросил Володя у представителя посольства. – Наверное, «Аллах Акбар».

– Нет, – улыбнулся мужчина и объяснил, – это сорок девятая сура Корана: «Поистине, Мы создали вас из мужчины и женщины и, размножив вас, сделали разными народами и племенами, чтобы вы узнавали друг друга».

– Какие правильные слова! – искренне сказал Володя. – Я бы такие плакаты развесил во всех городах мира. Именно узнавали, а не уничтожали друг друга.

– Это бессмысленные надежды, – ответил Ариэль и сел за руль, – люди, как и тысячи лет назад, предпочитают враждовать, а не узнавать друг друга. Оружие становится более смертоносным, а сознание всё на том же уровне пещерного человека – у кого длиннее и тяжелее дубинка, тот и прав.

– Факты упрямая вещь, спорить не буду, – ответил Владимир, – вот только хочу сказать, что если кто-то на Земле ещё развешивает такие плакаты и верит этим словам, значит, не всё потеряно, значит, ещё есть надежда. Надо верить и не сдаваться.

– Не вижу другого варианта, – неожиданно согласился Ариэль.

Режиссёр поднялся в просторный джип и закрыл дверь. Муса уже сидел в кресле рядом с водителем. Их белый «Опель» быстро набирал скорость. Впереди до самого горизонта продолжалась каменистая пустыня и бесконечно увлекательный серпантин судьбы…

ШИРИН МАНАФОВ

АКТЕР И ЛИЧНОСТЬ

(публицистические заметки о жизни и творчестве Лютфали Абдуллаева)

1920-е годы. Поколение прорыва

Он появился на свет 22 марта 1914 года в небольшом городе Нуха. Именно так до 60-х годов прошлого века назывался современный Шеки, один из старейших очагов азербайджанской культуры. Не углубляясь в историю шекинского ханства, напомним все же о вкусе его правителей, чему свидетельство – украшенный непревзойденным искусством «шебеке» дворец, о котором в свое время Назым Хикмет сказал: «Даже если в Азербайджане не будет больше никакого другого здания, достаточно показать миру Дворец шекинского хана».

В начале XX века это был второй после Баку промышленный центр – благодаря издавна развитому производству шелка, первой в Азербайджане табачной фабрике и заводу по производству хлопкового масла высокого качества.

Что касается времени, на которое пришелся период юношеского формирования артиста, то это были 20-30-е годы прошлого века, время крушения вековых устоев и формирования новой, советской власти, а также новой культуры, нового искусства. На волне лозунга «культуру в массы!» возникает такое специфическое для того времени явление, как театр агитации. Агиттеатр был призван перебороть страх молодых перед угрозами старших, которые не разрешали членам своих семей работать на советскую власть. Юные актеры разыгрывали агитки – сцены – плакаты, миниспектакли или просто читали стихи с призывами учиться, разоблачать старых хозяев и работать на конфискованных у них фабриках. Особенно эффективным такой метод мобилизации оказался в промышленных городах, каким была Нуха.

«Ребята! Давайте в наши ряды! Мы построим новую жизнь!» Выступая в школах и цехах, артисты буквально вырывали из-под плотной завесы страха и косности тех, кто, несмотря на недовольство старших, как это было и в доме Лютфали, готов был влиться в группу прорыва. Для жадной до нового молодежи театр стал магнитом, символом другой жизни с ее новыми ценностями.

Лютфали, обладатель абсолютного слуха и приятного голоса, происходил из семьи богатого купца. Известный своим отнюдь не тихим нравом и консерватизмом Амир киши увлечения сына пением не одобрял, а уж к театру и вовсе относился с презрением. Вопреки воле грозного отца, с двенадцати лет Лютфали – участник представлений нухинского Агиттеатра.

Здесь вкусы его формируются под влиянием человека достаточно интересного и необычного. Созданный Бахшали Ахундовым (все звали его Бахшали Эфенди) в 1920 году Театр агитации очень скоро становится заметным явлениям в Нухе. Сами факты биографии этого нестандартного человека – свидетельство его незаурядности и поистине широких интересов.

Бахшали родился в 1898 году в семье состоятельного нухинского купца. Его родственник, хозяин шелковой фабрики, нанял учителей для своих детей, Бахшали учился вместе с ними, оказался способен к языкам, изучил французский и немецкий. Поступил в Париже в медицинскую школу, но, не закончив ее, по семейным обстоятельствам вынужден был вернуться в Нуху. Затем он едет в Тегеран. Там изучает фарси и арабский, занимается изучением Корана. Но призвание свое чувствует отнюдь не в богословии, а в

просветительстве. Оттого после установления советской власти в Азербайджане в 1920 году возвращается в родной город, где на волне строительства нового общества оказывается весьма востребованным. Вся деятельность Бахшали в Нухе – пример того самого патриотизма, который воплощается в самых различных делах, опирающихся на глубокую осведомленность во многих областях. Именно при его содействии в Нухе начался сбор ценных исторических экспонатов: рукописей, ковров, исторических документов, изделий мастеров, особенно местных ювелиров. Благодаря чему был создан краеведческий музей, один из первых в советском Азербайджане вне Баку. Какое-то время он руководил созданным в те годы нухинским Музыкальным техникумом.

Бахшали не был романтично влюбленным ни в театр, ни, тем более, в советскую власть. Но время дало ему шанс реализовать свою страсть, свою мечту – увидеть в азербайджанцах просвещенную нацию. Руководимый им Театр агитации стал для нухинцев своего рода приобщением к европейским ценностям. Учеников он обучал музыке, языкам, актерскому мастерству. Иными словами, был истинным наставником, проводником в мир духовного совершенства.

Но не он один. Среди тех, кто ратовал тогда за просвещение молодежи, был и Миргасан Ахундов. Старше Бахшали на 5 лет, он, окончив в 1927 году Московский институт экономики, по возвращении в Нуху возглавил кооперативное движение в Белокано-Шекинской зоне. Основное направление его деятельности – поиск талантливых детей из бедных семей; лучших направляли на обучение в вузы Баку и Москвы.

Лютфали окружали яркие, честолюбивые сверстники. Многие выходцы из Нухи, будущие ученые, представители азербайджанской интеллектуальной элиты, начинали свой путь под влиянием Агиттеатра… «Поколение прорыва» – так говорил о своих подопечных Бахшали. Среди друзей детства Лютфали и участников театральных представлений: будущий драматург Сабит Рахман; тенор Аловсят Садыхов, долгие годы исполнитель партий Меджнуна, Шаха Исмаила, Ашига Гариба, до 1963 года солист театра Оперы и балета; известный актер театра и кино Мамед Бурджалиев; Нуреддин Бадалов, как и его друг Лютфали, прекрасный исполнитель мугама; Мамед Эфендиев, впоследствии известный театральный деятель, первые шаги на сцене, как и Лютфали, делал в нухинском Агитеатре. В 1931 году Мамед Эфендиев будет направлен на учебу в Москву в институт красной профессуры. Станет автором монографии «Азербайджанская драматургия: проблемы развития». В 1937 году будет заведующим кафедрой азербайджанской литературы в Пединституте им. Ленина. Погибнет на фронте в боях под Керчью в 1942 году. В этом же ряду – Мовсум Саламов (1906-1985гг.) – историк, востоковед, стоявший у истоков Музея истории Азербайджана, первый директор музейного комплекса Ширваншахов в Баку.

С 12 лет участвуя в постановках агиттеатра, Лютфали был участником мощного процесса высвобождения молодежи из атмосферы невежества, косности и подчинения устаревшим традициям.

У Лютфали хороший голос, и многие думали, что вскоре он бросит театр и станет исполнителем мугамов. Любовь к мугаму он пронесет через всю жизнь, и его исполнение многими знатоками будет одобрено за теплоту и чистоту исполнения. Но юноша твердо решил стать актером, и сделать выбор ему помог Бахшали.

– Ты должен развиваться в том направлении, где достигнешь высот, где ты незаменим. Ты можешь стать хорошим певцом и отличным актером. Значит, ты будешь актером.

Бахшали буквально столкнул юношу в веселую пропасть актерства. Сверстники Лютфали знали его как одного из тех, кто выступал на подмостках театра, вопреки негодованию отца. Чем было интересней юноше в труппе, тем сложнее дома. Отец, Амир киши, до революции богатый купец, человек огромного роста, властный, не терпел возражений. После прихода советской власти и конфискации имущества, он замкнулся в себе, не выходил из дома, стал особенно придирчив. Был твердо уверен, что сын Лютфали позорит его и делает посмешищем в глазах окружающих. Ну как он мог предвидеть, что через много лет Лютфали из «позора семьи» превратится в ее гордость…

Неприязненное отношение отца к выбору сына и вынудило в 1929 году пятнадцатилетнего паренька без спросу покинуть отчий дом и уехать в Баку.

По словам Вагифа Керимова (шекинского старожила), определенную роль в этом сыграл Ахмед Анатоллу (талантливый комедийный актер, выступал с 1911 года в театральной труппе «Сафа», исполнитель роли Вели в спектакле «Аршин мал алан», показанном в Москве на декаде азербаджанской культуры 1938 года), в 1926 году побывавший на гастролях в Нухе…

Дальше события развивались так. Осенью 1929 года актеру сказали, что у входа в театр его ждет какой-то мальчик. Это был Лютфали. Он попросил помочь ему устроиться в городе, где у него никого не было. Через некоторое время актер поспособствовал тому, чтобы подростка с хорошим голосом приняли в хор театра Оперы и балета. Счастью Лютфали не было границ. Можно представить себе, с каким нетерпением он ждал первого выхода на сцену с хором…

Именно на подмостках оперного театра он познакомился с Шамси Бадалбейли, человеком, с которым соединят его узы не просто дружбы, но единых творческих интересов и устремлений. Шамси был старше него на три года, но имел к тому времени довольно солидную творческую биографию. Окончив Азербайджанскую консерваторию по классу народного исполнительства и композиции, он стал проявлять интерес к музыкальной режиссуре и устроился ассистентом к драматургу и режиссеру Джафару Джаббарлы. Почувствовав свое призвание именно к режиссуре, Ш.Бадалбейли начал работать в Азербайджанском драматическом театре ассистентом режиссера, вскоре был послан Народным Комиссариатом Просвещения в Москву на стажировку и, вернувшись, приступил к активной режиссерской деятельности в том же театре.

Кто знает, суждено ли было дружбе двух творческих людей развиться в нечто гораздо большее, чем просто дружба, если бы не случилось событие, ставшее судьбоносным в жизни обоих.

Обаяние театра Музыкальной комедии

30 мая 1938 года опереттой Зульфугара Гаджибейли «Эвлийкен субай» («Женатый холостяк») открылся театр Музыкальной комедии, которому было присвоено имя Джалила Мамедгулузаде. Поначалу своего здания у театра не было, и актеры играли на сцене клуба, созданного в бывшей вилле Ротшильда (сейчас «Белый город»), затем – на площадке Летнего клуба, под открытым небом. В 1939-м году театр переехал в здание бывшей Еврейской синагоги (теперь Театр песни на улице Рашида Бейбутова). Театр объединял две труппы – русскую и азербайджанскую. В обеих работали талантливые, профессиональные режиссеры и артисты. Соответственно разнился и репертуар. Если в русском отделении играли европейскую классику – «Сильву», «Марицу», то самобытность азербайджанской труппы определялась постановками отечественных оперетт.

За короткий срок театр приобрел невероятную популярность. Все премьеры периода 1938-1948, а потом 1956-1970-х годов собирали полные залы. Феномен подобного взлета не изучен, а между тем речь идет о действительно уникальном явлении.

Как же объяснить театральный бум, охвативший Баку в этот период? И как могла возникнуть такая удивительная для «легкого» жанра оперетты ситуация?

Академик А. Мирзаджанзаде о годах своей молодости:

«Бакинская музкомедия моей молодости обладала таким же влиянием на умы, как в уже зрелые мои годы (70-80-е, проведенные в Москве,) театр на Таганке. По восприятию моему – явления абсолютно идентичные – ощущение оптимизма, вызова довольно тусклой и скучной театральной жизни тех лет. Музкомедия бакинская была популярна как среди людей пожилых, так и молодых, что само по себе очень интересно. Более всего мне нравилась азербайджанская классика – актеры играли с большим подъемом, публика реагировала очень живо, эмоционально.

Музкомедия была центром культурного инакомыслия, доказывала нашу национальную индивидуальность. То, что московские критики называли самобытностью, национальным колоритом, на самом деле скрывало гораздо более значительное явление, чем фольклор… Говорят, искусство помогает перенести тяготы жизни, прозу будней. Тем более, в трудные послевоенные годы, на которые пришлась моя молодость. Постановки Музкомедии, блестящая игра всенародных любимцев-актеров, прежде всего Лютфали Абдуллаева, снабжала зрителей историческим оптимизмом, радостью и верой в будущее…»

Из рассказа известного бакинского врача-психиатра Агабека Султанова:

«Я, как постоянный зритель Музкомедии с 1957 года, могу сказать от имени зрителей моего поколения: мы все вышли из «Аршин мал алана». Счастье, что Узеир бек сумел создать театр, как поразительной силы и обаяния духовный центр, своего рода оборону от навязчивой жесткой цензуры, буквально пронизавшей тогда все стороны нашей жизни… Притягательная сила Музкомедии, как и фильма 1945 года «Аршин мал алан», была основана на стремлении сохранить, спасти национальную память о целом периоде в нашей истории, отраженном с большой любовью. Театр Музкомедии, своеобразный «дом Узеир бека», вдохновлял всех нас на создание таких же национальных центров в других областях… Уверен, что достижения в остальных направлениях культуры и науки тех лет – следствие поразительно богатого и разнообразного влияния Музкомедии на культурную атмосферу Баку еще в 1940-х годах».

Киновед Тогрул Джуварлы:

«Одним из завсегдатаев Музкомедии был легендарный глава «Азнефти» в послевоенные годы – Сулейман Везиров. О нем рассказывают как о необычайно строгом и требовательном руководителе, который мог засиживаться на работе допоздна. Но оперетта была его отдушиной. Актеры театра знали, что он может появиться в любой вечер, придет хотя бы на второе действие, и для него здесь всегда держали свободное место в первом ряду. Только в театре он и мог по-настоящему расслабиться, и та же молва утверждала, что, неожиданно явившись на спектакль, он радостно включался в этот мир музыки и даже подбадривал актеров. Здесь ему было легко и свободно...Это был дом, в котором тысячам людей в гнетущей атмосфере сталинизма хотя бы три часа было легко и свободно».

30-40-е годы. Поиски самобытности

С самого основания театра в 1938 году Лютфали – в составе основной труппы. И сразу первое большое испытание: театр участвует в знаменитой декаде азербайджанской культуры в Москве. Для нынешнего поколения название «декада», по всей вероятности, ничего не говорит. Но в то время это было отличной возможностью для республик продемонстрировать свое искусство на самой главной сцене столицы огромной страны.

Декада 1938 года вошла в историю азербайджанского искусства как знак признания его высокого качества за пределами республики. Кроме того, был одобрен основной вектор его развития, который должен был непременно найти отражение в новых произведениях на злобу дня.

Но откуда их взять? И вот в театре ставится нашумевшая в Москве «Свадьба в Малиновке»… и не имеет никакого успеха у азербайджаноязычной публики.

В это же время с успехом ставится мугамная опера «Ашиг Гариб», где в роли ашига Вели уже ярко проявляются артистические качества Лютфали – голос, талант актера и танцора. Затем комедия «Визирь Лянкяранского ханства» Мирзы Фатали Ахундова на музыку Ниязи, где Лютфали играет изобретательно и с юмором Керема. В комедии «Той киминдир?» («Чья свадьба?») драматурга Магеррама Ализаде и композитора Агаси Мешадибекова создатели спектакля отказываются от первоначального названия «Депутат гыз», сочтя его пресным и скучным. Публика тепло принимает постановку. К слову сказать, этот спектакль выдержит испытание временем и будет вновь и вновь в различных

режиссерских версиях завоевывать все нового зрителя. Очень удачная театральная находка – дуэт Узуна (Длинный) и Гошуна (Короткий) – таил в себе возможность целого каскада импровизаций в национальном стиле, чем пользовались режиссеры и актеры. Ахмед Анатоллу играл Узуна, Лютфали – Гошуна.

Ну, а потом громкий успех комедии Ордубады и Сеида Рустамова «Беш манатлыг гялин» («Пятирублевая невеста»), где Лютфали играет слепого Мовсума в характерной для него импровизационной манере. Потребность в пьесах, предполагающих активное использование чисто национальной традиции рождающихся на глазах у зрителя шуток, огромна. После бакинского успеха «Beşmanatlıg gəlin» эту пьесу ставят театры Шуши, Агдаша, Шамхора, Газаха, Физули, Лянкярана.

В тот период большой популярностью в Баку пользовались концерты актеров Музкомедии в домах культуры, на летних площадках парков города. Чаще всего концерты состояли из сценок из трех спектаклей: «Мешади Ибад» Узеир бека, «Беш манатлыг гялин» Зульфугара Гаджибекова и «Гызыл гюль» Султана Гаджибекова.

С началом Второй Мировой войны театр Музкомедии стал называться Азербайджанским Государственным театром агитации, сокращенно АГИТТЕАТР. Центральное место занимают сатира, антифашистские скетчи. Характерно, что именно тогда, «на потребу дня», в сатирических целях на сцену была допущена ранее гонимая мейхана, мастерами которой были многие актеры Музкомедии…

В 1942-м году художественным руководителем и директором Агиттеатра был назначен Шамси Бадалбейли. Обладавший опытом многих театральных постановок, в том числе и комедийных, прошедший школу советских мастеров театра в Москве, Ш. Бадалбейли создал свою концепцию развития комедийного театра, а потому сразу приступил к обновлению спектаклей.

Сначала – новая версия «Мешади Ибада». Но репертуара явно не хватает. О творческих поисках Бадалбейли свидетельствует неоднократное обращение его к известным классическим комедиям, музыка к которым создается из фольклорных обработок. Так появился музыкальный спектакль «Слуга двух господ» Карло Гольдони, где Лютфали играл Труффальдино.

Идет война, а театр живет полноценной жизнью, и на каждый спектакль появляются отзывы в печати.Театр в те годы выполняет функцию не агитатора, а катализатора театрального процесса даже в условиях войны. Спектакли разнообразны, режиссеры и актеры не боятся экспериментировать. Ведущие актеры настолько популярны в народе, что удостаиваются государственных наград. В их числе Лютфали Абдуллаев, который получает звание Заслуженного артиста республики.

Обновленный Шамси Бадалбейли спектакль «Той киминдир?» воспринимается как праздничный карнавал в довольно скудное на веселье время. В 1943 году «Аршин мал алан» с большим успехом игрался грузинским театром в Тбилиси, а в 1945-м Шамси Бадалбейли ставит «Кето и Котэ» Долидзе. Вариацией этой грузинской пьесы станет поставленная в 1982 году Товстоноговым в БДТ «Ханума». Насиба Зейналова, Алия Терегулова (Кето), Лютфали, Ахмед Анатоллу с удовольствием передают характерные черты грузинского колорита.

В 1944 году Лютфали разрывается между работой в театре и кино, ведутся сьемки «Аршин мал алана». До выхода на экран звездного фильма еще год. В летние месяцы труппа выступает на концертных площадках в парках города. Сидячих мест не хватает, и часто зрители смотрят представление стоя.

Роль слуги Аскера Вели Лютфали исполняет с 1938 года. Его герой с таким азартом, удовольствием и с такой самозабвенностью ухаживает за служанкой Телли, что дуэт второго плана становится не менее ярким выразителем идеи фильма, чем главные герои. Символизируя жажду перемен, Лютфали играет не слугу (никакого раболепства), а друга, не подчинение указаниям хозяина, а радость некого сотворчества; его участие в авантюрном приключении сопряжено с большой долей личной инициативы. При этом акте-

ром прекрасно воплощено ощущение собственной силы в достижении цели. «Хитрость против насилия» – в этом он сродни Фигаро. Кто знает, может, Лютфали уже тогда сыграл самого себя, историю своего восхождения от никому не известного провинциального актера до лауреата Государственной премии СССР и народного артиста Азербайджана? Может, отсюда та органичность, с какой он вжился в роль Вели? Так же, как его хозяин, Вели бунтует против косности непринужденно, весело, легко, без позы, без страданий. Уничтожение устаревших штампов для него так же естественно, как стремление к счастью. Его непринужденность кажется такой естественной, что многие пытаются ему подражать. Но второго Лютфали и близко нет вот уже многие годы, ни в театре, ни в кино. Он стал легендой, всенародным любимцем. В его же собственной артистической биографии именно «Аршин мал алан» явился высшей школой актерского мастерства.

Музкомедия конца 1940-х. Формирование стиля

После ошеломительного успеха фильма «Аршин мал алан» авторитет театра Музкомедии взлетел на недосягаемую высоту.

Как и все театры, Музкомедия испытывает потребность в обновлении трафаретных, банальных советских схем. Колхозно-советская тематика не выдерживает никакой критики, но это – одно из обязательных требований со стороны единственного заказчика, государства.

Например, в 1946 году на сцене Музкомедии шла оперетта Фикрета Амирова «Cözun aydın». Лютфали играл Гахрамана, Насиба Зейналова – Наргилю. В обсуждении спектакля принимали участие Узеир Гаджибеков, театровед Джафар Джафаров, драматург Сабит Рахман и режиссер Рза Тахмасиб. Музыка очень понравилась, но автора либретто Магеррама Ализаде раскритиковали за некоторую схожесть сюжетных линий с популярными постановками прежних лет: «Той киминдир?» и «Гызыл гюль». Именно в этом спектакле загорелась новая театральная звезда – дуэт Насибы и Лютфали. Вспыхнула звезда во многом вынужденно: надо было спасать постановку, а Лютфали и Насиба сумели оживить довольно слабый текст либретто, попросту заменив его своей импровизацией.

Режиссер Шамси Бадалбейли, признав замечания критиков о слабости драматургии и посредственных, вялых диалогах, сделал ставку на чудесную музыку Ф. Амирова и игру актеров. Отныне сюжет не волнует ни режиссера, ни актеров; главное требование к автору либретто – не мешать ведущим актерам импровизировать, создавая колоритные образы и запоминающийся, веселый спектакль. Кончилась самая тяжелая в истории война, люди хотят видеть на сцене веселых, жизнерадостных героев. Актеры играют с большим подъемом, стараясь восполнить схематизм образов и весьма скромный словарный запас героев своей яркой индивидуальностью. Это начало серии многих совместных побед, когда Лютфали включался в актерскую операцию по спасению спектакля. Зрители были благодарны актерам за эту атмосферу праздника, карнавала.

Именно оперетта «Гезун айдын» положила начало устойчивому феномену в советском театре – борьбе двух дуэтов: положительных героев и отрицательных. Сатирические типажи, как водится, бросают вызов двум любящим сердцам. Разумеется, проигрывают, но – в самом конце, буквально на последних минутах спектакля. Если бы герои-любовники побеждали в середине спектакля, зрители им бы этого не простили. Да и не поверили бы, настолько сатирические типажи в исполнении Лютфали и Насибы интеллектуально превосходили милых, симпатичных, трогательных и очень скучных комсомольцев и комсомолок.

Итак, в конце 40-х годов театральный мир Баку был заинтригован новым и очень оригинальным для СССР явлением – режиссер формирует актерское братство в тайной войне с цензурой. Роль Лютфали в этом процессе огромна. Он лидер, он задает тон. Обладая талантом импровизатора, он берет на себя риск обновления сюжетной линии, внесения поправок в весьма пресные сюжеты советских пьес. Признать в годы сталинизма за

актером право на подобную свободу было весьма опасно. Власть может уничтожить бунтаря. Да руки коротки: Лютфали – не просто лауреат Госпремии, его имя внесено в список участников фильма по инициативе «самого товарища Сталина».

Начиная с 1946 года в Музкомедии аншлаг. Всему Баку было интересно наблюдать, как талантливый тандем создает из банальных сюжетов яркий, сочный, очень национальный праздник. Первый этап продлился до 1949 года, затем продолжился, причем бурно, активно, уже после смерти Сталина, в 1956 году. Предоставляемая ведущим актерам свобода отличала стиль руководства Шамси Бадалбейли. Но не надо думать, что разрешалось абсолютно все.

Вспоминает **Хуршид Абдуллаева**, дочь артиста:

– Помню, как папа, взяв меня на спектакль, попросил: когда увидишь, что пришел Шамси, подойди к дирижеру и скажи ему, а он даст мне знак рукой!

Эта система сигналов нужна была для предупреждения актеров – быстро возвращаемся к тексту.

В 1947 году состоялась премьера «Дурны», которую можно считать одной из легендарных постановок театра. Автор либретто – Сулейман Рустам, композитор – Сеид Рустамов. Спектакль имел успех, но за этим успехом – долгие часы обсуждений, сотни предложений и исправлений. Шамси Бадалбейли долго работал с Алией Терегуловой, прежде чем удалось создать обаятельный лирический образ главной героини. Публика и критики отметили замечательные лирические песни Сеида Рустамова в исполнении Терегуловой и талантливого певца Кямала Керимова. Но самым важным компонентом успеха стала сама атмосфера спектакля с его двумя линиями: любовной и сатирической.

Пьеса о деревенской жизни «Дурна» открыла серию «колхозных» комедий. Как самая удачная и искренняя в этом ряду, она стала на многие годы примером для либреттистов деревенских пьес.

У зрителей и коллектива театра – словно заговор. Спектакли – какая-то не нанесенная на карту СССР автономная область, где нет ни Сталина, ни сталинизма. А чиновники? Эти смотрят и не видят. Ни за что не поверят, что какая-то группа артистов может осмелиться пойти против линии партии по воспитанию нового человека, использовать советскую власть в целях создания свободного человека. Каким всегда был Лютфали.

И если режиссер, в расчете на блестящих актеров театра, видел в либретто нечто карнавальное, то включалась вся труппа, и результатом был шумный успех. Так был создан шедевр из комедии Сулеймана Алескерова на либретто Сабита Рахмана «Улдуз». Вновь события происходят в колхозе, теперь он называется «Новый путь». В колхозе есть филиал Института субтропических растений. То ли филиал при колхозе, то ли колхоз при филиале. Бюрократ и тайный вредитель в исполнении Лютфали не намерен повышать урожайность лимонов и мандаринов. То, как он играл вредителя, было настолько обаятельно и остроумно, что зрители от души желали ему успехов. Хотя он и не скрывал, что ему глубоко начхать, обеспечит ли республика центр дешевыми мандаринами или нет, не говоря уже о выведении новых гибридных сортов. Тогда как передовая, сознательная колхозница и красавица Улдуз и ее возлюбленный – передовик Бахтияр, страстно любя друг друга, не менее страстно борются за рекордный урожай лимонов. У них две мечты – создать семью и забросать СССР дешевыми лимонами.

Лютфали на репетициях в свойственной ему неповторимой манере спрашивал у шекинца Сабита Рахмана, откуда вдруг у него такая любовь к цитрусовым? Мандарины в Шеки никогда не росли, и с чего это Сабит создал «субтропическую» пьесу? Вот если бы речь шла о росте урожая гороха или лобио, он бы понял Рахмана. Видимо, ответ драматурга не устроил актера, и пришлось внести в спектакль много своего, фирменного. Лютфали и Насиба взяли всю нагрузку на себя и сыграли ведущие партии в этом спектакле блистательно. Лютфали и Насиба явно наслаждались ситуацией и, по спектаклю было видно, повеселились всласть. Нельзя им отказать во вкусе: издевались над лирическими героями тактично, в меру, как бы приглядываясь к реакции цензуры, властей.

К счастью, власти не проснулись. Тем более, что колхозная передовая общественность в конце разоблачила вредителя, со смаком сыгранного Лютфали. Бюрократ за попытки помешать выведению нового сорта цитрусовых был наказан и уволен, и институт сумел наконец запатентовать новый гибридный сорт лимоноапельсинов. Чиновники были довольны спектаклем. Дорога к новым трудовым подвигам открыта. А в Шеки шутили: лучше бы Сабит Рахман вывел гибрид каштаногороха, сколько тогда мы сэкономили бы каштана и гороха в приготовлении «пити».

В 1964 году режиссером А.Гулиевым был снят одноименный фильм, одним из главных художественных достоинств которого стала замечательная игра актеров оперетты: Лютфали Абдуллаев, Насиба Зейналова, Башир Сафароглу, Малика Агазаде, Гаджибаба Багиров, Сиявуш Аслан были в этом фильме выше всяких похвал.

Романтический сюжет эпохи сталинизма

Это могло произойти только в сталинские времена. В 1943 году состоялась встреча Лютфали с его будущей супругой Севдой Пепиновой. История их взаимоотношений – настоящий романтический сюжет: разные сословия, семейный запрет, долгие годы врозь. И, наконец, свадьба. Но мы попытаемся представить их в контексте сквозной линии нашего повествования, а именно спасения национальной памяти и таланта артиста.

Они познакомились в столовой для работников искусств, куда она пришла по карточке своей матери – Хуршид-ханым Агаевой, проректора консерватории. С первых дней знакомства Севда прямо рассказала о тех вещах, какие Лютфали, как актеру советского театра, необходимо было знать: что она дочь врага народа – одного из министров АДР Ахмеда Пепинова, расстрелянного в 1937 году. Ее совсем не огорчает то, что ее не принимают в комсомол и сокурсницы избегают ее. Она одинока, у нее нет подруг, но это ее устраивает, так как их заставили бы доносить на нее. Лютфали заинтригован. К тому времени он уже состоявшийся актер. Ему есть что терять. Другой бы на его месте прекратил контакты с дочерью врага народа, а он ищет все новых с ней встреч. Редких, так как ее бабушка Хадиджа категорически против.

Хадиджа ханым – представительница татарского княжеского рода. Родом из Ташкента, она вместе с сестрой Зейнаб – одна из немногих мусульманок, получивших до революции образование в Петербурге, в Смольном институте. Как-то (это было в начале XX века), гуляя по Невскому, сестры Абдурахмановы увидели объявление о том, что на другом конце империи в открывающуюся женскую семинарию требуются преподавательницы-мусульманки. Обе, не раздумывая, откликнулись на этот призыв (деньги на дорогу им выслал Гаджи Зейналабдин Тагиев, при активном участии которого и была построена эта школа). Так сестры очутились в Баку и, как оказалось, на всю жизнь. Вскоре Хадиджа ханым вышла замуж за Гасан-бека Агаева.

Этот молодой человек, выходец из Гянджи, на средства того же Тагиева в Москве окончил медицинский институт. Вернувшись в Баку, он активно включился в кипящую жизнь свободомыслящей интеллигенции, печатался, как журналист, во многих прогрессивных изданиях, а во времена АДР занимал пост заместителя председателя парламента. Погиб в 1920 году в возрасте 45-ти лет в Тбилиси от пули армянского террориста.

Одна из трех дочерей, рожденных от брака Хадиджи ханым и Гасан-бека, Хуршид ханым (мать Севды) стала первым азербайджанским музыковедом, автором первой монографии о творчестве Узеира Гаджибекова. Муж ее – Ахмед-бек Пепинов (по происхождению турок-месхетинец) – также был видным общественным деятелем. Окончив Горийскую учительскую семинарию, а потом экономический и юридический факультеты Московского университета, он был прекрасно образован, знал семь языков. В правительстве АДР занимал пост министра земледелия и труда, был автором проекта земельной реформы. В советский период некоторое время занимался публицистической деятельностью, но в партию большевиков не вступил. В 1937 году Ахмед-бек был расстрелян.

Позже, на следствии по делу Багирова в 1953 году, выяснится, что его убил в своем кабинете выстрелом из пистолета сам Багиров. По-видимому, бывший депутат парламента АДР Ахмед-бек Пепинов знал о Багирове так много, что его нельзя было отпускать из кабинета даже в камеру тюрьмы. Красавица Хуршид ханым вышла вторично замуж, так что маленькую Севду с шести лет воспитывала бабушка Хадиджа.

Жизненный путь дочери «врага народа», как можно легко предположить, был отнюдь не усыпан розами. К счастью, ее тетя Назакет ханым, родная сестра матери, преподавала в Институте иностранных языков и поспособствовала тому, чтобы прекрасно владеющей немецким языком племяннице не чинили препятствий. Так 17-летняя Севда стала студенткой отделения немецкого языка.

И все-таки, несмотря на запрет бабушки, встречи Севды и Лютфали продолжаются. Хотя оба понимают, что они из разных миров.

Лютфали начинает приглашать Севду на свои спектакли, после провожает домой. Между тем, против этих встреч были не только родные Севды, но и коллеги Лютфали, вся артистическая среда: «Один из наших, да еще один из лучших, отдает свое сердце женщине не нашего круга. Театр – это семья, значит, он должен принадлежать нам, он должен выбрать кого-то из наших», – так наверно рассуждали актрисы Музкомедии, яркие, блистательные, обожаемые публикой. Эти мотивы усилились после триумфа фильма «Аршин мал алан» в 1945 году. Какая актриса не хотела бы соединить свою судьбу с лауреатом Сталинской премии? Да еще с человеком широким и щедрым, умеющим красиво ухаживать за женщинами…

Сопротивляться эгоизму артистической среды актеру было так же нелегко, как и Севде – своей бабушке Хадидже. К тому же, у него непростые отношения и с самой Севдой. Она тоже не сразу стала ему доверять. Она не верила, что человек, так хорошо вписавшийся в систему, может ее полюбить и принять ее правду и ее сложный характер. К тому же она – отнюдь не фанатка жанра музыкальной комедии и предпочитает оперу. Но главное – помнит о своем долге перед памятью отца и перед всей семьей – стать супругой такого же именитого человека с корнями. А Лютфали?

По мнению бабушки Хадиджи, *«комедийный актер, парень из провинции – такие кандидатуры даже не рассматриваются. Тем более – комедиант, любимец властей. Один из тех, кто готов на любые роли ради того, чтобы выжить, вписаться в ненавистный режим. По ролям в театре, да, наверное, и по жизни – слуга, актер второго плана»*.

Тем не менее, он рискнул вскоре после знакомства послать сватов … и, конечно, получил категорический отказ. Думала ли Севда, при всей своей симпатии к нему, что этот худенький парень, тогда еще не вполне определившийся в своем творческом и человеческом амплуа, не сдастся и решится бросить вызов всему, что мешало его любви.

А он? Он еще никогда не встречал женщины, влюбиться в которую – значит бросить вызов. Кто знает, может, если бы не эта встреча с Севдой в самом начале съемочного процесса фильма «Аршин мал алан», Лютфали не сыграл бы свою роль столь вдохновенно! Напор, динамика, драйв (как сейчас говорят) … Да, эта женщина ему очень интересна, но и он себе очень интересен: как повести себя в ситуации, где все против его желаний, воли?

Жизнь – как театр? Вполне возможно, что он представлял себе происходящее именно так: *«В 1943 году ко мне подошла девушка и потребовала, чтобы я в жизни сыграл роль, как в фильме. И если в жизни у тебя ничего не получится, и ты не решишься, то и в фильме тоже не получится»*. И он принял вызов, ведь человек он был очень азартный и обожал тех, кто ставил перед ним по сути невыполнимые задания.

Севде трудно было поверить в силу его характера, в его умение преодолевать препятствия. Тем более в эпоху сталинизма, когда известные творческие лица не то, что за брак с дочерью врага народа, а за знакомство и дружбу с детьми врагов народа лишались партбилета, изгонялись из театра. Не верила даже после 1945 года, после вручения Лютфали Сталинской премии – высшей формы благосклонности режима.

После триумфа «Аршин мал алана» Лютфали вновь просит разрешения на брак у бабушки Севды. И вновь Хадиджа ханым отказывает. А гордо брошенное им: *«Я теперь лауреат Сталинской премии!»* не только не помогло, но вызвало дополнительное раздражение. Вот именно, что Сталинской… Он был потрясен, обескуражен и…. заинтригован. Впервые в его жизни он встретил серьезное препятствие. Он должен, как Аскер, переиграть и победить. Настолько заинтригован, что стало самому интересно, найдет ли он выход из ситуации. Хадиджа ханым не просто отказала, а унизила его. Обратилась при нем к его другу Шамси Бадалбейли: «Как вы, сын уважаемого мною Бадалбека, можете сватать мою внучку за этого простолюдина!»

Вот и получилось, что жизнь оказалась явлением гораздо более азартным и таинственным, чем театр. Потом, выйдя из дома Севды и оправившись от шока, Лютфали и Шамси не без восхищения вспоминали и анализировали эту сцену царственного отказа бывшей княжны как достойную пера великих драматургов.

«Нет, – утверждал Лютфали, – ключ не сами слова, а изумление, искреннее потрясение: как посмел? И на что надеялся Шамси? В этом изумлении звучало другое», – развивал свою мысль Лютфали. Он чувствует, есть что-то общее между этим снисходительным «мастер смеха» и пренебрежительной формой отказа.

Для семьи Хадиджи Агаевой линия раздела проходила между разрушенным миром идеалов ее мужа, зятя, целой плеяды национальной интеллигенции и бандитами, уничтожавшими национальную память. По мнению родни Севды, Лютфали – необразованный простолюдин, один из разрушителей старого мира, их мира. Хадиджа ханым искренне считала, что актер верит в этот большевистский бред и является исполнителем воли партии. Как же, ведь он обласкан и поднят именно этой властью. А ведь, казалось, после просмотра фильма «Аршин мал алан» она должна была понять, что Лютфали Абдуллаев в силу своего незаурядного таланта выступает не только как носитель, но и хранитель этой самой национальной памяти.

Но нет, она считала его всего лишь исполнителем, преданным идеалам коммунизма. Она не скрывала презрения ко всему советскому, и советские театр и кино не были исключением. Она видела постановки великих театров: Большого в Москве и Мариинского в Санкт-Петербурге, что ей эти советские фигляры с их плебейским восторгом и преклонением перед сталинской медалью-побрякушкой. Посмотрев фильм «Аршин мал алан», она поняла лишь то, что этот провинциальный выскочка сумеет повторить успех его героев с применением современных методов соблазнения и кражи красавиц из семейной крепости. Рядом с её внучкой, с ее-то воспитанием и образованием, должен стоять человек ее круга. Севда выйдет замуж за человека образованного, с корнями, обладающего памятью о наших отцах, о светлом, ярком периоде Азербайджана, о периоде ярких эпохальных личностей и событий. А этот актеришка, исполнитель ролей второго плана – он понятия не имеет о таких вещах.

К слову сказать, семья Абдуллаевых никогда не испытывала особых симпатий к советской власти, впоследствии Лютфали позволял себе весьма иронические и смелые реплики в ее адрес. Но это будет позже. Сейчас же советская власть не только ему не мешает, но высоко ценит. Почему же родные Севды пренебрежительно относятся к награде, полученной от самого Сталина? – ответы на эти вопросы очень интересны ему, хотя это рискованное знание, такие вещи предпочитали не знать.

На дворе 1948 год. Газеты из номера в номер печатают страшные вещи: про дело врачей-вредителей, про бесконечные аресты «врагов народа».

Мина Сеидмамедова (внучка Лютфали Абдуллаева):

«Нынешнее поколение не понимает, что такое сталинское время. Им трудно себе представить, что такое десятилетиями жить в страхе за свою жизнь, за свою свободу, их могли посадить, расстрелять, сослать в лагеря, как и сделали со многими, включая женщин и детей. Севду и Хадиджу могла постигнуть та же участь. Возможно, они были на свободе только благодаря удачному браку Хуршид ханым, но и это могло в какой-то мо-

мент перестать их оберегать. И поэтому желание выдать внучку за человека, который, кроме всего прочего (происхождения, образования), сможет ее защитить, что вряд ли смог бы сделать какой-то актер, было для Хадиджи очень важно. Севда росла в этой атмосфере тотального страха за себя, за бабушку».

Для Хадиджи ханым жизнь полна страха: «В такое опасное время моя внучка мечтает выйти замуж за песчинку, беспомощную и беззащитную. Нельзя дочери депутата парламента АДР Пепинова жить сердцем!». Она настаивает, у нее есть отличная кандидатура. «Ты будешь с ним как за каменной стеной. Человек из нашего круга, сын дворянина, участник войны, и в то же время советский офицер. К тому же красавец, статный, представительный, на голову выше этого комедианта Лютфали во всех отношениях. Он будет способствовать твоей карьере», – убеждала бабушка.

Три года спустя Севда все-таки уступает и выходит замуж за Хаджи Мурата Ибрагимбейли. Никто теперь не посмеет чинить ей козни. Она замужем за человеком системы. Почему Севда согласилась на этот брак? В 1949 году ее уволили с кафедры немецкого языка – дочь «врага народа» не может быть преподавателем в институте. И это при том, что национальных кадров в бакинских вузах послевоенного периода было катастрофически мало. Брак с советским офицером, ветераном войны, коммунистом восстанавливает ее на работе. Но все не так однозначно. Хаджи Мурат Ибрагимбейли был не просто человеком с положением. Красавец, вскруживший голову не одной женщине, эрудированный, великолепно говорящий по-русски, он умел красиво ухаживать. Так что вполне возможно, что Севда им увлеклась. Тем не менее, семейная жизнь с этим человеком не заладилась, вскоре она бросает «каменную стену» и возвращается домой.

А Лютфали? Для него началась не лучшая пора случайных заработков, гастрольной жизни и существования на грани нищеты...

И вот спустя годы опять начинаются встречи с Севдой. Ведь все это время она продолжала верить в него. Он жил случайными заработками на гастрольных концертах, а его терпеливо дожидалась Севда, человек весьма рациональный, полный честолюбивых планов, научный работник. Это было абсолютно непонятно бабушке Хадидже, но, зная свою внучку, она подозревала, что какая-то очень загадочная логика в ее действиях есть, ведь Севда отвергала все попытки бывшего мужа наладить их отношения. При этом популярность Лютфали растет, растет и его авторитет в театральном мире; и это у Хадиджи ханым не может не вызывать любопытства. Ведь ни одной ведущей роли, всегда играет слуг, помощников, отрицательных типов. Не может исполнитель мелких ролей в театре стать событием. А Севда ищет личность, человека-событие. Легкомысленный, вздорный, и что она в нем нашла? Севда: «Светлый, легкий, тонкий, солнечный и глубокий…»

Муж упорно не дает согласия на развод, и официально они в браке, которого нет. И вот в дело о разводе включается Лютфали. Директриса загса умоляла Лютфали позвонить в райком партии, чтобы заведующий «отделом идеологического воспитания трудящихся» приказал ей оформить развод Севды с членом Коммунистической партии и к тому же полковником. Лютфали успокоил ее, пообещав помощь, если кто-то обвинит ее во взяточничестве. «Просто скажи, что тебя попросил развести Лютфали Абдуллаев».

Естественно, театральный Баку следил буквально за каждым поворотом в этом сложном, драматичном спектакле. На следующий день после посещения загса весь город повторял его фразу:

– Жена полковника не является военнообязанной и не должна подчиняться полковнику, а загс – не министерство обороны.

Все это в конце концов покорило неприступное, холодное сердце бабушки Хадиджи. Через 15 лет после того, как ее внучка Севда и Лютфали познакомились, Хадиджа ханым наконец поняла, что человек, претендующий на руку ее внучки, обладает той внутренней свободой, которую она в свое время чтила в романтичных борцах за будущее своей нации. Но больше всего ее потрясло все-таки его отношение к Севде. Ради нее Лютфали рисковал своей карьерой и тем, без чего не мог жить, – сценой. В 1957 году они поженились.

Свадьба прошла в квартире Лютфали, приглашенных ждал роскошный стол и веселье. Из семьи Пепиновых присутствовала только двоюродная сестра Севды Халида со своим женихом – композитором Васифом Адигезаловым. Бабушка Севды на свадьбу не пришла.

Мамед Джалилов, один из близких родственников Лютфали:

– Мне посчастливилось быть на свадьбе Лютфали и Севды. Это было в 1957 году. Тогда не было таких дворцов с огромными залами, свадьба проходила в квартире Лютфали. Присутствовали, в основном, актеры и режиссеры и, конечно, родственники Лютфали. Всего человек тридцать. Тремя часами раньше я находился в зале Музкомедии на спектакле «Дурна». Прекрасный спектакль. Но свадьба была много интересней, это был праздник свободы, юмора, веселья и радости. Лютфали просто светился от счастья, он очень любил Севду и старался, чтобы свадьба прошла весело и запомнилась ей. Жаль, тогда не было видео, это было море импровизации, и время пролетело незаметно. Никогда более он не был так лучезарен, так светел, так счастлив.

А на следующий день, с утра пораньше, Лютфали куда-то засобирался. На вопрос Севды, что это у него за дела в такой день, он деловито ответил: «Qedim baxım Xədicə neçədir». А ведь Севда опасалась, что муж запретит ей встречаться с родственниками!

Прошли годы. Отношение Лютфали к Хадидже ханым было не просто уважительным, но бесконечно теплым. А она... уже на смертном одре призналась: «Один грех у меня в жизни был – не оценила сразу Лютфали»…

И зря. Хотя она не присутствовала, когда он исполнил одну из самых лучших своих ролей. За которую можно было поплатиться своей карьерой. Лучшая роль создана им в жизни, а не в кино, в реальных событиях, по написанному им самим, очень рискованному сценарию. Лютфали вообще всю свою жизнь прожил по написанному им самим сценарию. Такое в годы сталинской диктатуры удавалось единицам.

Лучшая роль Лютфали. Актер и Хозяин

В 1946 году на одном из концертов в Филармонии присутствовал Мир Джафар Багиров. Группе артистов оперетты было велено находиться в зале. Перед концертом по одному они подходили к нему, и тот милостиво протягивал им руку, Хозяин знакомился со своими придворными слугами. Багиров во всем подражал Сталину. Просто протягивает руку, говорит одну-две фразы – и на этом вся близость к искусству. Все было традиционно, пока к Хозяину не подошел Лютфали. На актере вызывающе дорогой костюм, вызывающе отлично на нем сидящий, этакий денди, он светится победой, превосходством, и никакого подобострастия. Он пожимает руку Хозяина, и в рукопожатии нет страха, трепета, робости. И смотрит вызывающе пристально, вот что поразило Багирова.

– Разве таких, как ты, мы не истребили? – было в изумленном взгляде Багирова.

– Как видишь, – отвечали веселые глаза Лютфали. – Не надо так расстраиваться, мне звание вручал сам товарищ Сталин.

Актер рассматривает Хозяина изучающим взглядом. Перед Багировым стоит наблюдатель. Его веселыми и беспощадными глазами само время наблюдает за ним, всемогущим хозяином республики. И тот ничего не может сделать этому человеку.

– Эх, товарищ Сталин, что ты наделал. Если бы ты знал, кому ты покровительствуешь, кому вручил свою охранную грамоту! Этот комик, комедиант, шут, клоун обманул вас. Под гримом простака таится наш злейший враг. За один только этот взгляд его надо расстрелять. Чтобы никто более не смел такими глазами смотреть на власть.

– Теперь ты будешь знать, что все ваши усилия напрасны, – было в улыбке Лютфали, – мы живы…Где же пистолет, которым ты убивал таких, как отец Севды?

Позднее, во время суда над М.Багировым, будет открыто объявлено, что отец Севды Пепиновой был одним из тех, кого лично убил Багиров в своем кабинете.

Но пока до суда еще далеко, пока 1946 год. Лютфали улыбается Хозяину такой улыбкой, что за ней может последовать похлопывание по плечу.

Зал замер и внимательно следит за реакцией Багирова, тот ошеломлен и медлит. Артист не просто смеет вести себя с Хозяином независимо, он смеет это демонстрировать. Лютфали поворачивается и отходит, зал наблюдает, как Хозяин провожает удаляющегося легкой походкой актера своим фирменным испепеляющим взглядом (говорили, что Багиров – лучший ученик Берии по части прожигания взглядом). В зале мертвая тишина… История эта обошла весь город.

Не бойтесь быть яркими. Уроки Лютфали

С момента выхода фильма «Аршин мал алан» на экраны и до ухода Лютфали из жизни он словно учил людей: «Не бойтесь быть яркими, покажите себя во всем блеске».

Во времена сталинизма это было невероятно трудно. Преодолеть страх осмеливались единицы. Даже на сцене, не то, что в жизни. Мало кто мог посметь, как Лютфали в сцене с Багировым в филармонии, подойти к краю бездны и, стоя на краю, издеваться над бездной, публично бросая ей вызов, за что полюбила его будущая супруга Севда, бросив мужа-офицера, за которым – как за стеной. Благодаря любви к ней, Лютфали и сыграл одну из самых выдающихся ролей, остро необходимых современникам, да и нам, нынешним. Лютфали осмелился бросить вызов Хозяину, который вселял ужас всем своей ненавистью к малейшим проявлениям непокорности, тем более, иронии по отношению к себе, всемогущему и очень злопамятному. Лютфали тогда стал победителем. Через семь трудных в жизни актера лет грозный Хозяин был разоблачен и по приговору суда расстрелян. Бесстрашие, с которым Лютфали бросил вызов в те годы Хозяину, было тайной рекой, питавшей его популярность и всенародную любовь к актеру. На улицах, на прогулках по бульвару к нему подходили совершенно незнакомые люди. Другие шли следом за ним, робея подойти. Неудобно беспокоить, но уж больно хотелось узнать что-то важное для них. Глаза незнакомцев молили актера: поделись своей смелостью, дай хотя бы чуточку своей силы, которая скрывается под маской комедийного актера, поделись своим мастерством обыграть диктатуру хамства.

Лютфали щедро делился своим мастерством с актерами и со зрителями. При этом предупреждал молодых актеров: чтобы осмелиться стать ярким, надо изобрести свой образ на сцене и вне сцены. Тут одного желания мало. Сам он по крупицам собирал создаваемые образы. С каждым новым успехом это все труднее. Нужен свежий взгляд и смелость забыть старые находки и приемы. Плохие актеры играют маски, сильные – личности.

В гнетущую эпоху сталинизма и позднее, при Н. Хрущеве, Лютфали выполнял важную миссию в несвободном обществе. Все, кто с ним общался по работе в театре или кино, слышали от него слова: посмейте быть яркими. Заставьте себя вырваться из оков собственной трусости, робости, неверия в себя.

Есть известное выражение: человек, сделавший себя сам. Но важнее сделать себя Личностью. Это трудная задача, но и азартная игра. Что всей своей азартно прожитой жизнью доказал Лютфали.

– Я посмел быть Лютфали при Сталине, неужели ты не посмеешь быть Новрузом при Хрущеве? – спрашивал он начинающего артиста Новруза. И пародировал Хрущева на собраниях и сьездах. Лютфали создал бы великолепного Хрущева в кино.

В Лютфали был вызов. Обаятельный, очень завуалированный, но вызов. Вызов чаще подается как декларация, требование,а Лютфали был воплощением, если так можно выразиться, обаятельного вызова. После общения с ним невозможно было не попытаться играть рискованно, по-новому. Все время мастер повторял молодым и еще больше – старым актерам Музкомедии: не прячьтесь за штампами.

Долгие годы уже после смерти Лютфали, пока его требование не прятаться за штампами работало, передавалось, как эстафета, театр Музкомедии был ориентиром, явлением. Как только требование забылось, театр потерял своего зрителя.

Конец 1940-х – начало 50-х. Месть Хозяина

В 1948 году умирает Узеир-бек. А в 1949-м – закрывается театр Музкомедии. Эти события были связаны между собой напрямую. Постановлением правительства СССР все театры должны были перейти на хозрасчет, самоокупаемость. В Барде, Закаталах, Шемахе… всего в 15 городах республики закрылись театры. Будь жив Узеир-бек, Музкомедия в Баку смогла бы выжить, да и Мир-Джафар Багиров при желании смог бы сохранить столь любимый в народе театр. Не захотел, пусть все знают – это месть за наглое, вызывающее поведение Лютфали в Филармонии три года назад.

Постановлением Совета министров от 25 мая 1949 года театр Музкомедии был закрыт. Артистов разбросали по разным театрам. Разбросали намеренно, чтобы нигде, ни в одном театре не возродилась вызывающе яркая звезда Музкомедии. Музыканты и артисты рассеялись по Домам культуры и летним эстрадным площадкам. Ряд актеров-лидеров, таких, как Алия Терегулова, Насиба Зейналова, Ислам Шарифов были переданы в распоряжение Министерства культуры. Чиновники так хорошо разбирались в искусстве, что в результате их покровительства Насиба стала кассиршей в кинотеатре. Кого-то отправили в Гянджу, кого-то в Гейчай.

Закрыть самый популярный театр в республике – это была лютая, беспредельная ненависть Хозяина к театру Музкомедии, к дому Узеира Гаджибекова.

Как выживали артисты? Гастролями по всей республике. Собирал концертные группы для гастролей Лютфали. Выездные концерты позволяли ему не только спасти основной состав Музкомедии, но и присмотреться к молодым, начинающим актерам.

На гастролях играли сцены из известных постановок, певцы и музыканты выступали с сольными номерами. Главным спасителем команды Музкомедии был именно Лютфали. Гастроли с участием популярного в народе комедийного актера неизменно проходили с огромным успехом и становились событием. В годы простоя, по воспоминаниям актеров, Лютфали стал, как сейчас говорят, и продюсером, и менеджером. Характерно, что именно в этот сложный период проявились в полной мере его человеческие качества: верность долгу, принципиальность обеспечили заработком десятки безработных актеров и их семьи. Часто он собирал и вывозил на гастроли гораздо больше артистов, чем требовалось. Денег доставалось меньше, но зато гастроли спасали от голода многих актеров и помогали молодым обрести веру в себя. Как-то во время гастролей в Гяндже Лютфали притворился больным, и его роль сыграл тогда начинающий Сиявуш Аслан. Постепенно к небольшой кучке актеров присоединялось все больше начинающих.

Трудные пять лет длилась эта борьба за спасение театра. Борьба почти без надежды на успех. С 1949 года и до самой смерти Сталина была абсолютная уверенность, что Музкомедия больше не откроется. Между тем, именно в процессе этих гастролей не просто сохранялся, но заново создавался костяк труппы. Лютфали это прекрасно сознавал, как и то, что ведет опасную игру.

– Да, собираю группу актеров и музыкантов; даем концерты перед тружениками села. Исполняем азербайджанскую классику, товарищ Сталин одобрил. Успех и полные залы. Хлопкоробы в восторге. Разве это не вклад в повышение культурного уровня колхозников?

Но полные залы и восторг зрителей – это звонкая пощечина всем, кто закрыл популярный театр. Конечно, то, что делал Лютфали, было замечено теми, кто закрыл Музкомедию. Его спасала Сталинская премия. Без этого он давно был бы нейтрализован как активный игрок, собирающий великую команду и дающий актерам и зрителям глоток воздуха свободы. Театра нет, но он есть. Вопреки воле партии и всемогущего Багирова. Поведение Лютфали тем более раздражало, так как успех гастролей актеров закрытой Музкомедии свидетельствовал о том, что с позиции хозрасчета Музкомедия была вполне жизнеспособна. Значит, театр закрыт по совсем другим причинам. И единственный, кто об этом напоминает – Лютфали. Ничего не заявляет, ни слова протеста. Просто собирает

и вывозит актеров в провинцию, где их выступления имеют ошеломительный успех. Таким образом, невиннейшие «Мешади» и «Аршин» превращаются в акт протеста против закрытия Музкомедии, которое произошло фактически сразу после смерти Узеир-бека.

Цель гастролей для Лютфали и его сподвижников – полные залы и восторженные аплодисменты. Причем зрители аплодируют именно классике, пьесам Узеир-бека. Эти аплодисменты дают надежду возродить Музкомедию, в том числе, и как память о том периоде, когда герой «Аршина» – Аскер – был явлением массовым.

Вот что раздражало Багирова: для него и иже с ним самым страшным было то, что люди об этом помнят. И кто возрождает эту память? Смешной комик, всего 155 сантиметров росту, уже полнеющий, кажущийся всем простодушным, простым, прямодушным, глуповатым, недалеким и прочее…. Так что формально к Лютфали не может быть никаких претензий. Ну что может быть безопаснее для системы, чем исполнение ролей придурковатых слуг или городского смешного гочу, который обирает торговцев на базаре?

Долгих пять лет после смерти Узеир бека и закрытия Музкомедии Лютфали на свой страх и риск был для актеров театра хранителем традиций. Он научил молодое поколение актеров обыгрывать противника, казалось бы, просто занимаясь своим ремеслом в сельских Домах культуры. А актерский костяк Музкомедии к моменту ее повторного открытия не просто сохранился, но и был в хорошей форме – во многом, благодаря гастрольной активности во главе с Лютфали.

Музкомедия в 1950 – 70-х годах. Театральный джем-сэйшн

Сразу после смерти Сталина в марте 1953 года и снятия Багирова был поднят вопрос о возрождении Музкомедии. В 1954 году была создана труппа под руководством режиссера Солтана Дадашева. В театр вернулись ветераны, и более ста новых актеров пополнили хор и балетную труппу.

Начали с «Мешади Ибада», где Лютфали сыграл торговца Кербалаи Насира, и «Той киминдир?», где Лютфали играл Ашыга Ибиша. Затем возобновили «Аршин мал алана». Играли в здании Оперы и балета. Но реальное возрождение любимого народом театра произошло в 1956 году, когда труппа вернулась в свое здание.

В том же 1956-м году директором и художественным руководителем театра вновь становится Шамси Бадалбейли. Будучи опытным профессионалом, знающим проблемы театра изнутри, он понимает, что нужны свежие идеи. С этой целью был создан худсовет, куда вошли, кроме него: драматурги Сабит Рахман, Сулейман Рустам, Магеррам Ализаде, композиторы Фикрет Амиров, Сеид Рустамов, режиссер Борис Ростинин, актеры Лютфали Абдуллаев и Кямал Керимов. Худсовет был призван возродить ценности школы Узеирбека – создавать постановки, выстраивать образы и мизансцены, отвергая прямолинейность плаката и примитивную карикатуру.

Многие зрители приходили в Музкомедию развлечься, посмеяться, но со временем становились тонкими наблюдателями, поддавшись очарованию слежения и обнаружения тонких штрихов и нюансов в игре актеров. И каждый раз и «Аршин», и «Дурна», и «Мешади Ибад» звучали по-новому. Один из путей обновления – усиление танцевально-балетной составляющей спектаклей. Для постановки танцев привлечена талантливая Амина Дильбази. В ее интерпретациях характерные танцы становились не просто интермедиями, но придавали новые черты знакомым в народе персонажам. В обновленном виде были представлены: «Дурна», «Гезун айдын», «Улдуз». Не менее важным условием успеха было родившееся еще в конце сороковых традиционное противопоставление положительных и отрицательных героев. Так, в ставшем событием обновленном спектакле «Той киминдир» блестяще выступало трио: Лютфали Абдуллаев играл Гошуна, Башир Сафароглу – Узуна, Насиба Зейналова – Мясте. Эти трое плюс танцы внесли такую свежую струю в прочтение классики колхозного жанра, что спектакль получился просто на зависть всем другим театрам.

Впрочем, спектакли Музкомедии нередко подвергались критике. Примечательно, что в роли критиков выступали все чаще композиторы и музыковеды.

Как Лютфали относился к критике? Спокойно. Он-то знал, каких трудов стоило режиссеру и артистам оживлять перегруженные советской пропагандой и морализаторством тексты. Знал, каков его личный вклад в превращение скучной пьесы в карнавальный спектакль. На совещаниях худсовета специалисты говорили о достоинствах текста, а Лютфали всегда об одном: как сделать из первоисточника праздник.

В 1960 году уже нельзя было зажечь публику, играя колхозные пьесы про передовиков без яркого второго плана, без сигнала: мы играем другое. Начинать надо с интриги, а если ее нет, то актерам предстоит ее изобрести. По воспоминаниям актера Новруза Гартала, именно Лютфали настоял на том, чтобы в этот процесс придумывания интриги включались все участники спектакля. Актеры – не исполнители, а создатели.

Авторы пьес часто обижались, и тогда на переговоры выдвигали Лютфали. Он – инициатор вольного отношения к первоисточнику, он же – и самый тонкий дипломат в переговорах с капризными авторами. Лютфали воздействовал на них магически.

– Вы хотите, чтобы ваша пьеса продержалась хотя бы три месяца? По глазам вижу – хотите. А целый сезон? Тоже хотите. Это возможно при одном условии: если актеры будут играть с удовольствием, то есть если каждый из них найдет свое место в постановке, и каждый будет замечен. Поэтому закройте глаза на то, что мы сделали с вашей гениальной пьесой. А мы никому не скажем.

Лютфали требовал от всех актеров заполнения каждой секунды любой сцены с ним находками, неожиданностями. Это держит зал в предвкушении новых открытий. Авторы были ошеломлены. Им и в голову не приходило находить место в интриге для каждого и расписывать героев второго плана. Они видели только солистов, ведущие партии.

И вот авторы терпеливо ждут, что актеры сделают с их пьесой. А актеры упиваются своим вкладом в спектакль, труппа играет с удовольствием, все увлечены работой над развитием сюжета. Заметьте: работой не над ролью, а над развитием сюжета.

Советские критики часто писали о постановках Музкомедии так, будто речь идет о драме или трагедии. Мол, Лютфали не до конца раскрыл образ тунеядца и бездельника. Отмечая при этом, что спектакль получился веселым и интересным, но его недостатком является игра Лютфали, он недостаточно назидателен. Это правда, он упорно не желал быть моралистом, терпеть не мог поучать. Ни со сцены, ни в реальной жизни. А над критиками смеялся – они писали забавные вещи, например: в игре Лютфали не до конца раскрыт образ вредителя и бюрократа.

– Я же сам себе не враг, – говорил Лютфали, – зачем мне раскрываться полностью в одной роли….

От спектакля к спектаклю музкомедия демонстрировала свой фирменный, набирающий высоту стиль – импровизацию ведущих актеров.

…1960-70 годы. Театр музыкальной комедии популярен и любим, причем не только широкой публикой, но и знатоками. Для театральных гурманов поход в Музкомедию сулит погружение в чудесный мир, знакомый, узнаваемый и развивающийся. Для молодежи – это увлекательное зрелище, полное неожиданностей, юмора и иронии…

Одним из продуктивных авторов Музкомедии был Шихали Курбанов, имя которого сейчас носит театр. Филолог по образованию, человек, широко образованный и нестандартно мыслящий, он вошел в историю азербайджанской культуры как общественный деятель, возродивший национальные праздники, в частности, Новруз Байрам.

Комедия «Özümüz bilərik» поставлена в 1962 году. Автор либретто – Шихали Курбанов, композитор Сулейман Алескеров, режиссер Рауф Казымовский.

Критик Н. Бабаев в газете «Азербайджан генджлери» в 1963 году рекомендовал режиссеру «положительных героев показать поярче, а то очень тоскливые, скучные, бледные на фоне ярких, сочных образов отрицательных героев, настолько великолепно сыгранных, что в них влюбляешься. В этих коррупционеров, бюрократов, взяточников».

Спектакль «Озюмюз билярик» входит в число фирменных постановок Музкомедии. Главных положительных героев играют Мобиль Ахмедов и Шафига Гысымова; отряд отрицательных героев возглавляет зачинщик всех интриг и идейный руководитель бюрократов Лютфали в роли Муртузова, ему помогает Насиба Зейналова в роли Шоляханым, Сиявуш Аслан в роли Ибишева.

За положительными героями – правда советской идеологии и морали строителей коммунизма, за Лютфали и Насибой – жизнелюбие, остроумие, дерзость, удовольствие от схватки, интеллектуальное превосходство. Чем слащавее и беспомощнее аргументы положительных героев, которым отвратительны бюрократы, тем ярче выглядят Муртузов и его компания. Лютфали сыграл его симпатичным, обаятельным и остроумным человеком. Интересно, что в одно и то же время Муртузова играли Лютфали и Башир Сафароглу. Каждый по-своему остроумно и интересно, так что знатоки смотрели спектакль в двух вариантах. Лютфали не суетится, не комичен, он играет бюрократа респектабельного, убежденного, что он и есть основа системы, подчинение ему равнозначно подчинению Кремлю. Долговязый герой Башира суетлив, глуповат, смешон, что называется, выдавливает смех.

В эти же годы поставлены еще две комедии по пьесам Шихали Курбанова на музыку Сулеймана Алескерова.

Первая – «Milyonçunun dilənçi oglu» – сатира на тему «загнивающего» Запада.

Вторая комедия –«Olmadi elə oldu belə», где Насиба играет мещанку, Лютфали – бюрократа. Оба восторженно принимаются залом. Они остроумны, думают быстро и нестандартно, и каждая их реплика вызывает взрыв смеха.

Та же схема применена и в другом успешном спектакле 1963 года – «Səndən mənə yar olmaz». Композитор Ашраф Аббасов, автор либретто – Магеррам Ализаде. Комические персонажи, как клоуны в цирке, вызывают честных советских тружеников на бой. Состав двух армий примерно тот же. И опять в роли главаря зачинщиков Дарчинова – Лютфали, в роли пособницы, Марджан, – Насиба. Они – двигатели интриги и ее мотор. Два отряда бьются в словесных баталиях за признание публики.

Примечательно, что Лютфали никогда не считал, что играет отрицательных героев. Он считал, что всегда играл вызов. Да, я взяточник или бюрократ, так вот я вам бросаю вызов; и не надо плакатов и лозунгов, вы просто докажите, что вы умнее меня, дальновиднее, остроумнее. Тогда я скажу, что ваши лозунги и призывы – не болтовня.

Но ни в одном спектакле положительные герои не могли переиграть Лютфали. Как ни старались режиссеры и авторы пьес, противники Лютфали выглядели бледными, играли и мыслили стандартно и ничего не могли сделать с, казалось бы, одиозными, глупыми, вздорными героями, которых он играл. Маленький, смешной толстячок уложил на лопатки правильных героев и честно сказал под аплодисменты зрителей: пока не переиграете меня, буду брать взятки, дебоширить, хулиганить и всячески издеваться над советскими товарищами.

Между тем, благодаря таким мастерам, как Лютфали и Насиба, победе импровизации над сюжетом, Музкомедия собирала полные залы. Конечно, в блестящей импровизационной технике этого дуэта свою роль играли, выражаясь языком шахматистов, «домашние заготовки». Подобные заготовки рождались на многочисленных репетициях. Лютфали, несколько бравируя своим даром импровизатора, задавал такой ритм, такую скорость в искрометных диалогах с Насибой, что стоило большого напряжения поспевать за ним. И Насиба, пожалуй, единственная из всех актрис, не только выдерживала этот ритм, но и нередко, к удовольствию Лютфали, переходила в атаку. Так что остальные участники спектакля еле поспевали за ними. С завистью о них говорили: это – дар природы. Да, но не нужно забывать, что техника диалога оттачивалась на репетициях.

Категорически не имели успеха те пьесы, где Лютфали заставляли играть положительного героя. Он просто проваливал такие спектакли. Например, комедия «Höcət eləmə» композиторов Агабаджи Рзаевой и Исмаила Гулиева по пьесе Гази Мамедова в постановке Алигейдара Алекперова.

Действие происходят на заводе. Лютфали играет – редчайший случай – положительного героя, старого морского волка. Завод живет нервной жизнью, завод бурлит, коллектив состоит из передовиков производства, но вот возглавляет завод бюрократ и формалист Ходжатов – Nöcətov (Башир Сафароглу), к тому же еще и дурак. Но тоскливо старому морскому волку: Лютфали терпеть не может поучать…..

Лютфали всегда играл отрицательных героев с интересом к их позиции. Я – другой, я не хочу быть советским человеком, «вредителем» быть веселее, – казалось, говорил он. И каждый «вредитель» создавался им с таким удовольствием, с таким вкусом к деталям характера, поведения, с такой узнаваемостью, что фамилии героев на следующий день после спектакля становились нарицательными – Дарчиновы, Муртузовы, Аланзаде.

Наставник и ученики

Одной из легендарных черт обаятельного облика Лютфали была та легкость, с которой он делился своими ролями с молодыми. Это была щедрость уверенного в себе талантливого человека и в то же время проявление азарта, той страсти к соревнованию, которые были у него в крови: молодежь, попробуйте переиграть стариков.

Лучше всего он себя чувствовал и включался, когда одну роль играли два, а то и три дублера. Он часто повторял, что роль получается лучше, если у актера есть интересный дублер. Знал это на собственном примере. Алигусейн Кафарли, Башир Сафароглу и Лютфали играли одну и ту же роль – Гаджи Гара. Это были три разных образа, все трое были актерами от Бога, обожали соревнование и были достаточно амбициозными актерами, и все три образа вышли замечательными. Каждый по-своему.

Именно Лютфали тактично и красиво уничтожил пренебрежительное отношение корифеев к своим дублерам, за что последние были ему очень благодарны.

– Кто кому дублер – большой вопрос, – говорил он, зля заслуженных и народных.

Соревнование с начинающими обожал, очень любил играть от противного, все время вызывая дублеров на соревнование. Мой дублер Кафарли играет гротеск? Я буду играть лирический образ, мягкие полутона, никаких ударных сцен, никакого заигрывания с публикой. Кафарли играет лирический образ? А я буду играть карикатуру.

Из воспоминаний **Сиявуша Аслана**:

Благодаря брезгливому отношению Шамси Бадалбейли и Лютфали к привычным для театров закулисным склокам и интригам, продвижение молодых талантов стало стилем Музкомедии в 1960-70 годах.

Резко изменился статус дублера, это не изгой, не палочка-выручалочка, когда прима заболеет, или на гастролях, или на сьемках, а конкурент. Атмосфера соревнования в Музкомедии была создана стараниями Лютфали. Он всем показал пример доброго и заинтересованного отношения к молодым. Недовольным звездам он отвечал: чем больше у тебя дублеров, тем ярче твоя звезда блистает.

Актер **Новруз Гартал:**

С Лютфали было интересно и на сцене, и вне сцены, он всем позволял раскрыться. Он и мне легко отдавал свои роли. Это и доброта, и …. ловушка. Можно было легко провалиться. Далеко не все выдерживали сравнение с мастером. Со мной он был добрым, внимательным наставником. Но если бы у меня роль не получилась, он ни за что не отдал бы ее мне. Говорят, Лютфали был добрым человеком. Только в отношении к способным людям. Если ему попадался актер средний, посредственный, серый и вообще никакой, а их словесный бой наблюдали ученики, актеры, молодежь, то тут Лютфали начинал терзать жертву, как резвящийся ребенок надоевшую куклу.

В бытовом отношении он был человеком восточным, но в творческом плане не было более западного человека во всем Азербайджане.

Дайте молодежи шанс…. Посоревноваться с мастерами – вот его девиз. Все личные привязанности и присущие ему мягкость, снисходительность отступали на второй план, когда речь шла о творчестве. В других театрах молодые актеры по 10 лет играют «кушать подано» в ожидании, когда им предложат большую роль, все эти годы исполняя роли второго плана и теряя квалификацию. Многие талантливые актеры, режиссеры, художники, так и не дождавшись своего звездного часа, уходят со сцены. А дублеры Лютфали становились со временем замечательными актерами, а кто-то – такой же опорой театра, каким был Лютфали.

В 1947 году, то есть год спустя после сцены с Багировым в Филармонии, Лютфали убедился, насколько непредсказуема судьба популярного актера. Испытания ждут и в театре, и вне его. Эту историю он никому не рассказывал, ее поведал муж родственницы артиста Алмаз, в доме которой он обычно останавливался, бывая в Шеки.

Поздний вечер, моросит дождь. Лютфали только приехал в Шеки, завтра должен быть концерт, он сошел с автобуса, такси тогда не было, и он ждал попутку. Остановился грузовик, шофер окликнул его по имени и спросил, куда подвезти. Ответ – в гостиницу, она располагалась тогда в центре города, сейчас там музыкальная школа.

– Полезай в кузов, в кабине уже двое, – крикнул шофер по имени Яшар. Ехать от силы семь минут, актер полез в кузов. Грузовик тронулся, дождь полил как из ведра, грузовик проехал мимо гостиницы. Лютфали начал стучать по крыше кабинки, из окна высовывается лицо шофера и тот, улыбаясь, кричит, извини, мол, не заметил, ничего не видно, страшный дождь, мы уже отъехали, задний ход дать не могу, темно, я еще один круг дам и подвезу к гостинице. Лютфали насторожился, почувствовав неладное, но промолчал. Машина описывает еще один круг и вновь не останавливается рядом с входом в гостиницу. Все мгновенно стало ясно, дождь хлещет огромными холодными гроздьями, а шофер не закрыл окно и ждет, когда актер станет вновь бить по крыше кабинки. Высовывается лицо шофера и вновь, ухмыляясь, тип заявляет: извини, мол, дождь, ничего не видно, проглядел, вот еще один круг дадим и тогда….

– Не торопись, – крикнул Лютфали, – дай насладиться чистым воздухом. Очень соскучился я по чистому воздуху.

И начал петь. Дождь льет, как из ведра, а он поет в кузове грузовика. Нельзя делать то, что от него ждет этот тип. Завтра же разнесет по городу, как знаменитый актер кричал и неистово бил по крыше кабины, умоляя остановить машину. Холодный осенний дождь, сильные злые капли бьют по лицу, а Лютфали поет. Из окна выглянуло явно расстроенное лицо шофера, он посмотрел на поющего Лютфали, еще больше расстроился, и через минуту грузовик резко затормозил у входа в гостиницу. Шофер вышел, помог актеру спуститься, проводил до входа. Лицо шофера было печально, он был разочарован: еще пять минут назад у него был шанс. Минимум год он с упоением рассказывал бы, как поиздевался над знаменитым артистом, а то зазнался: лауреат, никого не видит, а ведь жили в одном квартале.

Лютфали не был бы самим собой, если бы не пошел на добивание. Тепло прощается с огорченным шофером и говорит: «Ты уезжай, а я еще постою под дождем, подышу чистым воздухом. Если бы ты знал, какой пакостью приходится дышать в Баку, ты бы еще полчаса меня покатал. Ничего, в следующий раз. Спасибо за удовольствие».

Потрясенный, униженный шофер садится в машину, отъезжает.

Промокший до нитки актер, не заходя в гостиницу, ловит другую машину и едет к родственникам. С высокой температурой сутки пролежал у них дома. Строго приказал родственникам, чтобы никому не говорили, в каком он состоянии к ним приехал. В гостинице оставаться было нельзя, весь город узнает.

Назавтра, чуть поправившись, Лютфали с температурой дает концерт. По окончании обращается к залу: «Дорогие мои шекинцы, обязательно передайте шоферу Яшару мою благодарность. Вчера я получил огромное удовольствие. Яшар покатал меня на своем

грузовике, я стоял в кузове и полной грудью дышал свежим воздухом, потом пошел замечательный ливень. Такая радость... Чистый воздух, прекрасный ливень. Я дышал полной грудью. Разве у них там, в Баку, бывают такие великолепные проливные дожди... Я наслаждался каждой минутой и не хотел вылезать из кузова. Передайте Яшару от меня: ма-ла-дес».

Актер уехал, и чем больше шофер Яшар пытался внушить знакомым, мол, все было иначе, Лютфали умолял остановиться, он боится молнии, дождя и быстрой езды, никто ему не верил. С тех пор за ним закрепилась кличка Маладес-Яшар. В памяти горожан тот шофер остался жалким завистником, позором города.

Из воспоминаний

Старшая дочь актера Хуршид Абдуллаева, заслуженная артистка Азербайджана, доцент Бакинской Музыкальной Академии:

Прошло более сорока лет со дня папиной кончины, а я все никак не могу смириться с тем, что его с нами нет. В первое время, не осознав еще факта его кончины, я на звонки по привычке отвечала: «Мама эвдэдир, папа – гастролда»… С момента папиного ухода моя жизнь как бы разделилась на две части: с ним и без него. Конечно, были в этой второй части моменты счастливые, были достижения, успехи, но того ощущения полноты жизни, буквально залитой светом и счастьем, жизни под сенью папиной безграничной любви, больше не было никогда. Дело даже не в том, что папа нас с сестрой баловал безмерно, в отличие от очень строгой мамы, дело в каком-то удивительном тепле, которое от него исходило. Плюс еще та слава, которой он был окружен и которую мы, даже будучи маленькими детьми, не могли не ощущать. Эта слава превращала его в наших глазах в волшебника, которому подвластно совершить самые невероятные чудеса.

В детстве я очень любила бывать на военных парадах. День Победы девятого мая всегда ждала с нетерпением.

Самое трудное было разбудить папу рано утром. Парад начинался в девять часов утра, а папа любил поспать. Без пятнадцати девять мы еле-еле буквально вытаскивали его из постели, и вот он с двумя маленькими девочками пробирается сквозь перегороженные машинами улицы на площадь перед Домом правительства. Помню, чем ближе к трибунам, тем труднее было пройти сквозь толпу,и милиционеры подхватывали и переносили его на руках, и нас заодно. Папа с достоинством проходил по специальному пропуску к своему месту на трибуне, и первые лица государства здоровались с ним, с интересом разглядывая знаменитость.

Популярность его среди народа была просто фантастической. Люди буквально не давали ему прохода. В 60-х годах в кинотеатре имени Низами были ночные одиннадцатичасовые сеансы, завсегдатаем которых была бакинская интеллигенция. Так вот мама шла заранее и покупала билеты, потому что вдвоем с папой дойти от нашего дома до кинотеатра было за короткое время нереально и можно было остаться без билетов.

Его знали абсолютно все – от машинистки до министра. Как-то он стал собираться из дому, говорит, что идет к заместителю министра похлопотать о деле очередного просителя. На удивленный вопрос мамы: «А ты его знаешь?» – он ответил: «Главное – он знает меня».

Уверена, что он прекрасно понимал силу своего таланта и ему нравилось быть знаменитым. При этом у него не было кичливости и высокомерия.

Анализируя сейчас его поступки, в частности, его неистребимое желание помогать всем и каждому, я думаю, что во всем этом было какое-то подспудное желание превратить жизнь в театр. Он вообще любил изучать, наблюдать людей. Любил всех этих председателей колхозов с их колоритом и специфическими повадками, любил разговаривать с мастеровыми. В подобном общении рождались какие-то актерские идеи, он и популярен был потому, что его герои были узнаваемы.

Артистов он жаловал не очень. Но любил опекать молодых, в частности, Сиявуша Аслана. Обожал гениального Башира Сафароглу, очень радовался его успехам. А когда тому поставили страшный диагноз, воспринял это как личную трагедию. Тогда в онкологическом институте как раз работали его брат Вейсал с супругой Инной Арнольдовной – оба великолепные специалисты. Тетя Инна потом рассказывала, что папа навещал Башира каждый день и все не мог успокоиться, спрашивал ее – неужели нельзя его спасти. Дядю Вейсала он уважал безмерно. Гордился им, как единственным ученым из семьи Абдуллаевых.

У него вообще было особое уважение к людям образованным. В советские времена царил культ образования, но у папы это, по-моему, было связано и с тем, что сам он актерские университеты прошел непосредственно в театре, был гениальным самородком. В этом – ключ его совершенно особенного, трепетного отношения к маме. Помню, как-то мне очень хотелось попасть на один из его спектаклей, который проходил в будний день. Нам, детям, разрешалось бывать на спектаклях только в выходные. И вот я стала просить, умолять папу: «Неужели ты не можешь настоять, это же ты – артист, и это же твой спектакль!» Никогда не забуду, как он мне ответил: «Рядом с Севдой я никто».

Это не означает, что он никогда не возражал жене. Например, когда мама, всю жизнь приверженная национальной идее, объявила ему, что определила меня в школу в азербайджанский сектор, он воскликнул с негодованием: «Как ты могла! Я хочу, чтобы моя дочь по окончании школы поехала учиться в Москву!» Тут же заставил ее переиграть, и меня перевели в русский сектор. По-видимому, он всю жизнь переживал по поводу своего плохого владения русским. Вызывая восхищение в артистической среде Москвы, он прекрасно понимал, что, владей он русским в должной степени, мог бы играть на всесоюзной сцене.

В обычной жизни он был достаточно серьезным, иногда даже суровым человеком. Мог вспылить, но интересно, что даже во время домашних ссор (а такие, конечно, случались, как в любой семье) никогда не срывался на крик. Была в нем какая-то природная интеллигентность.

Помню слова, сказанные мне после моего выступления на открытом концерте в музыкальной школе имени Бюльбюля. Уж не помню, что я исполняла, что-то из европейской классики. Дома папа сказал мне: «Я тобою очень горжусь! Сидел в зале и думал: «Это моя дочь играет!» – Я ему в ответ: «Ну как я могу плохо играть, я же твоя дочка!» – А он: «Запомни, прежде всего ты внучка Ахмед-бека Пепинова!». Он имел в виду отца моей мамы.

Думаю, он был очень горд тем, что женился на маме. Хотя, познакомившись с ней, влюбился с первого взгляда, еще не зная, кто она. Сразу пригласил на свой спектакль и там, показав ее сидящим в зале своим сестрам, сказал: «Видите эту высокую девушку? Я на ней женюсь!» Наверное, это был для него своего рода вызов самому себе – жениться на девушке из такой именитой семьи. Интересно его отношение к матери супруги, моей бабушке Хадидже. Она была долгие годы против их брака. Мама боялась, что после женитьбы он запретит ей общаться с родственниками. Он же, наоборот, сразу после женитьбы на маме с удовольствием стал общаться с бабушкой Хадиджой, проявляя по отношению к ней чуткость и внимание. Часто бывал у жившей в одиночестве женщины и всегда спрашивал: «Что-нибудь нужно?» При этом неизменно обращался к ней по имени и на «ты».

Он был типично восточным человеком, в то же время, женившись на образованной женщине, всячески способствовал ее научной карьере. Когда мама готовила кандидатскую диссертацию, он полностью освободил ее от любых работ по дому.

Его внутренняя интеллигентность проявилась, в частности, в том, с каким теплом он относился к нашей домработнице Дусе. Как-то по дороге с работы домой он увидел в саду сидящую на скамейке плачущую девушку. Вернее, подростка. Когда он спросил, что с ней случилось, она рассказала, что приехала в Баку из молоканского села Хильмели в поисках работы, в семье она шестой (!) ребенок, и родители отправили ее на поиски ра-

боты в Баку, где у нее никого не было, и вот уже конец дня, а работы она так и не нашла. Папа взял ее за руку и привел к нам домой. Нужно сказать, что девушек из молоканских сел часто брали в качестве нянек. Но меня тогда на свете еще не было. В первое время своей жизни в нашем доме Дуся изредка начинала тосковать по дому, плакать. Тогда папа сажал ее в машину и отвозил в родное село. Проходила неделя, другая. Раздавался звонок: «Это квартира Лютфали Абдуллаева? Пожалуйста, приезжайте и заберите Дусю». Ну, а когда родилась я, тосковать она перестала.

В жизни папа был очень серьезным человеком и дома почти никогда не шутил. Помню, как в раннем детстве меня всегда поражало и удивляло, когда увидев его где-нибудь в общественном месте, люди начинали улыбаться или смеяться. Мне становилось ужасно стыдно. Вообще папина актерская жизнь долгое время для нас, его дочерей, оставалась тайной. Когда в нашем доме собирались гости, нас никогда не сажали за общий стол. Мы оставались в своей комнате вместе с Дусей. Нас приглашали, в крайнем случае, один раз, прочитать какое-нибудь стихотворение. Когда гости слишком шумели, Дуся влетала в комнату, говорила торжественным голосом: «Уже половина одиннадцатого, детям пора спать!» – и захлопывала дверь. Позже, годам к двенадцати, я стала понимать, что в нашем доме собираются знаменитости.

Завсегдатаем застолий в нашем доме был Шамси Бадалбейли. Они с папой были закадычными друзьями, но главное – творческими единомышленниками. Если папа приходил с репетиции домой и спрашивал с угрюмым выражением лица: «Шамси Бадалович звонил?», мы знали: они поругались. Если же он спрашивал веселым голосом: «Шамси не звонил?» – значит, наоборот, все прошло прекрасно. А ругались они, как правило, по двум поводам. Или Лютфали позволял себе на сцене слишком много импровизации, или Лютфали опаздывал на репетицию ввиду того, что улаживал дела очередного просителя.

Из папиных ролей, увиденных мною в детстве, особенно запомнились спектакли «Аршин мал алан» и «Мешади Ибад». Помню в мельчайших деталях, как он играл в сценах с Амбалом. Зрители просто с хохоту покатывались. С возрастом я все больше и больше понимаю, что воспоминания о моем отце – самое большое богатство, которым я владею.

Младшая дочь, Гюльнара Абдуллаева (режиссер)…

Вставай, приехали дорогие гости.

Мы с моей старшей сестрой Хуршуд были маленькими, когда папа ушел из жизни. Мне было всего 11 лет, но я многое из моего детства помню. Главное – это общее ощущение праздника в нашем доме. Помню, что часто у нас собиралось много людей. Потом, когда я подросла, мне рассказали, что это были маэстро Ниязи с Хаджар ханым, Шихали Курбанов, Тофик Кулиев, Васиф Адыгезалов, Рамиз Мустафаев, Лейла ханым Бадирбейли….

Самым частым гостем был Шамси Бадалбейли. Помню, после одной из премьер вся его семья приехала к нам домой. С Шамси Бадаловичем отца связывала долгая творческая работа и 45-летняя дружба. У них был напряженный рабочий график: часто обсуждение предстоящего спектакля и прошедшей репетиции проводилось в нашем доме сразу после ее окончания и могло продолжаться до утра. Несмотря на занятость на кафедре немецкого языка в институте иностранных языков, моя мама с пониманием относилась к этому необычному графику. Нам с сестрой мама рассказывала, что вначале, когда только вышла замуж за папу, она испытала шок от того, насколько резко различается рабочий режим популярного актера и обычного человека. Она совсем не была готова к такому образу жизни.

Папе удавалось смягчать острые ситуации, он старался освободить маму от домашней работы. У нас было две домработницы, одна из них гуляла с детьми, другая была занята по дому. Но еду мама предпочитала готовить сама – она была фантастическим кулинаром, и папа ел только то, что готовила мама. Папа предпочитал, разумеется, нашу азербайджанскую кухню: обожал пити по-шекински, вообще, был большим любителем

вкусно поесть. Когда у него обнаружили небольшое повышение сахара в крови, он сказал врачу: «Даже если я буду сидеть на диете, все равно умру, так лучше умереть сытым». В свою очередь, мама с удовольствием готовила, часто ей приходилось накрывать стол для многочисленных гостей дома. 25 лет она проработала заведующей кафедрой немецкого языка в Институте иностранных языков. Она вела серьезную научную и педагогическую работу: писала школьные учебники, читала лекции, принимала экзамены…

Напротив входа в наш подъезд папа поставил скамейку для посетителей. С утра он принимал огромное число просителей, скамейка была предназначена для ожидающих. Просители входили в наш дом и рассказывали о своих бедах, проблемах. Он помогал всем; поток не иссякал, с семи утра ждали люди своей очереди побеседовать с папой. Часто он вместе с очередным просителем уезжал в какие-то учреждения. Однажды папа разбудил маму в семь утра со словами: «Вставай, приехали дорогие гости». Мама встает, накрывает на стол, затем папа с гостями куда-то уезжает. Возвращается поздно ночью.

– Где ты был, где дорогие гости и кто они? – спрашивает мама.

– Я им помог, все наладилось, а кто они – я не знаю, – ответил папа.

– Ты ведь сказал, что это дорогие гости, – удивилась мама.

– Если бы я сказал, что впервые их вижу, ты не встала бы и не накрыла на стол.

Позже он рассказал, что у этих людей тяжело заболел молодой родственник, и папа поехал с ними в Минздрав и добился направления на лечение в Москве. На свои деньги купил им билеты, позвонил в Москву друзьям, они встретили и отвезли этих людей в больницу.

Таких историй было много, но иногда мама не могла скрыть удивления. Я помню случай, когда речь шла о просьбах об освобождении из заключения в тюрьме. Мама спросила: «Лютфали, как ты можешь просить за людей, которые сидят в тюрьме?». Папа ответил: «Если я буду разбираться, – bu yaxşiliq deil. Если делаешь добро – делай. Если начинаешь думать: этому надо помочь, а этому – нельзя, это уже не доброта, поэтому я помогаю всем».

И люди его буквально боготворили. Потрясающая история была с Назымом Хикметом. Папа пригласил его в гости. У поэта было очень больное сердце, и когда он у входа в подъезд узнал, что нет лифта, сказал: «Я не смогу подняться по лестнице». Папа стоял рядом, стоило ему обратиться к прохожим парням, как тут же четверо парней на руках подняли поэта по нашей крутой лестнице. Папа не сказал парням, что перед ними великий поэт, он просто попросил их помочь его другу подняться по лестнице. Папа их поблагодарил, парни ответили, что для них это большая честь – помочь самому Лютфали.

Мама рассказывала такую историю. Ночь, она стоит на балконе и ждет возвращения папы: он был на свадьбе, и она стала беспокоится. Наконец, увидела, как он медленно приближается к нашему подъезду, вдруг какой-то парень сорвал с него дорогую по тем времена норковую шапку. Мама думала – убежит, но вор, видимо, узнал актера, вернул шапку, и они стали о чем-то говорить. Затем папа приводит вора к нам домой и просит маму накрыть на стол. Они беседуют, потом папа зовет маму и при ней обращается к парню: «Когда меня не будет дома, – я на гастролях или еще где, – если тебе нужны будут деньги, приходи, моя жена даст тебе, сколько надо». Парень уходит. Мама обращается к папе: «Он только что сорвал с твоей голову шапку, а ты ему деньги предлагаешь у нас брать?» На что папа ответил: «Во-первых, шапку он вернул, во-вторых, очень нуждался в деньгах».

Через много лет, когда папа умер, тот самый парень подошел к маме и сказал: «Помните меня?». Все 40 дней поминок он таскал стулья, столы, привел своих друзей, и они все помогали.

Мама рассказывала, как однажды они пошли на поминки. Стоило им только войти в комнату, где стоял гроб с покойным, все присутствующие, даже члены семьи усопшего заулыбались. Потом мама сказала, что больше не пойдет с папой на поминки. При этом в быту он был очень серьезным человеком и шутил нечасто.

Я понимаю, что мне очень повезло – родиться в семье двух таких ярких личностей – Севды Пепиновой и Лютфали Абдуллаева. Это – тот ориентир, на который всегда равнялись мы с сестрой, ориентир, о котором я рассказываю своим детям. Мой папа и сейчас помогает нам: многие вопросы решаются легко и по сей день, потому что мы – дочери Лютфали Абдуллаева. Добро никогда не исчезает бесследно, глядишь, в один прекрасный день и тебе поможет человек. Так, как когда-то помогал людям Лютфали Абдуллаев.

Народный артист СССР, ректор Азербайджанской Музыкальной Академии Фархад Бадалбейли.

...Вы поняли, что показал руками товарищ Сталин?

Вся жизнь Лютфали полна интересных, поучительных и смешных эпизодов, ставших легендарными. В 1938 году Лютфали участвовал в Декаде дней азербайджанской культуры в Москве. На заключительном концерте сидевший в ложе Сталин встает и аплодирует исполнителям. Зачарованные видом обожаемого вождя все участники концерта движутся шаг за шагом к краю сцены, чтобы лучше разглядеть отца народов. Еще шагдва, и артисты стали бы падать в оркестровую яму. Сталин делает обеими руками жест остановиться и отодвинуться от края сцены, что спасает актеров от падения. Занавес падает, труппа под впечатлением от аплодисментов вождя. И тут Лютфали заявляет: «Вы поняли, что показал руками товарищ Сталин? Каждому исполнителю выдать оклад за 12 месяцев!» Он был одним из немногих, кто в атмосфере всесоюзного поклонения всесильному вождю сохранил независимость суждений, потому и осмелился в шутливой форме отрезвить, расколдовать зачарованную видом кумира толпу.

История эта получила продолжение. Конечно, о выходке Лютфали стало известно в НКВД.Уже в Баку его вызвали на допрос и дали понять, что спасти себя от тюрьмы он может, только став осведомителем. Дали даже кличку «Леня». Что делать? Парню всего 24 года. Пришлось сделать вид, что просит время подумать.Через некоторое время его вызывают на допрос.

– Ну, рассказывай, что происходит в театре.

– Ничего особенного. Репетируем. Все спокойно.

– Как это ничего особенного? А то, что между таким-то и таким-то был спор, и они чуть не подрались, а то, что такой-то позволил себе высказаться о партии в недопустимом тоне? И ты говоришь – ничего особенного. Иди! В следующий раз будь бдительней!

Проходит какое-то время. Снова вызывают, и снова допрос. Докладывай, что у вас творится.

– Все хорошо. Репетируем. Товарищи актеры ведут себя сознательно.

– Как сознательно, когда такой-то явился на спектакль в пьяном виде, а такие-то шушукались и рассказывали антисоветские анекдоты. В конце концов, кто кого должен информировать – ты нас или мы тебя? Иди отсюда, нам такой осведомитель не нужен.

– Большое спасибо, – сказал Лютфали.

Обаяние его было просто фантастическим. Отсюда – такая бешеная популярность среди народа. А потому он позволял себе вещи, в те времена, да и сейчас, просто недопустимые. В связи с этим вспоминаются множество историй. Например, вот такая.

Среди друзей моего папы Шамси и Лютфали были люди самых различных профессий и должностей. В частности, министр строительства, который славился своим буйным нравом, в обращении с подчиненными был настоящим диктатором и матерщинником. Но человек был, видимо, интересный. Как-то папа и Лютфали договорились с ним встретиться в одном из уютных ресторанов – посидеть, потолковать. Ждут час, второй – его все нет. Решили отправиться в министерство и выяснить, в чем дело. Оказывается, идет совещание, где он распекает строителей, на чем свет стоит – и конца этому всему не предвидится. Что делает Лютфали? Входит с важным видом в зал и громко, на всю аудиторию, обращается к министру: «Салам алейкум!» Зал грохнул от смеха, и заседание закончилось в одночасье.

И ведь нигде не учился. Гениальный самородок. Хотя, безусловно, в театре он приобрел огромный опыт. Музкомедия того времени была ярким явлением. Очень сильная была русская труппа – Аллегров, Сазонова, Подгорная. Ставили классику: «Сильва», «Марица», «Свадьба в Малиновке». Дирижером был Чингиз Гаджибеков – исполнялись достаточно трудные оркестровые партитуры. И все на высоком уровне. Так что между двумя отделениями существовало своего рода соревнование. Они учились друг у друга. Безусловно, это было на благо для всех.

Отец очень высоко ценил Лютфали как удивительного актера. Ему была свойственна какая-то внутренняя свобода, которая проявлялась и в его суждениях, и в движениях. Маленького роста, кругленький, он был невероятно пластичен и умел обыграть на сцене все, включая свою внешность. Например, ему трудно было сесть, положив ногу на ногу. Так он из этих попыток мог сотворить несколько маленьких этюдов-шедевров. А все эти созданные им образы чиновников-подхалимов! Это же настолько тонко схвачено, что работает и по сей день. Изменилось время, но сущность чиновника – она ведь остается прежней. Такого мастерства перевоплощения, как у Лютфали и Насибы, у теперешних актеров нет. При этом – какая культура поведения на сцене! Ведь дуэт Лютфали – Насиба даже в сценах откровенной перепалки ни разу не сорвался на крик – миллион оттенков в споре и все – не повышая голоса.

Я знал Лютфали-даи очень близко и могу сказать, что в быту он был очень серьезным человеком и шутил достаточно редко. У меня это не вызывает удивления. Как-то мне посчастливилось оказаться в одной компании с Аркадием Исааковичем Райкиным. Это было после представления, и он сидел опустошенный и обессиленный. Нас всех позвали в гости, он долго отказывался, но ему пообещали, что там не будет много народу. И что же – когда мы вошли, увидели, что за столом сидит человек пятьдесят. Мало этого, напротив него оказалась какая-то крашеная блондинка, которая с недоумением и бесцеремонностью спросила: «Ну, когда же вы начнете рассказывать анекдоты?!» Это все равно, что заставить Рихтера после концерта развлекать публику за ужином. И Лютфали был из этой породы – он не считал, что должен забавлять.

Актер Новруз Гартал – живой архив Музкомедии. Автор книги об истории Музкомедии.

1967 год. Мне очень повезло, в институте мне преподавали такие звезды, как Рза Тахмасиб, а в театре – Лютфали Абдуллаев. Он называл меня Новруз-бала и брал с собой на прогулки по бульвару. Эти прогулки перевернули мое представление об актерском ремесле. Мне представлялось, что базовая основа для актера – память: прежде всего, надо заучить роль. Лютфали считал: база – импровизация. Учил меня оттачивать реакцию и никогда не комиковать. Брал меня на встречи с друзьями в чайхане, что находилась рядом с Театром кукол. Раз или два в неделю там собирались его друзья: профессора, преподаватели вузов, ученые. Очень сложный мир, беседы о науке. Нельзя попасть впросак. Замечания, реплики Лютфали всегда были уместны и проясняли мне запутанные монологи ученых.

– А чем мы тебе интересны? – спрашивали педагоги.

– Мои герои скопированы с вас, та же манера настаивать, вести споры, то же желание переиграть противника, – отвечал Лютфали

Меня это поразило. Актер изучает и использует не только манеру поведения, внешние проявления характера, но и логику рассуждений каждого. Казалось бы, где спор ученых, а где легкий жанр музыкальной комедии? Но, оказывается, именно это было для него своего рода питанием, и он великолепно использовал свои наблюдения, иногда поражая своего оппонента в театральных спорах – Насибу Зейналову – на сцене и вне сцены. Искусство ведения диспута интересовало его в первую очередь. Меня это удивляло: в конце концов, ведь не актер создает текст! Но нет, текст своих ролей создавал всегда Лютфали.

Я видел, что Лютфали был интересен этим очень непростым людям; он был нужен им – некий свежий взгляд, неожиданное мнение независимого наблюдателя.

В 1970 году мне пришла повестка в армию, Лютфали идет со мной к военкому республики, тогда им был Муртуз Кулиев, гигант двухметрового роста, мы с Лютфали ему были по пояс. Конечно, военком дал отсрочку мне на 1 год и, провожая, сказал: «Лютфали, больше не приходи сюда. Рано или поздно меня посадят из-за тебя». – «Тогда перестань призывать в армию актеров и шекинцев», – ответил артист.

Джахангир Новрузов, заслуженный деятель искусств: *Если говорить о театре Музкомедии как о явлении азербайджанской культуры, то начать нужно с личности Шамси Бадалбейли. Не будь Шамси, не было бы ни Лютфали, ни Насибы, ни Башира, ни Алигусейна Кафарлы. Потому что, сплотившись вокруг этого широко мыслящего человека, актеры-самородки научились облекать свои таланты и мастерство в нужную эстетическую форму и тем самым не только доставлять удовольствие народу, но и формировать вкусы азербайджанской элиты.*

Будучи широко образованным человеком, Шамси Бадалович великолепно знал и традиции национального площадного театра, а потому в своей концепции комического жанра сделал ставку на свободу актерского мышления и импровизацию. Он сам был великим импровизатором, и его режиссерские находки уже таили в себе возможность свободного отношения к тексту. Метод его работы с актерами заключался в том, чтобы во время репетиций дать им как можно больше свободы – пусть фонтанируют отсебятиной и остроумными репликами, пусть подбрасывают свежие идеи. Актеры, вобрав в себя сырой материал, пропускали его сквозь сито своих жизненных представлений, а поскольку жизнь – штука изменчивая, и многое зависит от мировоззрения окружающих тебя людей, например, от партнера по сцене, то на репетициях выдавались все новые и новые решения, варианты мизансцен и диалогов. Ведь от многого можно отбросить лишнее, а из малого ничего не выжмешь. Затем режиссер очерчивал главные драматические узлы: что-то объявлялось незыблемым, а что-то давалось на откуп актерской импровизации, так что на спектаклях готовый продукт пекся буквально на наших глазах.

Что же касается авторов всех этих пьес, то они сердились не на то, что с их текстом обошлись весьма вольно, а на то, что не они сами до этого додумались. Жадно ловили они каждую новую реплику актеров, записывали и искренне радовались тому, что их текст превращался в шедевр. Мальчиком мне доводилось часто присутствовать на репетициях. Помню, как автор пьесы «Дом наш, тайна наша» Новруз Гянджали подошел к маме с тетрадью и ручкой:

– Насиба ханым, если вы не против, я добавлю эти реплики к оригиналу. Как я сам не додумался до этого!

Отдельным удовольствием было – наблюдать за игрой артистов из-за кулис. Мама частенько брала меня с собой в театр. И вот как-то я наблюдаю: выходит из своей гримерной Лютфали в белой майке и длинных трусах (по роли в спектакле он должен был быть одетым именно таким образом), из другой артистической выходит мама, а по коридору им навстречу движется Шамси; и они реплика за репликой начинают элементарно хулиганить, подзуживая и толкая друг друга. Для меня, мальчишки, это было шоком – увидеть степенного, недосягаемо важного Шамси Бадаловича в этих его знаменитых очках в таком амплуа…

Да, он был из тех руководителей, который понимал, что актерам нужно давать возможность и покуролесить, и пересмеять друг друга. Было множество закулисных хохм, забавных историй, при этом непорочные, искренние отношения, не было склок – и все это во многом благодаря старой гвардии во главе с Лютфали. В театре его называли не иначе как «Эми» (уважительное отношение к старшему). Народ его буквально боготворил – скольких он спас от несправедливой тюрьмы, скольким помог устроиться на работу, помог со здоровьем, поместил в больницу!

Показателен следующий случай, о котором любил вспоминать актер **Сиявуш Аслан**.

Как-то у Лютфали сломался автомобиль. Мастер, починивший машину, категорически отказывался брать деньги. Ремонт был нешуточный, мастер потерял много времени, использовал новые запчасти, и Лютфали долго настаивал. Обычно в таких случаях мастера говорили: «Положи свои деньги в карман. Не позорь меня!» А тут человек мало того, что не взял деньги, но еще и прокомментировал свой поступок: «Это я тебе должен. В следующий раз расскажу». Прошло несколько месяцев, опять что-то не заладилось с машиной, и тут мастер рассказал, что происходило у него в доме эти несколько месяцев. Когда в его доме собирались гости, он рассказывал, как он помог самому Лютфали Абдуллаеву с ремонтом. Достал дефицитные запчасти… Жена всегда спрашивала:

– А ты взял с него деньги?

Жена обожала этот момент, гости замирали и всматривались в нее, когда она задавала вопрос.

– Неужели ты это сказал – дай деньги?

– Ты с ума сошла! – мастер тоже обожал этот момент рассказа. – Ни за что. Мои дети будут питаться одной кашей, а жена умирать с голоду, ни за что с такого человека не возьму.

– Почему? – подавала реплику его жена, которую мастер с удовольствием оставил бы умирать с голоду.

– Да потому, что я с тобой еще никогда так хорошо не жил, – отвечал мастер. – Всегда цапались, ругались, а сейчас уже три месяца живем, как в раю. Первый раз в жизни жена не осуждает меня за то, что я не сорвал с клиента деньги. Ведь ты, Лютфали, сделал меня и мою жену частью своего праздника. Иди домой, завтра приходи, машина будет готова.

Взращенный родным городом Лютфали отразил шекинские типажи во множестве образов, настолько обаятельных и ярких, что, просматривая редкие, сохранившиеся старые кадры, каждый раз не перестаешь удивляться: насколько же непостижима и тонка вот эта неразрывная связь жизни и музыкального театра.

Шекинцы вспоминают Лютфали

Племянница Лютфали, Алмаз, и ее супруг Гейгез – вообще-то, по паспорту, Заур, но так как голубоглазый, все звали Гейгез, и это ему нравилось – были одними из самых близких Лютфали людей, в их большом доме он часто ночевал.

– На один-два дня наш дом и сад становились для него территорией отдыха и свободы. Он всегда просил никого не звать, – вспоминает Алмаз.

У Гейгеза отличная память, он с удовольствием рассказывал мне о встречах с актером.

Утро. Лютфали и я завтракаем в саду. Алмаз принесла чай. Вечер прошел очень интересно, насыщенно, я пригласил пару общих знакомых, застолье получилось на славу. А теперь утро и надо чем-то угощать гостя. Я имею в виду не мед и сметану, а другое. Лютфали все время требовал, просил, жаждал. Его надо было угощать интересными людьми и историями. Я и сказал тогда:

– Эх, Лютфали, не хотел тебе говорить, только очень у меня тяжелая жизнь.

– Интересно, – сдержанно говорит Лютфали. (Он знал, что Гейгез ни в чем не нуждался, да и характер у него твердый, никогда не жаловался).

– Очень у меня тяжелая жизнь, – повторяю я, выждал паузу и продолжил: – Вокруг меня одни скучные, серые, незаметные, неинтересные люди.

Смотрю, Лютфали мгновенно проснулся, улыбается, поощряет – продолжай, давай, давай, интересно. Охотник учуял дичь. Алмаз сходу включается:

– Это кто тут серый, незаметный, бледный и вообще – никакой? Это я, что ли? Да я самая интересная женщина во всем Шеки. Я столько историй знаю, Лютфали и половину из них не сыграть.

– Речь не о тебе, – говорю жене и обращаюсь к Лютфали. – Вот, например, неделю назад умер один из наших соседей, вроде бы пожил человек, должен был успеть накопить что–то интересное, а я не знаю ни одной истории, связанной с ним, чтобы угостить нашего гостя.

– А как его звали? – спрашивает Алмаз.

– Не помню, – отвечаю я.

– Как ты не знаешь имени соседа, на поминки которого тебя позвали?

– Что ты пристала, – говорит Лютфали. – Как Гейгез может знать имя человека, если он не помнит ни одного интересного случая, с ним связанного!

– Давай выпьем за то, чтобы нас с тобой всю жизнь окружали одни только интересные люди, – предлагаю я.

Мы приняли по рюмке, и утро расцвело всеми красками, соловьи запели веселее и завтрак показался вкуснее, прекрасное получилось утро. Днем, на обеде у нашего знакомого, Лютфали поднял тост за вкусных людей.

Воспоминания Союхбулаг-Айдына – так его прозвали в Шеки, потому что долгие годы он был директором самого популярного ресторана «Союхбулаг».

Мы часто обедали в маленькой компании: Бахтияр Вахабзаде, Лютфали, мой брат Маис, однажды был среди нас строитель Нуру. Он делал ремонт в родовом доме поэта, и тот его пригласил. У Нуру – тонкий юмор тактичного, наблюдательного человека, Лютфали это ценил. В другой раз мы были втроем: Бахтияр-муаллим, Лютфали и я. Это был примерно 1970 год, и прошло уже 45 лет, а я помню беседу, как вчера. Два друга с упоением, воодушевлением рассказывали друг другу разные истории из их молодости, много смеялись, хотя речь шла о голодных годах войны и первых послевоенных годах в Баку.

Потом с неменьшим азартом говорили о необходимости проведения праздника именно шекинского юмора. Это была красивая мечта о возрождении национального театрального представления. Красивая, но, казадось, несбыточная, ведь в те времена праздники отмечались только советские, даже Новруз байрам официально не праздновался, так что об этом оставалось только мечтать. Их мечта осуществилась, в 1983 году в Шеки состоялся праздник шекинского юмора. К сожалению, уже без Лютфали. Праздник прошел именно так, как хотели его увидеть друзья: всенародное гуляние, театрализованное представление на стадионе, конкурсы актеров, певцов, карикатуристов.

Вагиф Керимов, заслуженный деятель искусств:

1967 год, мне 14 лет, выступаю в Шекинском театре вместе с Лютфали. Зал переполнен. Для начинающих актеров это был экзамен, мы должны были заинтересовать мастера своей игрой. Все знали его нелюбовь к комедийным трюкам – нельзя кривляться, надо удивлять зрителя и играть даже в очень известных пьесах что-то свое, новое. После спектакля он собирает актеров, спрашивает, у кого какие проблемы, и звонит по организациям, начиная от домоуправления и кончая военкоматами. Во всех случаях достаточно было двух фраз, и проблема решалась в пользу актеров. Все исполнители подходили и спрашивали у мастера: «У меня есть шанс состояться, как актер?» Каждому он открыто отвечал: «Надо пройти школу в сильном столичном театре, нужны годы терпеливой учебы у мастеров. Возможно, произойдет чудо, а это всегда сочетание таланта и характера. Но должно произойти еще одно чудо – вы должны пронести сквозь горькие порой годы ученичества светлое, праздничное самоощущение. Актер с ожесточенным трудной жизнью характером быстро сходит со сцены. Сохранить внутренний свет и пронести его сквозь годы жестоких испытаний – иначе нельзя. Требований много, на театральный Олимп пробиваются единицы».

1973 год начался для Лютфали с блистательной премьеры «Хиджран». А затем – утрата, которую он тяжело пережил: 9 апреля скоропостижно ушел из жизни двоюродный брат Вейсал, профессор-патологоанатом, человек, которого он не только любил, но и безмерно уважал. Цифра 9 оказалась роковой и в его жизни. Седьмого декабря он вернулся домой после творческого вечера в Политехническом институте. А после ужина стал звонить друзьям. В том числе поэту Бахтияру Вахабзаде, который после того, как произошла беда, вспоминал об этом своем последнем разговоре с другом.

Лютфали тогда сказал: «Скоро я встречусь с Махмудом, что передать ему?»

Бахтияр не сразу понял, что речь – о его покойном отце, а поняв, воспринял это как очередную шутку. Между тем, у Лютфали всегда было какое-то предчувствие своего раннего ухода, он давал понять это в разной форме, и фраза была сказана, видимо, отнюдь не случайно.

В ту же ночь у него случился инсульт, и через день его не стало.

На торжественном прощании в его родном театре среди людей, стоящих в почетном карауле, была Севда Пепинова. Это была дань уважения не только своему супругу, но и человеку, чье имя отныне уходило в вечность, став одним из символов азербайджанской культуры.

В 2014 году театральная общественность Азербайджана отмечала 100-летие со дня рождения выдающегося азербайджанского актера Лютфали Абдуллаева. На родине артиста в Шеки был организован международный театральный фестиваль. Тогда же в Шеки был установлен бюст замечательному артисту.

Этот очерк не только дань памяти, уважения к одному из достойных сынов нашей страны, но одновременно и попытка разобраться в причинах той всенародной любви, которой он был окружен на протяжении всей своей жизни. Люди того, уже ушедшего поколения с гордостью вспоминали Лютфали Абдуллаева как всеобщего любимца. Каждый второй пенсионер в стране заявлял, что лично был знаком с мастером, каждый пятый уверял, что они были друзьями.

Лютфали Абдуллаев действительно стал живой легендой своего времени, и в народе его называли просто по имени.

Молодежь не знает прошлого, считая, что летоисчисление должно начаться с появления Facebook. Интернет-поколение живет под девизом «не грузите нас»: мир многих ушедших советских реалий справедливо вызывает у него отторжение. Но кто будет отрицать: именно в эту эпоху нивелирования исторической памяти на волне новых идейных установок каким-то непостижимым образом не только сохранилась, но и получила развитие национальная традиция.

Представляли ее в том числе и написанные еще до революции музыкальные комедии Узеира Гаджибекова, поднявшего этот жанр на небывалую высоту. В годы сталинщины это солнечное искусство сыграло для масс роль своего рода спасительного маяка, помогавшего верить в свою собственную национальную неповторимость, оригинальность и значимость.

Бюст Лютфали установлен в одном из скверов в верхней части Шеки. И вот шекинцы сразу предложили рядом с бюстом разместить серию фигурок, изображающих сыгранных им персонажей. И это совсем не случайно. Роль комедийного актера и значимой общественной фигуры Лютфали сыграл так точно, так вызывающе демонстративно, как боялись играть и демонстрировать себя многие, не менее одаренные советские артисты. Время было откровенно безжалостным к талантливым и ярким, но Лютфали не побоялся… и – победил.

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ

Точка зрения

Почему этот мир так устроен хитро́?
И не все хорошо? И не все обогреты?
Например, с точки зрения кошки Монро,
Снегири – это пища, на ветках котлеты.

Почему кошельки не у многих туги?
Почему все так глупо? А может, не глупо?
Например, с точки зрения бабы Яги,
Лучший транспорт на свете – метелка и ступа.

Почему не имеет деньжат доброхот,
Почему побеждают не феи, а фейки?
Например, с точки зрения топких болот,
Никому не нужны судоходные реки.

Сам себе говорю: «Тихо-мирно живи,
Помни старую мысль, что огня нет без дыма!»
С точки зрения света и силы любви,
Темень тоже нужна. Просто необходима.

23.05.2020

СЕВИНДЖ НУРУГЫЗЫ

Мелисса

повесть

Перевод Эльшады АЗИЗОВОЙ

Эта тряпичная кукла, о которой я собираюсь рассказывать, прилетела откуда-то издалека. Но вот откуда именно, она и сама не знала. Знала лишь то, что прилетела из очень далёких краёв, потому что, когда их погружали в самолёт, из тысяч кукол лишь она, высунув наружу голову, покрытую густыми, похожими на розовую ковровую бахрому, волосами, смогла осмотреться по сторонам. И тут же съежилась от холода:

– Снег выпал. Очень холодно…

Так, все еще дрожа от холода, она вновь просунула через щель голову с розовыми волосами внутрь. Ей стало понятно, что раз сели в самолет, значит, будут лететь куда-то очень далеко. Самолет летел очень долго. Потом была посадка. И вновь эта тряпичная кукла, высунув свою голову с мягкими, шелковистыми розовыми волосами через ту же щель наружу, произнесла:

– Солнце светит, и снега нет. Все кругом зеленое-зеленое.

Потом куклы, толкая друг дружку, затараторили:

– Жарко… Отойди, не прикасайся ко мне. Дай взгляну.

Потом их доставили в самые лучшие магазины этой солнечной страны. Каждый ребенок, проходя мимо этой куклы с розовыми волосами, выбирал другую, а она осталась…

Но однажды кукла, ухватившись за железные прутья сетчатой корзинки, в которой она уже несколько дней жила, с тоской взирала на проходивших мимо нее посетителей. И вдруг она увидела, как перед ней остановилась девочка с большими лучистыми глазами. Девочка уставилась на нее.

– Папочка, смотри, какая она красивая… – воскликнула она, указывая на куклу с розовыми волосами.

От этих слов кукла была так растрогана, что ее ручки невольно оторвались от железных прутьев и она кубарем скатилась прямо на дно корзинки, опрокинувшись вверх тормашками. Девочка своими маленькими ручонками подняла ее со дна корзинки и, поглаживая ее по головке, показала отцу:

– Папочка, ну, пожалуйста, купи мне ее...

При этих словах отец девочки улыбнулся... Девочка несла ее – эту куклу с розовыми волосами, на своих ручках. С наклейки на кукле она прочитала ее имя – Мелисса... Вот уже сколько лет они были вместе. Девочка выросла. А Мелисса, наоборот, чуть обветшала, стала потрепанней, как-то уменьшилась. Теперь все, кто видел ее в руках девочки, смеялись:

– Откуда ты ее нашла? Уж совсем ветхая...

Слыша такие слова, Мелисса огорчалась, а девочка, еще сильнее прижимая ее к груди, говорила:

– Куклы никогда не дряхлеют. Мелисса совсем новая. И красивая. Она самая лучшая кукла на свете…

Но это вовсе не конец сказке о кукле с розовыми волосами. А конец очень печальный.

Однажды Мелисса, сидя на перилах балкона, как обычно, ждала свою подругу. Лучи солнца играли ее розовыми волосами. Потом откуда-то появился мальчик. Он подошел к перилам. Бросив взгляд на балкон, заметил Мелиссу. При виде Мелиссы он не удержался от смеха:

– Ха, ха, ха... Какая дряхлая...

Потом, ухватившись за розовые волосы Мелиссы, он начал с силой вертеть ее. Мелисса шлепнулась в пыльный угол двора. Мальчик подошел к ней. Подняв ее за волосы, он вновь взглянул на нее:

– Фу, какая ты противная... – произнес он и начал ногами швырять ее в разные стороны по двору. Розовые волосы Мелиссы стали совершенно черными... Ее всегда улыбающиеся глаза были забиты пылью... Вдруг солнце исчезло, скрывшись за черными тучами. Потом начал накрапывать дождь. Убегая от дождя, мальчик, подбрасывая ногами Мелиссу, выбросил ее со двора на улицу...

А девочка все еще искала ее. Даже в интервью одной газете она так сказала корреспонденту: «У меня была одна кукла. Ее звали Мелисса. Я ее сильно любила...»

При этих словах на ее глаза навернулись слезы...

Вот так... Мой друг, наверное, я еще долго буду корить себя за то, что написала это произведение – «Мелиссу». И знаешь, за что? За то, что, описывая жизнь этой куклы, я невольно опечалила тебя. Но мне хотелось этим произведением показать тебе невидимые тебе стороны жизни. Я рассказала тебе некоторые эпизоды из жизни твоих ровесников – девочек и мальчиков, живущих в разных условиях. Мне хотелось показать тебе, что на этой планете под названием Земля вовсе не все бывают счастливы...

***

Именно с этого момента и начались все невзгоды в жизни Мелиссы. Да-да, ты правильно слышишь, все невзгоды... Как бывает и в жизни людей, в жизни у розоволосой куклы Мелиссы также голод, жажда, слезы и страдания не переставая сменяли друг друга. Возможно, что Мелисса очень спокойно смогла бы вынести все это, если бы рядом с ней находилась ее черноглазая хозяйка Зохра, длинные ресницы которой доходили аж до самых ее щек... Мелисса, выброшенная бездушным мальчиком пинками со двора на улицу, сильно тосковала...

Тучи, глядя на невзгоды бедной куклы, заливались слезами. Они плакали о судьбе Мелиссы, потерявшей свою подругу и теплое жилище. Так, по меньшей мере, думала Мелисса. От падающих на нее капель дождя она отяжелела. Вата, которой было набито ее тряпичное тело, намокнув, прибила ее к асфальту. Чуть-чуть продрогла. Все тело ее было пропитано водой...

К тому же она скучала по Зохре. От всех других кукол Мелисса отличалась тем, что умела любить. Порой ей казалось, что далеко-далеко от этих мест, в одной мастерской, полной всяких кукол, лоскутов разных тканей, разноцветных ниток и булавок, пожилая женщина-кукольщица, напевая про себя песенку, нашла возможность вложить в ее набитое ватой тело трепетное, живое, маленькое, ну совсем крохотное, как у воробышка, сердце. Иначе Мелисса не смогла бы так всем сердцем полюбить Зохру, ту квартиру, в которой она жила, эту широкую, с мягкой периной, кровать в этой квартире... Иногда в памяти Мелиссы оживали обрывки, говоря языком кино – фрагменты дня своего появления на свет. В одном из этих фрагментов скрывалась песенка, которую напевала пожилая женщина-кукольщица, мастерившая Мелиссу. Эта песенка, разбитая на буквы, слоги и слова, рассыпалась по разным уголкам хрупкой памяти Мелиссы. И когда Мелисса в счастливые дни своей жизни, лежа по ночам в широкой, с мягкой периной, постели Зохры, погружалась в свои грезы, ей удавалось собрать из уголков своей памяти буквы, слоги и слова и расположить их в стройном

порядке. В результате сложилась песенка, которую напевала та старая женщина-кукольщица, пришивая розовые, похожие на ковровую бахрому, волосы Мелиссы к ее мягкой тряпичной голове:

Кукла есть на этом свете,
Счастьем светится она.
С волосами розы цвета
И любовью вся полна.

Возможно, что любовь Мелиссы была соткана именно из этих слов. То есть уже с первых дней, еще до того, как ее волосы, голова, туловище, руки и ноги были пришиты друг к другу, первым услышанным ею словом была любовь...

Дождь все больше усиливался. Крупные капли дождя, безжалостно ударяясь о ее тело, брызгами отскакивали в сторону.

– Давай, давай, скорей бежим. Поторапливайся. До прихода матери мы должны быть дома.

Пес рвался, дергая за веревку ошейника, стараясь вырвать ее из рук мальчика.

– Ну иди же, Хал. Кому я говорю? Какой же ты друг?!

Мелисса с трудом различала сквозь ливневую пелену разговаривающих. Это был мальчик 7-8 лет. Рядом с ним бежал длинноухий пес с белой, блестящей шерстью с черными пятнами. При виде пса Мелисса сразу определила, что это далматин, потому что мастерившая ее та женщина-кукольщица очень любила далматинов. Среди изготовленных ею с большой любовью игрушек были десятки мелких и крупных далматинов. Мальчик старался увести пса, дергая за веревку ошейника. Но пес стоял как вкопанный, уставившись в одну точку:

– Хал, прошу тебя. Пошли, Хал. Пошли. Вот-вот мать вернется с работы. Надо успеть добраться до дома. И комбинезон твой не надет. Если простудишься, нас обоих накажут.

Но Хал так и стоял, уставившись в одну точку. Аххх... Что это? Мелисса только теперь поняла, в чем дело. Хал, не отрывая глаз, смотрел на нее, на Мелиссу с ее рассыпавшимися по асфальту розовыми волосами. Да-да, правильно слышишь. Хал смотрел на Мелиссу. Смотрел, не отрывая глаз, не обращая внимания на дождь и упрашивающего его хозяина. Мелисса от страха тут же забыла обо всех своих бедах. Она захотела подняться с земли и бежать со всех ног. Но не получилось. Ее тело было так пропитано водой, что она не могла сдвинуться с места. Хал, раскрыв пасть подобно ковшу бульдозера, подошел к ней. Мелисса не могла ни бежать вперед, ни отступать назад. Она с ужасом взирала на потянувшуюся в ее сторону пятнистую, белую и блестящую голову, на пару шевелящихся ушей.

– Аййй... Боюсь... – закричала она.

Пропитанное водой ее тело уже было в пасти Хала. Со свисающих ног и рук стекала грязная вода. Мальчик, ухватившись за ее ножки, изо всех сил тянул ее, стараясь вырвать из пасти Хала. Мелисса рыдала... В этот момент прямо рядом с ними остановилась такая же белая и блестящая, как сам Хал, машина. В ушах Мелиссы прозвучал гул мотора. Из машины вышла женщина. Едва выйдя из машины, она прогудела, как машина:

– Что вы здесь ходите? Ведь уже не время для прогулки Хала. Сынок, почему вышли без разрешения? С кем я говорю?!

Мальчик отпустил ножки Мелиссы. Он сунул промокшие руки в карманы брюк:

– Вот, схватил куклу и не отпускает.

– Это не кукла, а грязный хлам. Понял, сынок? Ты ведешь Хала куда попало. И он берет в рот всякий хлам...

«Они говорят обо мне. Это я – хлам?» – Мелисса опечалилась.

Вода, стекавшая из тела Мелиссы, давала ей возможность поразмышлять. По мере того, как стекала вода, ее память становилась ясней.

– Брось ее, Хал... Скорей. У тебя есть чудесные игрушки. Почему ты играешь с уличной куклой?

Мелиссе были знакомы выражения «уличная собака», «уличные дети», но «уличную куклу» она слышала впервые. А женщина все никак не умолкала, продолжая гудеть:

– Хал, ты заразишься микробом. Она не стерильная, не обработана спиртом...

Мелисса ничего не понимала. Она не разбиралась в словах «стерильный», «обработка». Хал тоже не обращал внимания на сказанные слова. Видя бесполезность борьбы, женщина тоже наконец произнесла:

– Пошли домой. Садитесь все в машину: и Хал, и ты, и эта грязная кукла...

Когда въехали во двор, Мелисса все еще находилась в зубах Хала.

Вдоль стены были засажены вечнозеленые ели. Двор был вымощен мраморными плитами. У ворот находилось огромное помещение для охраны, такое же большое по величине, как и дом, в котором жила Зохра.

Как только машина засигналила, оттуда вышел рослый парень. Подойдя к машине, он ухватился за ошейник Хала, с удивлением глядя на Мелиссу в его пасти. Женщина поняла, что тот хотел спросить:

– Хал совсем отбился от рук. Это он подобрал на улице. Надо подыскать ему нового кинолога-дрессировщика.

Мелисса не поняла и слова «кинолог». Ей вспомнились кинофильмы, которые она смотрела по ночам… Лежа в постели вместе с Зохрой. Но ей непонятно было, какая связь могла быть между кино и Халом. Женщина подошла и встала перед Халом.

– Мой умный песик, отдай ее мне. Она грязная, ужасная. У тебя есть хорошенькие куклы... – сказала она, придав лицу ласковое выражение.

Мелисса была обижена на весь свет. Она не хотела быть грязной и безобразной куклой. Обижена на всех людей и даже на Зохру...

– Отдай, Хал... Отдай, говорю.

Женщина стала теребить Мелиссу, чем сильно рассердила Хала.

– Мама, не дергай ее. Все равно не отдаст. Просто тихо пообещай ему, что не выбросишь куклу. Помоешь, почистишь и вернешь ему.

***

Мелисса с большой скоростью крутилась в барабане стиральной машины. Был последний этап. Этап отжимки. Когда пусковая кнопка машины чикнула и остановилась, Мелисса скатилась и упала прямо в середину машины.

К стеклянной дверце машины, похожей на иллюминатор, вплотную прилепились два глаза, два уха и один нос. Это был Хал. Он ждал ее.

Мелисса стала чистенькой. Стиральный порошок и отбеливающее средство сделали ее белоснежной. Хал стучал своими лапами по дверце машины. Наконец, дверцу открыли. Вытянув вперёд голову, Хал забрал ее изнутри барабана.

– Ты стал очень невоспитанным, Хал. Забирай, ладно, вот, бери. Все, успокоился? Ну, теперь иди и поешь свою похлебку...

Хал радостно потрусил в другую комнату. Он уложил Мелиссу в поставленную для него на диване мягкую, неглубокую корзину. Сам тоже залез в корзину и уселся там, сделав глубокий вздох...

Хал думал о предстоящих счастливых днях вместе с Мелиссой, потому что эту игрушку он выбрал сам. Никто не покупал ее для него. Хал сам увидел ее и в тот же миг понял, что они могут стать друзьями...

Но очень скоро, после того дня, как он уложил Мелиссу в свою неглубокую корзину, перед ними предстал некто с огромным, выпирающим на метр вперед, брюхом, в очках и шляпе. Он со свистом дышал, то и дело издавая хрюкающие звуки. При виде этого человека Хал тут же схватил Мелиссу, держа ее в зубах.

– Да, беспокоится... В нем сидит страх...

Мужчина внимательно посмотрел на Хала и Мелиссу.

– Хммм... Знаете, в чем дело, госпожа. В психологии пса произошли серьезные изменения.

– Конечно, произошли... С того дня, как он нашел эту грязную и отвратительную уличную куклу, т.е. Мелиссу...

– Знаю. Вот почему вначале из дома должна быть удалена эта кукла.

Женщина гневно посмотрела на Мелиссу:

– Ее невозможно отобрать у Хала.

– Отберем... Усыпим, а потом и отберем, – ехидно ухмыльнулся кинолог - дрессировщик.

Халу вкололи укол. Возбужденный от предчувствия чего-то нехорошего, Хал долго сопротивлялся. Но в конце концов он уснул. Как только его черные глаза сомкнулись, кинолог-дрессировщик тут же схватил Мелиссу и сунул в карман.

– По дороге выброшу в мусорный бак. – После довольно длительного разговора с хозяйкой он стал прощаться. – Не беспокойтесь, после наших занятий Хал станет самым культурным псом в мире.

В это время Хал находился в глубоком сне.

***

Я не знаю, когда Хал проснулся, как он себя повел, не найдя рядом с собой Мелиссу...

Да и про Мелиссу тоже ничего хорошего сказать не смогу.

Кинолог-дрессировщик вышел от них в хорошем духе. Пыхтя и сопя, он что-то напевал вполголоса. Впереди стояли мусорные баки, сплошь облепленные мухами. При виде их он тут же вспомнил про Мелиссу. Сунув руку в карман, он вытащил оттуда за ножки Мелиссу. Потом он поднял ее вверх:

– Хммм... Какие волосы. Как ковровая бахрома... Но спасибо тебе. Ты помогла мне. Не будь тебя, такая богатая семья не стала бы искать своему псу дрессировщика. Но все равно придется бросить тебя в мусорный бак, потому что ты уже мне не нужна. – С этими словами он, размахнувшись, изо всех сил швырнул Мелиссу в сторону мусорного бака. В этом стремительном полете Мелиссе почудилось, что она вот-вот пересечет все границы и вновь окажется в мастерской той старой женщины-кукольщицы, которая смастерила ее. На миг она даже успела обрадоваться. Но этого не случилось. Она упала... Место, куда она упала, не было мусорным баком. Пролетя над мусорными баками, она упала где-то далеко от них...

Кто-то подобрал ее с земли. Стал долго ощупывать ее. Мелисса увидела его. Это был старый мужчина в очках:

– Кто тебя бросил сюда, красотка? И почему бросил? Но ведь ты мне не нужна...

Он стиснул Мелиссу в своей большой ладони. Начал мять ее руки, голову, ножки, потом сказал:

– Нет, пригодишься. Такая мягкая. Повешу тебя на стене и буду втыкать иголки...

Конечно же, Мелисса не обмолвилась ни словом. Да и старый сапожник тоже не стал ждать ее согласия. Войдя в будку, он прижал голову Мелиссы к стенке с наклеенными на нее разнообразными снимками улыбающихся девушек и, приставив прямо к середине ее лба большой гвоздь, нанес молотком один удар: тарапп.

Мелисса пришла в себя лишь через несколько часов. Она не могла шевельнуться. Вокруг было темно. Старый сапожник, выключив свет и заперев двери, ушел домой. Мелисса затряслась от страха. Время от времени доносились звуки шороха и писка. Пользуясь отсутствием сапожника, мыши бегали между старой, поношенной обувью. В душе Мелисса была благодарна сапожнику за то, что тот прибил ее к стене, потому что сильно боялась мышей...

Проходили дни. Мелисса так и висела на стене сапожной мастерской, пахнущей старой обувью, гуталином и кожей. Каждый день похожие на сухие сучья дерева корявые пальцы сапожника то и дело вкалывали и вынимали из ее живота, головы, из всех частей тела иголки. Мелисса уже не охала от боли, как это было раньше. Привыкла. Прибившаяся к волосам пыль сделала их тяжелыми. Ей казалось, что голова перевешивает тело. Старый сапожник был заядлым курильщиком. От едкого табачного дыма и запаха она с трудом дышала, цвет лица стал темнее. Но Мелисса не чувствовала себя несчастной. Вовсе нет... Порой она часами задумывалась над тем, почему же не чувствует себя несчастной. Ведь эта полутемная, прокоптелая сапожная мастерская, вся выкроенная и залатанная из различных кусков дерева, железа и фанеры, не шла ни в какое сравнение с тем роскошным домом, в котором она жила с Халом. Мелисса стала понимать, что счастье определяется не местом, где ты живешь, а окружающими тебя людьми. Правда, старый сапожник был колким на язык и грубым человеком. Может, он и сам не знал, какую боль причиняет Мелиссе. Она была уверена, если бы знал, он не стал бы вкалывать в нее ни одной иголки. Но в душе он был очень добрым. Теперь он уже не называл Мелиссу «красоткой». Пуская клубы дыма в воздух, он с улыбкой говорил:

– Ну, как ты, моя красавица? Удобно ли тебе? Если нет, то ты скажи мне, и я вытащу из тебя этот проклятый гвоздь.

Конечно же, Мелисса, безмолвно глядя на него, ничего не отвечала. И старый сапожник тоже, обращаясь к ней, не переставая говорил:

– Поверь мне, сейчас это самое удобное место. Как бы я хотел, чтобы кто-то и меня, вот так пригвоздив к стене, сказал бы: сиди здесь спокойно. Сиди и молчи, будь глухим, немым и слепым. Чтобы не видеть, как рушится этот мир. Не думать о тех, кто страдает от голода и другой нужды... Но что поделаешь, нет того, кто бы пригвоздил меня туда...

Мелиссе нравилось то, что сапожник изливал ей душу, как живому человеку. Он прекрасно знал, что она все понимает.

– По твоему виду знаю, что ты не местная. Ты прибыла откуда-то из другой страны. Правда? – чуть помолчав, словно слушая ее, он продолжал: – Вот видишь, я правильно догадался. Ты не здешняя. Думаешь, что все люди той страны, откуда ты прибыла, счастливы? Нет. Ошибаешься. Там тоже есть свои сытые и голодные, больные и здоровые. Во всем мире у горя есть одно название – и это горе. Как бы оно ни звучало...

Он говорил беспрерывно. Умолкал лишь тогда, когда стучали в дверь. Проводив посетителя, он вновь, обратив лицо в сторону Мелиссы, изливал душу. К тому же обращался к ней по имени, которым назвал ее на днях:

– Ну вот, моя Чичек, ты тоже безмолвна. Все молчишь и молчишь. Вот за это и спасибо тебе. За молчание. Дома старуха так много болтает без умолку, что голова пухнет. Если еще и ты станешь говорить, то я вообще пропаду...

Мелисса не обижалась. Она хорошо знала, что, кроме Зохры, ее имени никто не знает. Старый сапожник с таким удовольствием называл ее Чичек, что Мелисса даже начала любить это имя...

Да, хочу еще заметить, что с первых же дней появления в будке у сапожника Мелиссе стало казаться, что кто-то каждый день следит за ней.

Ее подозрения были обоснованы. Из маленького, покрытого копотью, потемневшего и потускневшего оконного стекла будки выглядывала лохматая голова с чумазой рожей, пристально и долго всматривалась в нее и потом, прижимаясь спиной к стене, удалялась.

Мелисса никогда не думала о нем плохо. Но то, как тот украдкой смотрел на нее, его взъерошенные, грязные волосы вызывали в ней некоторое подозрение. По предварительному предположению, это был мальчик. Видно было, что он висел на окне, приподнявшись на носках. Порой он часами мог, замерев, безмолвно уставиться на нее. Мелиссе даже казалось, что кто-то взял его за голову и пригвоздил к стеклу. Но очень скоро ей пришлось отказаться от этой мысли. Как только во дворе раздавался ужасный хриплый женский окрик:

– Опять ты прилип туда? Ну погоди ты у меня. Я тебе своими руками сверну шею, вот увидишь... – голова тут же, оторвавшись от стекла, отскакивала, как мяч, в сторону и исчезала. Мелисса целыми днями старалась найти связь между этой головой и тем ужасным голосом, но ничего не получалось. И каждый раз, когда раздавался этот голос и исчезала голова из окна, старый сапожник, поворачиваясь в сторону Мелиссы, говорил:

– Эта ведьма прямо пьет кровь из бедных детей.

Из сказок, которые читала Зохра, Мелисса знала, какими бывают ведьмы. Но она думала, что они существуют только в сказках. А теперь в одном из дворов раздается чей-то голос, и оказывается, что хозяйка этого голоса – ведьма.

– Он смотрит на тебя. Наверное, хочет, чтобы ты стала его игрушкой. Ребенок же... Все дети имеют право играть с игрушками. Я бы мог подарить тебя ему. Но думаю, там тебе будет несладко...

Старый сапожник стал объяснять, почему ей будет там несладко... А Мелисса, сколько ни думала, никак не могла найти ответа.

***

В тот день было прохладно. Во дворе дул сильный ветер. Будка старого сапожника так скрипела и качалась из стороны в сторону, словно собиралась вот-вот сорваться и улететь. Со стороны может так не казалось, но так как Мелисса была прибита к стене, она чувствовала это лучше. Под ней стена ходила ходуном, раскачиваясь из стороны в сторону.

Был вечер. Солнце давно село, но уличные фонари еще не горели.

Мелисса, затаив дыхание, замерла на месте. Гул ветра словно предупреждал: вот-вот произойдет что-то нехорошее. Вначале ей померещилось, что из темного окна показалась та самая чумазая голова... И, едва показавшись, она тут же исчезла. Потом скрипнула дверь будки, запертая старым заржавевшим замком. Кто-то несколько раз дернул дверь. Потом послышался лязг железа, словно кто-то сорвал один из двух замкнутых железных ободков. Висевший на ободке замок, с грохотом стукаясь о дверь, упал на землю... Мелиссу охватил ужас.

Потом на нее упал слабый свет. Кто-то вошел внутрь. Свет от фонаря в его руке заскользил по стене. И он с легкостью нашел Мелиссу. Заулыбался. Тыльной стороной руки утер нос. Приподнявшись на носках, вытянул лохматую голову вперед. Потом, прижавшись лицом к лицу Мелиссы, молча постоял. Сунув руку в карман, вытащил плоскогубцы. Напрягаясь всеми силами, вытянул своими худенькими руками прибитый к голове Мелиссы гвоздь.

– Пойдешь со мной, – коротко сказал он.

Когда они выходили, во дворе было ни зги не видать. Мальчик прижал ее к груди. Ее розовые волосы развевались на ветру. За долгие годы Мелисса впервые выходила на воздух.

– Я давно уже засматривался на тебя. Очень давно... Ты знаешь?! Но ты меня не видела.

Мелисса не смогла сказать, что она тоже видела его уже с первых же дней, как он появился...

– Знаешь, когда я нашел тебя? Вскоре после смерти сестры. Ты похожа на мою сестру. Такая же тихая, спокойная, печальная...

Он бежал, на ходу разговаривая. Вдруг на лицо Мелиссы упала одна капля. Ей показалось, что пошел дождь. Но она заблуждалась. Мальчик плакал.

– Сестра болела. Чтобы излечить ее, мама продала все. И даже наш дом. Но сестра не выздоровела. Вместо этого заболела и мама. Из-за тоски по сестре.

Капли потекли еще быстрее. Они падали на лицо, шею, руки Мелиссы.

– Но она выздоровеет, – всхлипнул мальчик. – Я отнесу и подарю тебя ей, и она выздоровеет. Потому что ты точь-в-точь, как моя сестра... Вот только не знаю, сможешь ли ты пожить у нас?! Но я умоляю, не будь печальной. Давай вместе спасем мою маму. А потом, обещаю, я сам отнесу и повешу тебя на стенку в будке сапожника.

Входя в подъезд большого здания, мальчик вначале замедлил шаг. Внимательно осмотрелся по сторонам:

– Надо быть осторожным. Никто не должен видеть, что я вхожу сюда...

Войдя в подъезд здания, они, вместо того, чтобы подняться на верхние светлые и уютные этажи, стали спускаться в темный, пахнущий сыростью подвал. Здесь было чуть светлее, чем на улице. Они еще долго пробирались внутрь. Наконец, вошли в огороженное простынями и кусками картона помещение. Мальчик был взволнован. Он окинул комнату тревожным взглядом. Напротив них на железной кровати спала худая, слабая, тяжело дышащая женщина. Ее волосы разметались по подушке.

– Это моя мама, – указывая на нее, шепотом сообщил мальчик Мелиссе. – Видишь, какая она красивая. Самая красивая в мире мама. Мы должны излечить ее. Ты и я. Ты поможешь мне?

Мелисса изо всех сил старалась ответить ему. Это усилие словно отразило на ее лице улыбку.

– Спасибо тебе большое, – обрадовался мальчик. – Я знал, что ты мне поможешь. Давай знакомиться. Меня зовут Микаил. Коротко Мика... Ты, наверное, не сможешь назвать свое имя. И поэтому позволь мне назвать тебя именем моей сестры: Аида.

У Мелиссы никогда не было матери. Никогда... Эта старая кукольщица смастерила ее, пришила друг к другу все ее части тела. Так и появилась на свет Мелисса... А теперь она должна была заменить кому-то дочь. Кто-то станет ее матерью... Она очень волновалась. А вдруг эта спящая на кровати женщина не примет ее за дочь? Что тогда будет? Ведь Мика все свои надежды связывал с Мелиссой. Что же будет тогда с Микой?

Мелисса впервые так долго задумывалась над жизненным случаем. Это было впервые... Мика говорил с ней шепотом:

– Я впервые пошел на воровство. Украл тебя. Взломал дверь будки старого деда-сапожника. Но я не воришка. Это святое воровство. Для спасения матери. Когда-нибудь я пойду и попрошу прощения у старого сапожника.

Мелисса знала, что старый сапожник простит мальчика. Потому что у этого старого, грубого с виду человека было золотое, доброе сердце...

Неожиданно послышался чей-то всхлип... Мика быстро вскочил с места. Взял Мелиссу в руки:

– Мама проснулась...

Они оба стояли у кровати: Мика и Мелисса. Мика осторожно, с нежностью погладил волосы матери:

– Мама, мамочка, не плачь, открой глаза.

Женщина открыла глаза. И тут же зрачки глаз забегали, сильно-сильно забились ресницы. Невольно затряслись руки.

– Моя милая мамочка, самая красивая на свете. Вот, смотри сюда...

Мика поднял Мелиссу вверх. Подержал ее перед глазами матери. Мелисса сильно дрожала... Вернее, это дрожала рука Мики, в которой находилась Мелисса. Глаза женщины уставились на Мелиссу. По щеке покатилась слеза.

– Аида... Моя крошка... Аида...

Мика добился цели.

В ту ночь в этом полутемном подвале все были счастливы. Все – и Мика, и его мать, и даже Мелисса. Мика поставил у столика рядом с кроватью два стула. Один из них предназначался для Мелиссы. Мелисса удобно расположилась на стуле. На лице ее было написано самодовольство. Она была рада, что смогла помочь людям. Мать Мики нежно гладила ее по голове. Мика то и дело входил и выходил из-за перегородки, где находилась так называемая кухня. Каждый раз, когда он выносил оттуда что-то и ставил на столик, он говорил:

– Мама, это тебе, это Аиде, а это мне.

Чашки с чаем уже заняли свои места. Перед Мелиссой стояла желтая чашка с отбитой ручкой и золотистой каймой по краям. На ней была изображена розовая бабочка. Чашка очень понравилась Мелиссе.

Принесенное Микой в очередной раз печенье он также распределил по две штуки на каждого:

– Это маме, это сестре, а это мне...

Мелисса не ослышалась. Мика назвал ее «сестрой». Впервые... Впервые у нее был брат. Мика с удовольствием откусывал печенье, запивая чаем, и говорил:

– Мамочка, ну, поешь. Вкусное печенье. Я купил их в том большом супермаркете. Аида, ты тоже ешь... – Потом он, взяв одно печенье, поднес ко рту Мелиссы, приговаривая: – Ешь, Аида, ты же любишь это печенье... Ешь, ешь, откуси побольше. Знаю, что тебе нравится... – Потом, поднеся ко рту Мелиссы желтую чашку с отбитой ручкой, он говорил: – Пей, пей. Попей чаю. Ты же знаешь, если не поешь, то не вырастешь...

Мелисса уже несколько месяцев жила в этом подвале. Каждое утро Мика, проснувшись, подходил к постели матери. Целуя вначале мать, а следом за ней и спавшую в углу постели Мелиссу, он говорил:

– Пока, мои дорогие, я пошел зарабатывать деньги.

Мика всегда говорил: «зарабатывать деньги». И никогда – «попрошайничать». Он считал себя мужчиной – кормильцем этой семьи. Считал, что заботиться об этой семье – его долг. Беседуя с Мелиссой, он признавался:

– Какое счастье, что мама жива, и ты рядом со мной, Аида. Если бы не вы, у меня не было бы семьи. И я вынужден был бы оставаться рядом с этой Гарачы – Цыганкой. Я не хочу жить с ней, Аида. Ты понимаешь меня...

Только сейчас Мелисса поняла, почему Мика, принеся ее в подвал, сказал: «Мне надо быть осторожным. Никто не должен видеть, что я вхожу сюда». Получается, что Мика боится этой женщины или мужчины по имени Гарачы.

В один из дней тяжелая, со скрипом открывающаяся дверь подвала больше не открылась. Это означало, что Мика не вернулся домой. Потому что эта дверь открывалась и закрывалась лишь два раза в день. Только когда Мика уходил зарабатывать деньги и потом возвращался. Всю ночь до утра Мелисса лежала, прижавшись к тяжело дышавшей груди матери Мики. Она старалась успокоить ее. Но, конечно же, она не смогла удовлетворить все потребности этой, прикованной к постели, больной женщины. Лишь внимательно слушала ее рассказы:

– Я сама назвала тебя Аидой. Я была оперной певицей. Исполняла вокальные партии Аиды в опере «Аида». Вот почему и назвала тебя Аидой... Что-то Мика не

идет...

Женщина говорила связно, не сбиваясь. Словно это была не та самая, молчавшая многие месяцы, женщина. До этого времени Мелисса слышала от нее лишь эти слова: «Аида... Моя крошка... Аида...». И то они были произнесены в первый день появления Мелиссы в подвале. И все. А теперь вот она говорила. Но сам Мика, с тоской ожидавший того дня, когда мама заговорит, уже третью ночь как не появлялся. От него не было никаких вестей. Мелисса вся обратилась в слух, не отводя глаз от дверей...

Маленький столик, который Мика накрывал для чаепития, теперь был совершенно пустым. Его больная мать совсем обессилела без еды и питья. Теперь она повторяла лишь одну фразу:

– Гарачы увела Мику...

Хотя Мелисса и не вполне поняла, что этим хотела сказать женщина, однако услышанное уже дважды слово Гарачы что-то подсказывало ей...

Однажды утром Мелисса, проснувшись, увидела, что мать Мики больше не дышит... Мелисса попыталась понять, что это означает. Внимательно посмотрела в уставленные в одну точку глаза женщины, ожидая привычно произносимых ею слов: «Гарачы увела Мику»... Но этого не случилось. Женщина лежала каменно-спокойная и безмолвная. Как раз в этот же день тяжелая дверь подвала протяжно заскрипела. Мелисса очень обрадовалась, ожидая, что вот-вот увидит Мику. Как хорошо, что он явился, подумала она. Увидев его, может, и мать медленно-медленно задышит. Но Мики не было. Это были два сантехника, которые спустились в подвал, чтобы проверить и починить водопроводные линии... Один из них, отодвинув простыню, которой Мика загораживал свое жилье, заглянул внутрь.

– Смотри-ка... Да здесь, оказывается, кто-то живет...

Другой тоже вошел через завешенный простыней проем внутрь. Подойдя к кровати, он увидел мать Мики.

– Смотри, тут женщина... Кажется...

Другой тоже, подойдя, взял женщину за руку. Попытался нащупать пальцем ее пульс. И тут же отпустил руку:

– Надо сообщить... Пусть придут и заберут ее. Она бездомная...

Вскоре прибыла машина скорой помощи... И с того дня Мелисса осталась в этом темном и страшном подвале одна...

***

В эти дни одиночества она вспомнила многих. Зохру, все детство которой прошло вместе с ней, капризного проказника Хала из богатого дома, сердитого и великодушного, строгого сапожника и, наконец, Мику, который и притащил Мелиссу в подвал ради спасения матери... А когда воспоминания заканчивались, бесконечная возня и писк мышей и страшный мрак в подвале так пугали Мелиссу, что она, не зная, как быть, с тоской ожидала того дня, когда избавится от этой подвальной жизни. Но если бы она знала, очевидцем и участником каких событий ей приведется стать, то предпочла бы так и оставаться в этом мрачном подвале...

Когда это произошло, только-только наступило утро. И даже, представляете, подвальные мыши еще продолжали спать. Потому что не слышно было их бесконечного шороха и писка. В этот раз дверь так страшно заскрипела, что Мелисса могла с уверенностью сказать, что это не Мика. Лицо, которое вошло в подвал, тут же стало извергаться подобно вулкану:

– Ну вот, прошу-сь... Вот и твои хоромы. Попрошайка несчастный. А я думала, что укрытыми от меня деньгами ты себе дворец отстроил... – Мелисса смотрела краем глаза. Это была темнокожая, костлявая, хромая и горбатая старуха. Ее седые волосы

свисали по щекам, посох, за который она держалась своими черными, грязными руками, дрожал. Старуха выглядела отвратительно. Мелисса даже задумалась, видела ли она когда-нибудь такую уродину.

В этот момент кто-то, выскочив из-за спины старухи, бросился к кровати. Рыдая, он откинул одеяло, поднял подушку. Он стал рыться в постели, словно ища там иголку:

– Мамочка... Когда я уходил отсюда, моя мама лежала здесь. Вот здесь... На этой кровати. А теперь ее нет... Мамы нет.

Это был Мика. Он плакал. От волнения он даже не заметил Мелиссу, которая выпала из одеяла, когда Мика откинул его в сторону.

Рыдания мальчика совсем не тронули оравшую до этого старуху:

– Ну нет, так нет. Большое дело. Ушла по своим делам.

– Она не могла ходить...

– Ну, тогда ясное дело... – все не унималась старуха.

Мика начал кричать. Горько заплакал... Взмахнув своим посохом, старуха стала наносить мальчику удары:

– Хватит. Перестань. Меня твоя мать совершенно не волнует. Понял?! Ясно тебе, щенок?! Меня интересуют собранные тобой деньги. Скажи сейчас же, где ты их припрятал? Если сейчас же не скажешь, я прибью тебя. – Она двинулась в сторону Мики. Мальчик, плача, отходил назад:

– Нет у меня денег. Ни копейки нет. Все потратил на лекарства для сестры и матери. Но я потерял их обеих... – Вдруг неожиданно он заметил на полу Мелиссу. Быстро поднял ее. – Аййй... Прости меня, Аида. Оказывается, ты здесь. А где моя мама?

Конечно же, Мелисса, которая была очевидцем всех событий, ничего не смогла рассказать ему. Но Мика уже и сам все понял...

С того дня Мика вместе с Мелиссой стали жить в более ужасном, чем подвал, месте – рядом с этой темнокожей, костлявой, хромой и горбатой старухой-цыганкой. Мелиссе иногда казалось, что страшнее этой жизни быть не могло. Лачуга цыганки находилась на окраине города, в укромном месте, подальше от людских глаз. Среди бесконечных мусорных свалок и камышовых зарослей. По ночам лягушиное кваканье и стоны утомленных, избитых и униженных детей не давали ей покоя. Мика был одним из последних, кто появился в этой лачуге и поэтому он был более сильным и здоровым. Остальные дети уже давно жили здесь под гнетом цыганки: крохотная и веснушчатая Нико (Нигяр), ее брат – черноглазый и хилый Камо (Кямран), светловолосый и голубоглазый Рустам, прозванный Рыжим, лилипутка Ляман по прозвищу Лара, девочка Зиба, прозванная Зенджи (Негритянка) за темный цвет кожи и кучерявые волосы, и, наконец, Тоту, то есть Тогрул, который мучил детей похуже самой цыганки...

Цыганка была здесь за главаря. Из тех денег, что добывали дети с раннего утра до позднего вечера, на их долю приходились лишь похлебка и ночевка в этой сырой лачуге.

В лачуге происходили бесконечные побои... В этих побоях больше всего удары доставались от Тоту, а побитыми были остальные дети. Тоту был правой рукой цыганки, ее осведомителем. Каждый вечер до ужина происходил час отчета. В эти часы Мелисса была рада, что не является человеком.

– Нико и Зенджи, шаг вперед...

Эти две девочки, выступившие на шаг вперед из нестройного ряда выстроившихся не по росту детей, от страха свернулись клубком. Волосы Нико свисали до кончика носа. Из-под волос выглядывали шмыгающие в страхе зрачки глаз и раскрасневшиеся веснушчатые щеки. Руки были засунуты в карманы грязных брюк.

– Вынь руки из кармана...

Нико вытащила руки. Она попыталась спрятать куда-нибудь свои сжатые кулачки.

– Раскрой ладони... Раскрой, говорю тебе...

Посох цыганки заиграл в воздухе, потом опустился вниз. От удара по рукам Нико раздался треск, подобно сломанной ветке дерева... В тот же миг кулачки девочки разжались. Скатившиеся монеты рассыпались по полу...

– Почему не положила деньги в корзинку?

Корзинка находилась у дверей, на колченогой табуретке. Каждый входящий освобождал свои карманы в эту корзину и только потом проходил и садился в своем углу. Сегодня Нико нарушила это правило. Ее выдал цыганке Тоту.

– Ответь на мой вопрос, почему не положила деньги в корзину?

Слезы, текущие из глаз Нико, смешавшись с соплями, размазались по всему лицу. Намокшие волосы прилипли к веснушчатым щекам:

– Положила. Оставила немного себе. Куклу хочу. Как у Мики... – Цыганка схватила Нико за волосы...

Камо попытался вырвать сестру из костлявых рук старой ведьмы. Цыганка поколотила их обоих... Потом, подняв их с пола, вернула на свои места в нестройном ряду:

– Зенджи... – У Зибы задрожали губы. Она закричала и начала плакать. Цыганка ударила ее по губам: – Почему плачешь? Ты же еще не знаешь, о чем я буду тебя спрашивать. Где ты шаталась полдня? Отвечай...

– В старом автобусе...

– Где?

– В старом автобусе рядом с гаражами.

– Что ты там делала?

– Носила еду своей собаке. У меня там собака есть. Больная, пятнистая собака. Машина наехала ей на ногу. Я нашла ее на дороге. Устроила ей место в старом автобусе...

– Ты на нее смотри! У нее есть собака. Да ты сама и есть собака... – в бешенстве орала цыганка. – Я содержу тебя, а ты кого содержишь? Вот сейчас переломаю тебе ноги, будешь ползать без ног... Тогда поглядим, кто будет носить еду этой больной пятнистой собаке...

Цыганка так и сделала. Она с такой силой ударила своим посохом по ноге Зенджи, что девочка как упала, так и осталась на месте...

– Тоту, тащи ее и брось в постель...

Происшествия первой ночи пребывания здесь Мелиссы сильно ошеломили ее. Среди сидевших за столом во время ужина Нико и Зенджи не было. Они были наказаны. Этой ночью должны были лечь голодными. На столе было несколько луковиц, по одной вареной картофелине на каждого и три яйца. Весь ужин состоял из этого. Одно из трех яиц съела цыганка, а другое – Тоту. Оставшееся единственное яйцо было поделено на четыре части, и Мика, Камо, Лара и Рыжий каждый взял свою долю. Мелисса была единственной свидетельницей, заметившей, как Камо свою дольку яйца поднес не ко рту, а положил в карман. Мика тоже спрятал кусочек яйца в кулаке, а потом, осторожно водя рукой по столу, опустил сжатый кулак вниз и сунул яйцо в карман брюк. Как же она не догадалась сразу? Ведь Нико и Зенджи были голодны. Кямран, наверное, отдаст свою долю яйца Нико, а Мика – Зибе. Но только после того, как все уснут. Если цыганка увидит, никому не сдобровать. Все сидевшие за столом были заняты едой, стараясь быстрее других перехватить то, что лежало на столе. Кто замешкается, уснет голодным. До самого утра Зенджи не переставая стонала. В полночь, когда цыганка наконец уснула, Мика тихонько подполз к Зенджи...

– Сильно болит?

– Да, как будто ножом режут.

Мика оторвал от простыни полоску ткани и, приставив к обеим сторонам ноги девочки по куску твердого картона, перевязал ее.

– Спи... Сейчас полегчает. Нет, постой. – Мика опустил руку в карман брюк, вытащив оттуда кусочек яйца. Желтка не было. Видимо, раскрошился и размазался по карману. – Вот, возьми, поешь. А вот и хлеб.

Мика вытащил хлеб из другого кармана. Удивительно, что каким-то чудом Тоту не заметил этого. Зенджи тут же проглотила яйцо с хлебом. Потом тихо поцеловала своими запачканными яйцом губами Мику в щеку:

– Спасибо. Было вкусно.

Когда Мика собирался вернуться к себе и лечь в постель, Зенджи остановила его:

– Мика, у меня к тебе одна просьба. Не мог бы ты завтра отправиться к тому заброшенному старому автобусу? Надо отнести еду моей собачке. Она такая больная и слабая, что, если не поест два-три дня, может умереть.

– Спи, обязательно отнесу, – не раздумывая, с готовностью ответил Мика.

Зенджи успокоенно улыбнулась. И уснула... А Мика еще долго не мог заснуть. Он вспомнил, как Зенджи поцеловала его. Провел рукой по щеке. Потом о чем-то надолго задумался. Когда его наконец-то сморил сон, на небе уже не было ни луны, ни звезд. Занималась утренняя заря.

***

Мика сегодня встал раньше обычного. Налив себе воды из поставленной в углу посуды, он выпил, потом, запихнув Мелиссу в карман, вышел.

Они быстро добрались до места, где Мика «зарабатывал деньги». Сняв шапку, он положил ее перед собой на землю и, поджав под себя ноги, уселся у края тротуара рядом с магазином, на витрине которого красовалась разноцветная детская одежда. Он всегда так делал. Никогда не подбегал к прохожим, прося милостыню.

Мелисса тоже, как обычно, заняла свое место на коленях у Мики. Здесь ей нравилось. Целыми днями она пристально разглядывала одежду, представляя себя в ней.

Некоторые из прохожих кидали в шапку Мики монету. Но не все. Немало было и тех, кто, проходя мимо, косился на них. Мелиссе так хотелось вернуть их обратно, спросить их с мольбой в голосе, почему они проходят мимо? Ведь жизнь одной собаки находится в опасности. Мы должны поспеть к ней. Но, к сожалению, она не могла говорить. Иногда она думала про себя: «Эти машины скорой помощи с мигалками спешат на помощь к больным людям... а как же быть больным собакам, кошкам, куклам?.. Почему нет машин скорой помощи для их спасения?»

Когда они добрались до гаражей, солнце уже скрылось за облаками.

Мика с беспокойством оглядывался по сторонам, пытаясь найти старый, заброшенный автобус.

Вокруг было жутко и безлюдно. От кваканья лягушек глохли уши. То и дело из камышовых зарослей вылетала и поднималась в воздух стая птиц, раздавался страшный гвалт. Мелисса еще сильнее прижималась к Мике, страстно желая поскорее убежать из этого ада. Ей даже казалось, что это место пострашнее того подвала, где жили Мика с мамой. Потому что тот подвал размещался под большим зданием. В этом здании жили люди. В людных местах Мелисса чувствовала себя безопасней. А это место, наполненное всякими жуткими звуками, гвалтом лягушек, свистом и гоготом птиц, было безлюдно. Кроме Мики, вокруг не было ни души. Ага... кажется, это и есть тот заброшенный автобус, о котором говорила Зенджи. В тот же миг Мика тоже заметил этот автобус.

– Нашли, Аида, вот он, этот старый автобус.

Изнутри автобуса слышался собачий визг. Мика бросился вперед. Ветер, проникающий внутрь через открытые двери автобуса, пытаясь со свистом вырваться наружу через разбитые стекла окон, создавал дикий гул.

Едва войдя в автобус, Мелисса пришла в ужас от увиденной картины. Это же был Хал. Хааал... Кошмар. Да, это был Хал. Мелисса была уверена. Больной и измождённый Хал, лапа которого была перевязана куском ткани, порванной из подола платья Зенджи с голубыми цветочками. Мика быстро усадил Мелиссу на одно из сидений автобуса и подошел к собаке. Он поднял пса с пола, накрытого грязной тряпкой, и взял его на руки:

– Холодно, да? Тебе холодно?

Мика попытался прижать его к груди и согреть. А Хал, жалобно скуля, всё дергался, стараясь вырваться из его объятий. Он увидел Мелиссу...

Наконец, Халу удалось высвободиться из объятий Мики и оказаться на полу. Волоча за собой сломанную лапу, он подошел к сиденью. Жалобно заскулив, уставился на Мелиссу. Потом, с трудом приподняв переднюю лапу, подхватил Мелиссу и прижал к груди. С волнением потерся носом о ее лицо и волосы.

Хал плакал. Он нашел свою подружку. Ему так хотелось рассказать Мелиссе обо всем случившемся. С того момента, как кинолог-дрессировщик, запихнув Мелиссу в карман, вышел из того сверкающего дворца, до сегодняшнего дня. Обо всех событиях... Рассказать о том, как сильно опечалился, когда, проснувшись утром, не увидел Мелиссу, как целыми днями неподвижно лежал, отказываясь от еды, и, наконец, улучив момент, покинул этот сверкающий дворец... В тот день Хал долго бродил голодным. И в тот же день одна из мчащихся на большой скорости машин наехала ему на лапу... Когда Зенджи нашла и притащила его в этот заброшенный автобус, он был без сознания. Кровь из раны на лапе не прекращалась. Уложив его в этом автобусе, Зенджи побежала в аптеку. Купив йод и бинт, она перевязала ему лапу... С того дня он так и жил в этом автобусе, больной и одинокий...

Надо же было такому случиться. Какие странные случайности происходят в жизни!

***

Мика с интересом наблюдал за встречей Хала и Мелиссы. Слезы Хала падали на голову Мелиссы и, стекая оттуда вниз, оставляли следы на ее тряпичном теле. Мика уже понял, что если разлучить их, то это обернется для Хала большим потрясением. Но как же быть? Как он может уйти, оставив Хала с Мелиссой в этом холодном, заброшенном автобусе? Отвести Хала к цыганке нельзя было. При первом же визге собаки цыганка придушила бы его.

Мелисса следила глазами за Микой. Она тоже хорошо знала, что Мика ни за что не оставит Хала здесь одного, даже если ему придется оставаться голодным на улице, на холоде и в темноте. Но куда тогда увести Хала? Ведь Мика тоже мог разделить участь Зенджи. Мелисса очень хорошо понимала все это. И вдруг от неожиданно осенившей ее идеи все ее лицо осветилось. Ей даже показалось, что выцветшая ковровая бахрома на голове засияла розовым светом...

Мика внимательно посмотрел на нее:

– Стопроцентно уверен, ты что-то задумала, да, Аида? О месте, куда мы пойдем. – Мелисса улыбнулась. Да... Да... По-настоящему улыбнулась. Мика словно прочитал ее мысли. – К старому сапожнику. Правильно догадалась. Другого места нет. Отлично. Ты умная девочка. Но... – Мелисса уставилась на него. – Но ведь я украл тебя у него. Как мне идти к нему? Что мне сказать ему? Но другого выхода нет. Должны пойти. – Мика сунул Мелиссу в карман брюк, взял Хала вместе с настилом из тряпья на руки:

– Пошли, дружок.

Хал был так счастлив. Ему и в голову не приходило, что когда-то придет конец его дням в заброшенном автобусе, полным холода, лягушачьего гвалта, воя и свиста ветра, голода и страха.

***

Когда они добрались до будки сапожника, уже смеркалось. Надо было спешить. Если поздно вернутся домой, цыганка побьет Мику. Добравшись до будки, Мика остановился. Сделал глубокий вдох. Отдышался. Чуть замедлил шаг. Но времени на раздумья не оставалось. Мелисса тоже была уверена, что старый сапожник мог плохо их встретить, рассердиться, поругать Мику за то, что тот украл Мелиссу, но никогда бы не стал гнать его с больным и раненым Халом на руках. У старого сапожника было мягкое и доброе сердце. В этом Мелисса была твердо уверена...

Когда Мика входил, старый сапожник вбивал в подошву обуви последний гвоздь, собираясь уйти домой.

Как раз в этот момент он изливал на гвоздь всю желчь своего языка:

– Ах, проклятье тебе. Чтоб тебе... Тьфу... Ну почему ты искривился, а?! Никак не можешь без этого. Сейчас я так дам по твоей шапке, что уже никогда не выпрямишь свою кривую шею. На тебе... Таппп...

Мика вошел вместе с ударом молотка:

– Аааа… Что такого? Не можешь потише хлопать? Сперва надо постучаться, попросить разрешения...

Мика пришел в себя. Он был чуть смущен:

– Простите.

– Ладно уж. Что тебе надо? Дай сюда обувь, посмотрю. Но поздно уже, оставим на завтра. Мне пора домой...

Вместо обуви Мика, вынув из кармана Мелиссу, положил ее на стол старого сапожника. При виде куклы сапожник вздрогнул. Как бы он ни старался быть серьезным, но ему не удалось скрыть своей радости:

– Чичек... Ах, ты. Куда же ты пропала? Как же ты могла оставить старого дедушку и уйти?

Потом он внимательно посмотрел на Мику. Словно до него только сейчас дошло, что Чичек не может сама ходить. Ее утащил вот этот маленький негодник. Он неожиданно вскочил с места. Лицо посерьезнело. Мика из осторожности отступил на несколько шагов назад:

– Это ты украл? И замок будки ты взломал. Ах, ты... Вот и попался в мои руки. Иди сюда. Сейчас я выдеру тебе уши. – Но рука старого сапожника, потянувшаяся в сторону Мики, повисла в воздухе. Его взгляд остановился на раненом Хале в руках мальчика. – Что с ним случилось? Ну-ка дай сюда. Ох, бедняга...

И потом все выяснилось. Мика рассказал старому сапожнику, почему утащил Мелиссу, куда он ее понес, где и в каких условиях нашел Хала. Но мальчик ни словом не обмолвился о цыганке. Он хорошо знал, из-за Мики цыганка обязательно найдет старого сапожника и отомстит ему. В конце он попросил старого сапожника:

– Дедушка, прошу тебя, возьми пса на несколько дней к себе. Сейчас я не смогу забрать его с собой...

Но старый сапожник уже принял решение. Он не только оставит у себя Хала, но и отведет к ветеринару и излечит его...

Когда Мика передавал Хала сапожнику, пес спал. Мика не мог больше задерживаться. Если он опоздает хотя бы на 10–15 минут, то цыганка и Тоту поколотят его как следует. Старый сапожник взял Хала на руки. От волнения у него дрожал голос:

– Иди, сынок... Иди. Хочешь, забирай себе и Чичек. – На глаза старика навернулись слезы. – Ведь теперь она твоя единственная опора. За пса не беспокойся. Я сейчас же отведу его к ветеринару.

Если бы старый сапожник не увидел Хала в таком состоянии, он обязательно спросил бы у Мики, где он живет, как и чем питается. Мика забрал Мелиссу с собой. Бросив на Хала последний, прощальный взгляд, он вышел из будки.

***

Мика так быстро бежал, что голова Мелиссы качалась из стороны в сторону. Ей так и хотелось выкрикнуть изнутри кармана:

– Боже мой... Ааа... Чуть шея не сломалась. Нельзя ли потише... – Но не выкрикнула. Она хорошо знала, что если Мика опоздает, то цыганка свернет шею ему самому... Вот почему Мелисса терпела. А Мика все бежал и бежал без передышки. Вот он уже добрался до бесконечных камышовых зарослей и царства мусорных свалок. Послышался хриплый крик. Мика быстро бросился внутрь.

Цыганка вновь избивала Зенджи. Но на этот раз ей пришлось нагнуться, так как Зенджи не могла стоять на ногах. Цыганка, еще более согнув свою горбатую спину, пинала ее ногами и кричала:

– На нее смотри, еще перечит мне. Плевать мне, что у тебя нога болит. Кто тебя просил припрятать часть собранных денег? Вот и получай по заслугам. Не можешь ходить попрошайничать, так ползком пойдешь и пороешься в мусорных свалках. Далеко не надо, кругом и так полно мусора. Что-нибудь да найдется. Все равно пригодится...

Под словом «найдется» она имела в виду пластмассовые бутылки, стеклянные банки. Зенджи не могла сдвинуться с места и жалобно стонала. Стоило Мелиссе мельком взглянуть на ее ногу, как ей вспомнилась лапа Хала. Хала спас от смерти Мика, а кто спасет Зенджи? Нога у девочки распухла, как бревно, и раскраснелась. Зенджи лежала на полу, стуча зубами, худенькое тело сотрясалось от озноба, дрожа, как осиновый лист. Стараясь увернуться от пинков цыганки, она поползла в сторону угла, чтобы найти там покой. Но цыганка, никак не успокаиваясь, все продолжала наносить удары.

Кто-то с силой распахнул двери настежь, чуть не сорвав их с петель. Каждая створка с грохотом распахнулась в одну сторону. Потом в комнату пулей влетел Тоту.

– Бабушка, скорей собирайся, надо бежать отсюда... Полиция увела Лару и Камо... Наверное, вот-вот они нагрянут сюда и разнесут все...

Цыганка, охваченная страхом, сильно переполошилась. Забыв о Зенджи, она заметалась по комнате, лихорадочно думая, что и как забрать. Она быстро подскочила к стоявшему на видном месте в комнате изодранному креслу. Быстро перевернув кресло, вытащила из него мешочек, завернутый тряпьем. Она с такой силой его дернула, что мешочек развязался. Пересчитанные и перевязанные отдельными пачками деньги вывалились и рассыпались по полу. Цыганка, как сумасшедшая бегая по комнате, стала судорожно собирать их и запихивать в мешок и, не оглядываясь, выбежала вон из комнаты. Тоту тоже выскочил следом за ней...

Мелисса была безмолвна. От волнения у нее пересохло в горле. Мика старался оттащить дрожавшую в ознобе Зенджи и уложить ее на матрасе, который он постелил на полу.

– Потерпи чуть-чуть. Сейчас я укрою тебя, а потом напою горячим чаем. И озноб пройдет...

– Не трогай меня, Мика... Нога сильно болит. Мика... Оххх...

Мика укрыл Зенджи всем, что нашлось в доме. Но та продолжала дрожать. Она отказалась от чая, который принес ей Мика, отталкивая его руку в сторону.

– Нет, не хочу, Мика, меня тошнит.

– Выпей... И озноб пройдет...

Состояние Зенджи все ухудшалось. Мелисса, неподвижно сидя на своем месте, не могла оторвать глаз от Зенджи. Ей казалось, что в груди у нее что-то сжимается, болит и гнетет. Каждый раз, когда она не могла помочь кому-то, она чувствовала боль в груди. Иногда она думала, что и люди тоже в моменты печали, тоски, приложив руку к груди и помолчав немного, говорят: «Тоска на сердце». Возможно, что та самая тоска, которая гнетет ее душу, и есть сердце. Ведь порой ей казалось, что где-то очень далеко-далеко отсюда, в одной мастерской, полной всяких кукол, кусков ткани, разноцветных ниток и булавок, старая кукольщица, смастерившая ее, улучив момент, смогла вместить в ее набитое ватой тело живое, трепещущее, крохотное, как у воробышка, сердечко... Все это, то есть раздумья Мелиссы о сердце, я уже рассказывала. И вот теперь, когда при виде страданий Зенджи у нее что-то сжалось в груди, этой розововолосой кукле вновь показалось, что если бы она спокойно взирала на все это, ни о чем не переживая, она была бы настоящей куклой. Но если она переживает все эти боли и страдания вместе с Зенджи, значит, она необычная кукла. Полукукла, получеловек с душой, переполненной состраданием, любовью, нежностью. Ну вот... кажется, я опять возвращаюсь к одному и тому же разговору... А Зенджи на глазах у самой Мелиссы и Мики, короткая жизнь которого прошла в невзгодах и страданиях, вся корчилась от боли и сильного жара. Мелисса была уверена, что если Зенджи дрожит, значит, у нее высокая температура. Это она неоднократно слышала от матери Зохры еще в те счастливые дни, когда жила у них: «Тебя знобит? Постой, я измерю температуру. Если бы не было температуры, тебя бы не знобило».

Мелиссу одолевали и другие раздумья... Как раз в эту минуту, глядя на страдания Зенджи, она подумала о том, почему некоторые люди бросают своих детей? Вот как мать Зенджи. Даже та старая женщина-кукольщица заботливо гладила своих кукол по голове, укладывая их по начищенным каждый день до блеска полкам. По утрам она неизменно приветствовала их со словами: «Здравствуйте, мои ненаглядные» или: «Ну, что, проснулись, мои самые красивые куклы на свете?» А по вечерам она, обращаясь к ним, говорила: «Я пошла спать. Пусть ваши сны будут красочны и полны радости, мои дорогие». Потом она тихонько тушила свет и уходила, оставив дверь чуть приоткрытой. А знаете, почему оставляла приоткрытой? Да чтобы ее с любовью пошитые игрушки не боялись по ночам. Вот так... Но как же люди могут выбрасывать на улицы своих живых детей? Таких раздумий у Мелиссы было много. Слишком много.

***

Мика находился в еще более худшем положении, чем Мелисса. Что он мог поделать? Как мог помочь Зенджи? Поблизости не было населенного пункта. А Зенджи обязательно надо было отвести к врачу. От сильного жара она уже начала бредить, произнося бессвязные слова. Зенджи сама не могла ходить. У нее распухла и раскраснелась нога. Хорошо, но если Лару и Камо забрала полиция, так где же тогда Нико и Рыжий? Если бы хоть кто-нибудь явился, то, взяв Зенджи с обеих сторон под руки, они отвели бы ее к врачу.

В дверь осторожно постучали. Совсем тихонько. Словно скреблась кошка. Мика бросился к двери. Кто бы там ни был, хоть даже полицейские, Мика был на все согласен. Главное, чтобы смогли вовремя доставить Зенджи к врачу. Это были обитатели дома, все, кроме Тоту и цыганки: Нико, Камо, Лара и Рыжий... Как только дверь распахнулась, Лара шепотом спросила:

– Кто дома?

Мика удивленно посмотрел на них:

– Разве вас не увела полиция? То есть, не всех, а только Лару и Камо...

– Кто это сказал?

– Тоту...

– А что сказала цыганка?

– Ничего, забрала все и сбежала... И Тоту за ней следом.

Услышав об отсутствии дома цыганки и Тоту, ребята начали звонко смеяться:

– Тоту соврал. Наверное, что-то задумал. Знаешь, куда мы ходили? – Мике не пришлось долго думать, чтобы ответить на загадочный вопрос Нико. Потому что Лара, приподнявшись на своих коротких ногах, кое-как наклонилась к уху Мики и сообщила:

– На карусели... Знаешь, как быстро они крутятся? Мчатся, как ветер... – Весь дом был наполнен веселым смехом. Даже Мика и Мелисса, забыв на время о лежавшей в углу и стонущей Зенджи, окунулись в их, полный приключений, мир. Первым опомнился Мика:

– Ребята, вы о своей прогулке расскажете потом. Зенджи плохо. Она не в себе. Бредит. Ее надо доставить к врачу...

Все разом замолчали. Осторожно ступая своими босыми и грязными ногами по полу, они подошли к Зенджи:

– Почему ступаете так осторожно? Я же сказал, она не в себе. Ничего не понимает.

Зенджи бредила. Она все повторяла: «Меня в том старом автобусе ждет больной пес». Если бы Зенджи знала, в каком она состоянии. У нее горели щеки. Нико, наклонившись, приложила руку ко лбу девочки:

– Надо спешить. Лоб горит.

Вопрос о том, чтобы отвести Зенджи к врачу, держа ее под руки, уже не стоило обсуждать. Девочка не могла поднять голову с подушки. Ни одно из предложений по доставке Зенджи к врачу не годилось. Неожиданное предложение Мики было принято всеми. Ребята начали спешно действовать. Рыжий быстро отправился к мусорным свалкам. Вскоре он притащил оттуда две доски. Расставив их рядом, они привязали их друг к другу простыней. Поверх ветхой простыни постлали одеяло. Приподняв Зибу с пола, вместе с матрасом уложили на носилки. И, ухватившись каждый за один конец носилки, подняли и понесли ее.

***

В суматохе Мелисса была забыта. Она осталась одна. Но никого, вернее, Мику, в этом не винила. Ей было страшно, но главное, чтобы доставили Зенджи к врачу. Кваканье лягушек, гул и завывание ветра, нескончаемый лай собак были слышны в комнате еще более отчетливо, чем обычно. Мелисса сидела, вся съежившись. Осмелевшие ее безмолвием мыши беспорядочно бегали по полу. Внутри перевернутого цыганкой старого кресла был настоящий праздник. Мелисса никак не могла понять, что там искали мыши. Ведь ей никогда в жизни не приходилось быть мышью. Она не знала, что больше всего на свете мышам нравится грызть. Это их любимое занятие. А в этом кресле было столько мест для этого. И мыши с удовольствием грызли... В это время изнутри кресла послышался звон. Потом что-то начало сыпаться на пол. Полутемная комната как будто осветилась. Мелисса смотрела, широко раскрыв глаза. Она была взволнована. Из кресла сыпались золотые монеты. Желтые, блестящие, сверкающие... Мыши тоже, казалось, были ошеломлены. Словно не надеясь найти в этой полутемной лачуге такие блестящие золотые монеты, они шумно и бойко веселились, подпрыгивая под этим золотым водопадом. Мелисса сразу все поняла. Золотые монеты принадлежали цыганке. Убегая, впопыхах она забыла забрать их...

Уже было далеко за полночь. Даже шум мышей прекратился. Лягушки тоже перестали квакать. Мелисса спокойно сидела. Скрип двери взволновал ее. Потом послышался шепот входящих ребят... Они толкались.

– Отойди. Ты наступил мне на ногу...

– Не бей, убери руку...

Камо и Рыжий толкались прямо в дверях. Мика старался их успокоить:

– Что с вами? Пройдите хотя бы внутрь, а потом деритесь.

– Не видишь его?

– А ты сам?..

Мика включил свет:

– У нас совершенно нет времени на драку. Столько всего надо обсудить.

Как раз в эту минуту он увидел Мелиссу. Он подошел и взял ее. Внимательно посмотрел ей в глаза. Потом погладил ее руки:

– Обиделась, да?.. Наверное, обиделась. Прости... Я так переживал за Зенджи, Аида, что даже забыл взять тебя с собой. А ты знаешь, что случилось? Зенджи отрезали ногу. Ту ногу, которую сломала цыганка. Она у нее сгнила. Если бы не отрезали, Зенджи могла умереть. Почему так смотришь? Не веришь? Сам видел собственными глазами. Мы оставили ее у ворот больницы и спрятались. Что еще могли делать? Нас бы всех забрали и увезли как беспризорных. Не прошло и пяти минут, как поднялась такая шумиха. Зенджи прямо на носилках унесли внутрь. Потом я, крадучись, пробрался под окна кабинета врача и подслушал весь их разговор. Первое же решение было: отрезать. Если не резать, то в скором времени выйдут из строя все органы. Ее унесли в операционную... Вот такие дела, Мелисса... Зенджи тоже ожидает участь Хала.

Мика плакал. И Мелисса тоже. Драчуны притихли. Вся комната огласилась громкими рыданиями Лары и Нико.

Вдруг неожиданно закричал Камо:

– Эй, помолчите, посмотрите-ка туда.

Все обернулись в ту сторону, куда указывал Камо, то есть в сторону перевернутого кресла. Они не поверили своим глазам. Подошли поближе. Каждый старался, толкая другого, пройти вперед. Перед ними предстала завораживающая картина.

– Смотри, смотри, золото...

– Откуда они появились?

– Чьи они?

– Чьи же еще, как не цыганки?

– Получается, деньги забрала, а про золото забыла. Сколько же у нее золота?! Откуда она его взяла?

– Как откуда? Это все собранные нами деньги... Мы же каждый вечер сдавали ей собранные деньги...

– Этим золотом мы можем стать очень счастливыми... Это все накоплено нашим трудом. Честно заработанное нами золото...

После этих слов Камо все замолчали... Потом каждый заговорил о своей мечте:

– Купим квартиру в больших домах.

Глаза Лары засветились:

– Да, да, в домах с лифтом...

– Конечно. В домах, где живут богачи.

Нико тоже поделился своей мечтой:

– И машину купим. Черного цвета. Большую машину. Кто будет водить машину?

– Конечно, я, – выступил вперед Рыжий. – Кто еще, кроме меня, может водить машину?

– Знай свое место! – разозлился Камо. – А мы что? Не калеки же! Будем водить по очереди.

– Вначале купим для Зенджи ногу, – слова Нико застали всех врасплох...

– Как, то есть, ногу для Зенджи?

– Ну так... Купим ей новую ногу – ногу-робота... Что, нельзя разве? Я слышала... Есть такие ноги. Они могут передвигаться. Ходят, бегают, даже в футбол играют. Как человеческая нога. Такую ногу не все могут купить. Только богатые. Теперь и мы богатые. У нас столько золота. Почему Зенджи должна остаться без ноги?!

По лицам ребят было видно, что все согласны с Нико. Это были дети, которые умели пожертвовать всеми своими мечтами ради одной ноги для Зенджи.

***

Вдруг с шумом и треском распахнулась дверь. Это был Тоту. Он нервничал и был взволнован, словно кто-то гнался за ним. Как только раздался голос Тоту, Лара тут же вскочила и уселась на груду золотых монет, прикрыв их по краям подолом платья. Тоту влетел прямо в комнату:

– Эй, ничтожества, что за собрание здесь устроили? Ну что? Что смотрите с таким ужасом? Может, призрак какой-то увидели? Ну-ка расступись? Освободите это кресло.

Ребята не сдвинулись с места. Тоту, взяв своими черными от грязи руками каждого за шею, отбросил в сторону. Лара изо всех сил ухватилась за кресло:

– Я не встану. Сижу себе. Что тебе надо?

Тоту, словно пораженный смелостью Лары, окинул ее внимательным взглядом:

– Слушай, ты, лилипутка, кому ты перечишь? Вот возьму сейчас и оторву твою большую башку, тогда будешь знать. – Тоту одним рывком отшвырнул Лару в сторону, надавав ей пинков. Увидев золото, он, не сдержав волнения, дрожащим голосом прошептал: – Ах, вот в чем дело, лилипутка... Теперь понятно, почему так упорно не хотела встать. Да, губа не дура! Я бы тоже не встал.

Мика сзади бросился на Тоту:

– Почему бьешь Лару?! А?..

Камо и Рыжий тоже осмелели. Набросившись на Тоту со всех сторон, они стали дубасить его руками и ногами...Но сильные и здоровые руки Тоту раскидали их, как букашек, в разные стороны. Не успокоившись на этом, он сорвал висевшую посередине комнаты веревку для сушки белья. Усадив всех ребят на полу, он скрутил им руки и связал веревкой.

– Вот так... Теперь будете сидеть спокойно. Маленькие мышки. Вы только и можете грызть мою обувь. Больше ни на что не годитесь...

Обезоружив ребят, Тоту опустился на колени. Взяв пригоршнями золотые монеты, он воскликнул:

– Ай да, цыганка... Какие сокровища накопила. Ай да молодец, старая ведьма. Всегда буду благодарен тебе. – Потом, обернувшись, посмотрел на сгрудившихся в углу ребят. – Вам тоже спасибо. Хорошо попрошайничали, как следует. – Тоту начал пихать золото в карманы. До последней монеты. Вскочив, устремился к дверям. Потом, что-то подумав, вновь вернулся. Вытащил из кармана горсть золота. Отобрав пять штук, остальные вновь опустил в карман. Оставшиеся в руке пять золотых монет он бросил в сторону сидевших в углу детей.

– Берите... Я не жадный. Каждому по золотой монете. Ешьте, кутите, веселитесь. Да, еще вот что. Живите своей жизнью. Цыганки больше нет... И не будет...

Тоту направился к дверям. Потом, вернувшись, подошел к месту, где сидела Мелисса. Склонив перед ней голову словно в поклоне, он произнес:

– Здравствуйте, барышня. Простите меня, поздно заметил вас. Думаю, в этом золоте есть и ваша заслуга. Ну и что, что молчите. Но вы тоже уходили утром вместе с Микой и возвращались вечером. Я совестливый вор.

При этих словах он опустил руку в карман и вытащил оттуда одну золотую монету.

– Бери, это тебе, – сказал он. Потом, что-то подумав, он вытащил из кармана еще одну монету. – Знаешь что, я дам тебе две золотые монеты. Потому что ты не человек. Богатство не испортит тебя. И кармана нет. Куда же мне их положить? – взяв Мелиссу в руки, он начал осматривать ее. В том месте, где голова была пришита к телу, он нашел маленькую прореху. Просунув золотые монеты через эту прореху внутрь Мелиссы, он повернулся, собираясь уходить. Но вдруг остановился. Взяв Мелиссу в руки, он заглянул ей в глаза: – Не желаете ли пойти со мной, барышня? – Он громко рассмеялся. – Более богатого жениха, чем я, тебе не найти. Пошли... – Потом, глядя на сгрудившихся в углу ребят со связанными руками, он сказал: – Вы тоже не бойтесь. Не умрете с голоду, брошенные здесь со связанными руками. Я не затягивал узел. Чуть подергаетесь, и руки развяжутся.

Он взял Мелиссу и сунул в карман. Комната огласилась криком Мики:

– Не уноси, Тоту. Не уноси Аиду. Умоляю тебя...

Тоту не обратил внимания на Мику. Мика плакал и кричал, дёргаясь на месте. В это время дверь хлопнула.

***

Тоту бежал по приморскому бульвару. По аллеям прогуливались люди. Тоту то и дело с кем-то сталкивался, то, стараясь обойти прохожих стороной, спотыкался, но не сбавлял скорости. Золотые монеты в кармане его пиджака подскакивали и звенели, ударяя по лицу Мелиссы. Мелисса была печальна. Несмотря на то, что она лежала в кармане на целой куче золота, печаль теснила ее грудь. Почему Тоту забрал ее, где теперь она найдет Мику, почему Тоту сказал, что цыганки уже нет, живите своей жизнью? У нее было много вопросов. Но кому их задать? Она совсем не любила Тоту и никогда бы не поверила, что кто-то когда-то может полюбить его. Вообще Мелисса всегда делила людей на три группы: люди, которых любят, которых когда-то полюбят и которых никогда не полюбят. Не знаю, смогла ли я в точности донести до вас мысли Мелиссы или нет... то есть для Мелиссы Тоту был из тех, кого никогда не полюбят. Мелисса даже страстно желала, чтобы Тоту никогда не вынимал ее из кармана. Она согласна была вот так лежать на этих желтых кругляшках – металлических монетах без свежего воздуха, не любуясь ни цветами, ни птичками, лишь бы не видеть лица Тоту. Но все случилось не так, как она хотела. Тоту вытащил ее из кармана. Когда, утомившись и обессилев от бега, задыхаясь, он остановился передохнуть и перевести дух, то тут же сунул руку в карман и вытащил Мелиссу. Поднеся ее к своему лицу, он вытер ею стекающие с лица и из носа пот и сопли... От ужаса у Мелиссы вытаращились глаза. Но Тоту, не обращая никакого внимания на ее состояние, вновь поднес ее к носу. На этот раз, сильно сдавливая ее спинку двумя пальцами, он изо всех сил высморкался и сказал:

– Тьфу... От тебя пахнет пылью. Не годишься для сморканий, – потом он стал мять ее пальцами. – Хотя очень мягкая. Совсем мягкая. Можно использовать для других целей. Например, вместо подстилки.

С этими словами он положил Мелиссу на скамейку под деревьями и уселся... Да, да, мой друг, ты правильно понял. Уселся на Мелиссу. Мелисса погрузилась во мрак. Вонь и духота стеснили ей грудь. Тоту вытащил из кармана пачку сигарет, зажег последнюю оставшуюся в ней сигарету и начал пускать дым в воздух, разговаривая сам с собой:

– Если это и есть счастье, то получается, сейчас я счастлив. У меня столько денег и золота... А цыганка, ясное дело... Ее больше нет... Собирала, собирала и ушла, оставив все мне... Правда, ушла-то она не по собственному желанию. Я ей

помог в этом... Ха-ха-ха... Думала, я ее очень люблю. Дуреха. А я выжидал, когда она много денег и золота накопит. И вот в один прекрасный день придумал одну уловку, вот и попалась в ловушку. А потом один удар по голове... и конец. Убралась ко всем чертям. Прямо в ад. И деньги достались мне... Теперь я стал миллионером... Миллионер...

Тоту поднялся. Бросил еще дымящийся окурок на асфальт и пошел своей дорогой. Он даже и не вспомнил о существовании Мелиссы. Зато раскрыл одну страшную тайну. Он сообщил о том, что цыганки уже нет в живых... Вот такие дела... Оказывается, Тоту – убийца... Мелисса еще долго не могла поднять голову с камня, на котором лежала. Чем больше думала, тем страшнее ей становилось. Вот уже сколько времени она жила в одном доме вместе с убийцей...

***

Мелисса провела всю ночь на скамейке. После Тоту сюда садился только один человек. Мужчина с широкополой шляпой на голове. Вначале он не обратил на нее внимания. Широко разведя руки, уперся ими в края скамейки. Втянул морской воздух в легкие. Задремал. Потом, взяв в руки висевший на шее фотоаппарат, сделал несколько снимков. Вдруг неожиданно он заметил Мелиссу. С интересом стал разглядывать ее:

– Кажется, тебя здесь забыли?! Ну, что ж. Подыши полной грудью воздухом. Но только имей в виду, что люди ненадежны. На них полагаться нельзя. Может, и вовсе не придут за тобой. По лицу видно, что жизнь не очень баловала тебя. Что поделаешь, каждый живет, как может. Вот видишь этот фотоаппарат? Знаешь, сколько человеческих изображений в его памяти: старых-молодых, женщин-мужчин, толстых-худых, высоких-низкорослых, умных-глупых, больных-здоровых, счастливых-несчастливых... Каждый из них – целый мир. У каждого своя правда, своя ложь.. Постой, сейчас я сфотографирую и тебя. Не стану врать, таких, как ты, не было... Совсем не было...

Мужчина направил объектив фотоаппарата в ее сторону. Сделал несколько снимков. Потом посмотрел на снятые изображения. Пробормотал про себя: «Хмм... отлично. Такого снимка у меня точно не было. На фотовыставке так и напишу – «Забытая кукла». Потом встал, собираясь уходить. Уходя, поднял и усадил Мелиссу:

– Вот и все добро, которое я мог для тебя сделать, милая. Прощай... – бросил он напоследок.

Шум от мчавшихся на большой скорости машин постепенно начал утихать. На небе появилась луна. Звезды рассеялись по небосклону. Корабли следом друг за другом начали причаливать к пристани. Мелисса с интересом смотрела на корабли. Два белых корабля стояли бок о бок. У одного из них на борту были изображены черно-белые клавиши, как на пианино. «Интересно, почему корабль украсили такими клавишами пианино?» – подумала Мелисса. Но ответа не нашла. В этой жизни было столько вопросов, на которые она не находила ответа. На этих белых кораблях люди не спали. Они работали, двигались, о чем-то говорили. Мелисса опечалилась. Ей так хотелось на одном из этих белых кораблей, бороздящих океаны, уплыть далеко-далеко отсюда, вновь оказаться в той самой мастерской, полной всяких кукол, кусков ткани, разноцветных ниток и булавок, рядом с той старой кукольщицей, которая, тихо напевая песенку, создала ее. Вновь почувствовать на своем лице, шее, голове нежное прикосновение ее рук, целыми днями беззаботно спать, жить рядом с ней, подальше от всех опасностей и тревог, радоваться жизни. Мелисса плакала... Да, да, правильно слышишь. Она плакала. Эта одинокая кукла, беззвучно плачущая на берегу тихого, синего моря, все думала и думала о том, какие сюрпризы готовит ей наступающее утро...

***

– Ты на нее смотри, ах, ты душенька, Малышка. Кто тебя здесь оставил? А? Ой, да ты вся пропиталась морской сыростью... Холодная, как лед.

Мелисса проснулась на шум. Это была добрая женщина средних лет. Поставив метлу и совок у скамейки, она присела рядом с Мелиссой. Стала нежно гладить ее:

– Чья же ты, кукла, а? Кто тебя здесь оставил? Что мне теперь делать, не могу я оставить тебя здесь одну. И забрать не могу. Вдруг хозяин вернется за тобой. Не найдет на этом месте и расстроится... Да, Малышка?!

Женщина встала. Хотела уйти. Потом вернулась.

– Посиди пока здесь. Согреешься немного на солнце. Высохнешь, – заглядывая в глаза Мелиссе, сказала она. – С вечера вся пропиталась сыростью. Я займусь своими делами. Вернусь, когда буду уходить домой. Если твой хозяин не заберет тебя, я возьму к себе домой в деревню. Останешься у нас. Ладно?

Забрав метлу и совок, женщина удалилась. До самого вечера Мелисса с нетерпением ждала её возвращения...

... Женщина, как и обещала, вернулась перед уходом домой. Увидев ее, Мелисса очень обрадовалась. Может быть, она никогда так не радовалась. Кажется, женщина тоже была рада тому, что хозяин Мелиссы так и не появился. Она взяла Мелиссу, привела ее в порядок, потом уложила в целлофановый кулек.

– Что делать, – прошептала она чуть слышно. – Как мне оставить тебя здесь одну? Что с того, что кукла, все равно одиночество – плохая вещь. Я тебя заберу в такую семью, что сама поразишься. В семью, где полно детворы, где есть бабушка и дедушка... Будешь жить хоть и в бедной семье, но в окружении добрых, отзывчивых людей. Не беспокойся, свой хлеб мы зарабатываем честным трудом.

Мелисса успокоилась. Это спокойствие говорило ей об избавлении от пережитых ею за все эти месяцы жизненных невзгод...

– Меня зовут Семен, – добавила женщина. – Будешь звать меня Семен хала. Мое имя, может быть, единственное в этих краях. Знаешь, что означает «семен»? Это название цветка, похожего на тюльпан. Но мельче тюльпана и светло-оранжевого цвета. Может, многие и не знают названия этого цветка. Это имя мне дал мой покойный дед. И я полюбила свое имя. Только раз в жизни мне довелось увидеть этот цветок. Его мне показал дедушка. Мы ездили в селение Хыналыг. Он рос на отвесных скалах вдоль дороги, ведущей в горы. На каменистой скале. Он мелко дрожал. Я так и запомнила его. Дрожащий нежный цветок. Судьба моя тоже оказалась похожей на это имя. Жила словно среди каменистых скал, пробираясь через трудности и невзгоды жизни. Работала денно и нощно, не разгибая спины. Хваталась за любую работу. Мне не суждено было жить во дворцах, устланных шелковыми коврами. Но я никогда не унывала. Была довольна жизнью. Дарила свою любовь окружающим. Вот, имею чудесных детей, скромное, теплое гнездо – свой дом. Что еще нужно человеку в этом мире. Разве не так?

Мелисса спокойно слушала Семен халу. Ей вспомнилась злая и самодовольная хозяйка Хала. Ну и что с того, что она кукла. Может быть, никто бы так, как Мелисса, не понял бы той разницы между этими двумя женщинами...

Мелисса, лежа ничком в целлофановом кульке, глубоко вздохнула, с нетерпением ожидая встречи с семьей, куда она направлялась...

***

Они ехали довольно долго. Ровные асфальтовые улицы города сменились кривыми переулками, узкими улочками. Дома стали более приземистые и неказистые, на улице все реже появлялись мчавшиеся на большой скорости автомобили. Не видно

было магазинов с украшенными разнообразными рекламами витринами.

На одной из очередных остановок Семен хала сошла с автобуса. Миновали несколько ворот. Наконец, остановились перед железными воротами, выкрашенными в голубой цвет. Ворота были открыты. Вошли во двор. Это был небольшой, утопающий в зелени, чистенький и пестрый дворик. Алычовое и персиковое деревья уже зацвели. Дворик был наполнен благоуханием розовых, белых, светло-розовых цветков. Первое, что попалось на глаза Мелиссе, была собачья конура в углу дворика. Хозяйкой конуры была сердитая собака темно-коричневой масти и с блестящими глазами. При виде Семен халы она раз-другой тявкнула, запрыгала... Но Мелисса сразу поняла, что это было просто-напросто «приветствие». Семен хала громко засмеялась:

– Ну что, проголодалась? Азиза не дала тебе поесть?

Услышав родной голос, собака завизжала от радости. Звеня цепью, запрыгала. Потерлась головой о ноги Семен халы...

На голос из дома следом друг за другом выбежали трое детей:

– Мама пришла... – весь дворик огласился их голосами.

Женщина расцеловала каждого по очереди, приласкала, нежно погладила их. Заданный ею вопрос удивил Мелиссу:

– Кто кого обижал?

– Никто никого не обижал, – размахивая своими косичками, начала отчитываться Азиза. – После обеда Фарид и Ада легли спать. Только что проснулись.

Фариду было примерно семь лет. Он старался вести себя серьезно. Ему не понравилось, что его имя назвали вместе с младшей сестрой. Выходит, что только Азиза здесь взрослая. А Фарид? Он тут же выразил свой протест:

– Ада спала, а я нет. Играл под одеялом.

Ада была пухленькой, как мячик, девочкой. Ее полное имя было Ирада. Когда она только-только начала говорить, то на вопрос: «Кто бабушкина принцесса?» отвечала «Ада». И с того времени все в доме стали звать ее Адой. Собранные с обеих сторон на ее голове хвостики были похожи на антенну. Видно было, что она только что проснулась. То и дело терла глаза.

– Ада спит. Она знает, что если будет спать, то быстрее вырастет и будет умной девочкой.

Ада широко раскрыла свои сонные глазки. Она прижалась к ногам матери.

– Мамочка, ты мне что купила? – тихо спросила она.

Женщина вспомнила о Мелиссе лишь после вопроса Ады:

– Аййй... Надо же, совсем забыла. Ведь у нас гостья.

Она вытащила Мелиссу из целлофанового кулька. Дети обступили Мелиссу со всех сторон:

– Какая красивая... И волосы розовые.

– Я такую не видела...

– Я тоже...

Говорили Фарид и Азиза. Ада, не произнеся ни слова, внимательно взирала на Мелиссу. Потом, собравшись с мыслями, она произнесла:

– Мамочка... Разве у девочек бывают розовые волосы?

Семен хала засмеялась:

– Нет, у девочек не бывают, а у кукол такие волосы бывают.

Ада захотела взять Мелиссу на руки. Мелисса чуть не закричала: «Не прикасайся, я грязная». Ведь Тоту вытер ею свое потное и сопливое лицо.

Как хорошо, что Семен хала догадалась. Чтобы не огорчать Мелиссу, она тихо сказала:

– Ада, наша гостья с дороги, она устала. Пусть отдохнет, умоется, а потом поиграете.

Ада согласилась. Но она не могла оторвать глаз от Мелиссы.

Семен хала хорошо понимала, что у Ады не хватит терпения долго ждать. И поэтому первым делом она начала приводить в порядок Мелиссу. Она хорошенько искупала ее шампунем прямо во дворе под краном, потом высушила, пригладила ее волосы.

– Ну вот, Малышка теперь чистенькая, – сказала она, обращаясь к Аде. – Но ей нужно немножко согреться на солнце. Она промокла. Должна высохнуть.

Мелиссу уложили в сетчатую корзинку и повесили на веревке. Легкий ветерок раскачивал её. Сдуваемые ветром лепестки белых, розовых цветов сыпались на ее голову. Постепенно она становилась все легче, вода, которой было пропитано ее тело, стала испаряться.

***

– Эй, Семен, дочка… Почему этот ребенок сидит, уставившись на веревку? Уже стемнело. Иди забери ее отсюда.

Услышав голос бабушки, Семен вышла на веранду. При виде Ады, которая, сидя во дворе, неотрывно смотрела на веревку, она громко рассмеялась:

– Пустяки, мам. Я нашла для Ады куклу. Вымыла и повесила ее сушиться. Вот она сидит и ждет, когда та высохнет.

Бабушка приблизилась к веревке:

– Глаза плохо видят. А я думаю, что это с ребенком. – Она внимательно посмотрела на Мелиссу, раскачивающуюся в сетчатой корзинке. – Ой, боже мой. У нее же красные волосы...

– Не красные, а розовые, – Ада поправила бабушку.

– Какая разница, детка, главное то, что она не из наших.

Бабушка правильно догадалась. Мелисса приехала из далеких краев. Кто знает, может, там у девочек волосы и в самом деле розового цвета?

Все собрались за ужином. Вся семья плюс Мелисса. Это была чудесная картина. Во главе стола восседал дедушка – толстый мужчина с пышными усами. Лицо его было добродушным. Вообще-то в этой семье не было злых и сердитых.

Позже Мелисса, глядя на них, думала: «Как случилось, что в такие тяжелые времена эти люди сумели сохранить в своей душе такую красоту?»

Рядом с дедом сидела бабушка, после нее – отец, рядом с ним – Семен хала, потом Азиза, Фарид, Ада и Мелисса... Вкусный запах еды распространился по всему дому. Дымящийся в тарелках суп возбуждал аппетит.

Молчание за столом прервал дедушка.

– Кхи-кхи-кхи... – засмеялся он хриплым голосом, потом добавил: – Сегодня в нашей семье прибавление. У нас появилась еще одна чудесная девочка.

– Вот она, – Ада подняла Мелиссу над головой. – Девочка с розовыми волосами...

– Добро пожаловать, – с улыбкой произнес и отец. – Думаю, что Аде было скучно и она нуждалась в такой подружке.

– И правда, скучала... – серьезным тонам произнесла Ада. – Фарид никогда не играл со мной. Ни разу.

– Потому что ты маленькая, да еще и девочка. Не умеешь водить машину, играть в футбол...

– Как будто бы ты умеешь водить машину? – рассердилась Ада. – И в футбол тоже не умеешь играть. Ты знаешь, сколько голов забила Азиза в твои ворота?

Если бы в их перепалку вмешалась и Азиза, то разговор затянулся бы надолго. Вот почему бабушке пришлось прервать их спор:

– Дети, а ведь у нас сегодня гостья. Успокойтесь. Ужин остывает...

... Мелисса почувствовала себя за этим, первым в этом доме, ужином несказанно счастливой.

В первую же ночь она позабыла обо всех горестях, пережитых ею в лачуге цыганки. Ада ни на минуту не выпускала ее из рук, пока не легла спать. Во что-то завернула ее, потом распеленала и вновь завернула, взяла гребешок и попыталась причесать ей волосы, но не получилось. Потом принесла несколько книжек. Стала что-то читать, разъяснять ей. Своими маленькими пухленькими ручонками постаралась накормить Мелиссу едой, «сваренной» в игрушечной кастрюльке. Каждое действие этой маленькой девочки доставляло Мелиссе, пережившей множество страшных и опасных моментов в своей жизни, радость и умиротворение. Мелисса была главной героиней ее игр, куклой ее мечты.

Любовь, которую дарили ей добрые обитатели этого дома, напоминала этой розововолосой кукле дни, которые она прожила в доме у Зохры. С тех пор прошло столько лет... Интересно, где сейчас находится Зохра, чем занимается? Когда она, уставив свои большие черные глаза на Мелиссу, взяла ее на руки и унесла к себе домой, ей было столько же лет, что и Аде...

***

Самой чудесной традицией этого дома были ночные сказки. Каждую ночь... Мелисса с нетерпением ждала наступления ночи. Она лежала, обхваченная ручонками Ады, в полутемной тесной комнатке и с упоением слушала волшебные сказки, которые рассказывала бабушка своим тихим и мягким голосом. Во время сказки все слушали, затаив дыхание, не издавая ни звука. Даже Фарид. Фарид так увлекался сказкой, что даже забывал о своих бесконечных спорах ради доказательства чего-то, весь отдавшись загадочно-волшебному миру сказок.

В первую же ночь пребывания Мелиссы в этом доме Ада успела шепнуть ей:

– Ночью бабушка расскажет сказку. Будем вместе слушать.

Ночью все ложились спать, кроме детей, которые ждали бабушку. Открыв дверь, бабушка тихонько входила в комнату и в шутку спрашивала: «Кому сон снится, а кому не спится?» Каждый, добавляя свое имя, отвечал: «Все спят, а Азизе не спится», или же: «Все спят, а Фариду не спится». Ада отвечала дважды. Один раз: «...Малышке не спится», а другой раз: «Аде не спится». Бабушка, радуясь тому, что все ждали ее появления, с удовольствием приступала к новой сказке. Бывало и так, что на самом захватывающем месте сказки бабушка вдруг засыпала, и дети, чуть подождав, начинали со своих мест дружно тормошить и будить ее. Два-три раза в день бабушка месила тесто в большом медном тазу, потом разжигала находившийся во дворе тендир и лепила в нем лепешки. Лепешки получались румяные, блестящие. Аромат от хлеба распространялся по всему двору. Дедушка забирал и увозил лепешки на продажу. Таким путем они зарабатывали себе на хлеб. Эти два трудолюбивых старика ни минуты не сидели без дела. Вот почему бабушка бывала усталой, и порой сказки прерывались на самом интересном месте... Войдя в комнату, бабушка тут же приступила к сказке.

Сказка про Солнце и волшебный платок

Давным-давно на свете был один город. В этом городе дни бывали короткими, а ночи очень длинными. Людям никак не хватало времени на работу, а в темные долгие ночи мучились до утра от бессонницы.

Однажды царь города отдал такой приказ:

«Внимание, внимание! К сведению всех уверенных в себе смельчаков. Народ страдает от коротких дней и длинных ночей. Страна охвачена голодом и нищетой. Вся надежда только на это. Кто-то должен пойти и найти Солнце и поговорить с ним. Он должен убедить его в том, чтобы в этой стране дни стали длиннее, а ночи – короче. Кто это сумеет сделать, я выдам за него свою дочь и передам ему свой престол».

Все молодые люди страны переполошились. Кто-то, подпоясавшись, бросился в бой, кто-то, скача на коне, поднимал его на дыбы, другие, натянув тетива, метили в мишень. Каждый стремился убедить окружающих в своей силе и ловкости. Но дело было не в этом. Сильным будет считаться лишь тот, кто сможет пойти и поговорить с Солнцем...

Спустя несколько дней после указа царя царская дочь – писаная красавица, вся иссохла и пожелтела от слез, подобно опавшим осенним листьям. Ведь у нее был свой возлюбленный, юноша, которого она любила, и если бы кто-то пошел и нашел Солнце и, поговорив с ним, подарил стране длинные дни и короткие ночи, то она должна была бы выйти за того замуж. Она несколько раз, заливаясь слезами, умоляла отца, чтобы тот убрал из предложения «выдам дочь за него и передам ему свой престол» в изданном им указе слово «дочь». Но царь отказывался:

– Зачем же ты, доченька, заставляешь меня изменить свой указ? Ведь ты все равно за кого-то должна выйти замуж. Почему же этим кто-то должен быть не тот, кто подарит стране Солнце, а другой человек? Если я уберу слово «дочь» из своего указа, то лишусь всех своих богатств, моя казна окажется в чужих руках. Лучше ты перестань упорствовать, плакать. Моли Всевышнего, чтобы поскорее наступил день, когда появится тот отважный смельчак, который принесет стране Солнце...

– Нет, отец, нет, я не смогу это сделать...

– В таком случае прости, дочь моя, но я тоже отказываю тебе в твоей просьбе, моя дорогая...

Видавший виды царь не стал спрашивать дочь о причине ее печали, разъедавшей ее душу... Дочь тоже не призналась ему. Все ночи напролет она проливала слезы, горевала. Как же она могла сказать отцу, что безумно влюблена в сына водовоза Мурада. Разве отец простил бы ее? Никогда...

Многие уверенные в себе юноши этой страны, мечтая заполучить царевну и завладеть престолом, отправились на поиски Солнца, став добычей зверей и бесследно исчезнув в далеких краях. Пока что ни один из ушедших не вернулся с хорошей вестью. В один прекрасный день в окно спальни принцессы постучали. Девушка тут же бросилась к окну. Это был Мурад:

– Я ухожу, любимая. Береги себя. Знай, что, пока не найду Солнце, не вернусь назад. Или умру, или добьюсь тебя.

Принцесса залилась горькими слезами. Она хорошо понимала, что оттуда, куда направляется ее возлюбленный, обратной дороги нет. Наконец, собравшись с силами, она промолвила:

– Иди, Мурад. Ради нашей любви. Я верю, что ты доставишь свет в нашу страну...

Мурад попросил подарить ему что-то на память. Девушка отдала ему свой платок со словами:

– Пусть этот платок будет твоим парусом в жару, одеялом в холод, избавителем от беды, опорой в трудную минуту. Пусть проложит тебе дорогу, ведущую к Солнцу, придаст силу твоим рукам...

При этих словах из глаз девушки хлынули слезы, которые, стекая, падали на платок. И неожиданно для них платок стал волшебным...

Приложив платок к сердцу, Мурад двинулся в путь. Он шел и шел по бесконечным дорогам... В тот день, когда Мурад попал под внезапный ливень, он не поверил своим глазам. Произошло чудо.

Платок царевны взмыл в небо и раскрылся над головой Мурада, как зонтик... На Мурада не упала ни одна капля дождя... Потом небо прояснилось. Лучи солнца засверкали, как алмазы... Платок упал на землю. Он расстелился на лужайке перед Мурадом в виде скатерти. В один миг скатерть была уставлена всякими блюдами...

Таким образом платок оберегал Мурада от всех бед. При наступлении холодов превращался в теплый тулуп, в жару раскрывался над его головой в виде зонтика. Как бальзамом покрывал его раны. Одно чудо сменялось другим...

Но одно событие сильно расстроило Мурада. Леса превратились в джунгли, преградив ему дорогу. Мурад денно и нощно трудился. Он рубил деревья, кустарники, прокладывая себе дорогу. Таскал камни, прочищая свой путь. Из-под каждого камня выползала гремучая змея. Но Мурад не отступил. И однажды утром подул слабый ветерок... Шумели и колыхались леса, подобно морю, на полях светились налитые колосья. Неожиданно Мурад почувствовал себя легким, как перышко... Открыв глаза, увидел, что находится в воздухе. Он летел на платке как на волшебном ковре. Они летели в сторону Солнца... Это было необычное путешествие среди белоснежных облаков. На своем пути к Солнцу их бросало то в жар, то в холод. Стремительно пролетая между различными планетами, сталкивались с небесными телами. Они попадали то под снег и град, то на них оседала роса. Когда проходили через семь цветов радуги, перед ними возник поток белого света. Следуя за этим световым потоком, платок начал реять в небе. Постепенно поток света увеличивался. Потом вместе со светом усилилась и жара. Стало невыносимо жарко. Мурад почувствовал, что от сильного яркого света у него темнеет в глазах, начинает терять сознание. Как раз в этот момент платок начал развеваться еще сильнее... По телу Мурада пробежала прохлада. Потом края платка начали сворачиваться. Обхватив Мурада со всех сторон, он начал охлаждаться, потом затвердел и превратился в лед. Находясь внутри этого ледяного платка, Мурад полетел прямо к Солнцу. Самым удивительным было то, что за это время лед не растаял, а Мурад не почувствовал солнечного жара. Лишь ощутил в своем теле небольшое тепло. Он уловил запах весеннего ливня. Потом платок наполнился дождем. Мурад внимательно посмотрел на дождь. С неба падало расплавленное золото. Разлетающиеся по небу сверкающие крупинки падали на платок. Мурад уже по горло был зарыт внутри золота... Еще чуть-чуть, и он мог задохнуться. Он начал кричать, размахивать руками... Крик Мурада был услышан Солнцем. Оно несколько раз распустило и вновь собрало обратно свои лучи.

Потом появилась одна пери. Словно родилась из крупинок падающего золотого дождя.

– Миллионы лет никто не приближался к Солнцу так близко, как ты, – сказала пери Мураду. – Стоило кому-то приблизиться, как жар Солнца испепелял его. Но ты пришел. Тебя уберегла большая любовь царской дочери. Иди, Мурад, после этого твоя страна превратится в край длинных и солнечных дней... А собранные в платке крупинки золотого дождя – это подарок тебе от Солнца.

В один миг пери исчезла. Мурад еще долго смотрел вслед ей, рожденной из золотого дождя... Потом он вернулся в свою страну. Теперь он был богаче всех царей на свете. А самым большим богатством была любовь царевны...

Дети уже спали. Бабушка всех по очереди укрыла. Взглянув на Мелиссу, лежавшую на руках у Ады, она улыбнулась:

– Ты еще не спишь?

Мелисса хотела поблагодарить бабушку. Сказка, рассказанная ею этой ночью, доказала Мелиссе одну истину: обретение любовью бессмертия. За то, что, пройдя через все испытания и трудности, ей удалось выстоять и выжить, она была обязана своей большой любви в душе к людям.

***

Папа был болен... В доме все были расстроены. Требовалась срочная операция на сердце. Но денег на операцию не было. Даже сложив все имевшиеся в доме деньги, их все равно не хватало. В придачу надо было оставить деньги и на пропитание семьи... Бабушка с дедушкой делали все, что было в их силах. Теперь уже тендир разжигался пять раз в день, все испеченные лепешки продавались. Но все равно собрать необходимую сумму не получалось. Состояние отца становилось все хуже. Он стал трудно дышать, ничего не мог делать. Вот уже сколько дней как его мотоцикл с фургоном, которым он управлял, не трогался с места. Ада каждый день, взяв Мелиссу на руки, подходила к мотоциклу и, открывая его тяжелые дверцы, говорила:

– Скучаешь, да? Не бойся, мой папа выздоровеет. И потом он снова каждый день будет садиться на тебя и уезжать...

Когда Мелисса слушала этот разговор, у нее болело сердце за Аду. Как она могла помочь ей? Мелисса была просто-напросто куклой. Она не могла ни работать нигде, ни зарабатывать деньги. Чем же она могла помочь Аде, кроме как сильнее прижаться к ней. Но, оказывается, в действительности все было не так. Мелисса очень здорово смогла помочь Аде, вернее, этой семье. Она и сама поразилась тому, что она сделала. Это было так неожиданно...

Ада, взяв Мелиссу на руки, расхаживала по дому, разговаривая с ней:

– Малышка, я уже выросла. На следующий год пойду в школу. Тогда с кем я тебя оставлю? Значит, что ты должна сделать, Малышка? Ну-ка, скажи. А, не знаешь. Ты должна пойти в детский сад. И поэтому мы должны получить для тебя справку о здоровье. Все врачи должны обследовать тебя и сказать: «Эта кукла совершенно здорова и может ходить в детский сад».

Ада водила ее по комнатам и проводила врачебное обследование. В этих комнатах она сама и была врачом. В одной из комнат становилась хирургом:

– Входи, входи. Какая ты хорошая девочка. Как тебя зовут? Малышка... Ой какое красивое имя... Теперь стой ровно, проверим, не искривлен ли позвоночник. Не-е-е... Все хорошо. Ровный. А ноги? Дай проверю ступни твоих ног. Вот спасибо, дочка. И плоскостопия нет... Ты можешь ходить в детский сад.

В другой комнате становилась врачом-окулистом:

– У тебя очень красивые глаза, Малышка. Внимательно посмотри на висящую на стене доску. Что ты видишь там? В первом ряду.

Потом вместо Мелиссы сама слабеньким голосом отвечала:

– Звезду, цветок, жука...

– Вот молодец. Правильно. Можешь ходить в детский сад. Ты здорова.

В комнате зубного врача Ада пугалась самой себя:

– Смотри, Малышка. Посмотри, какие зубы у доктора. Видишь, ни один из них не почернел. Видишь, Малышка, какие у доктора здоровые зубы. А теперь, Малышка, ты открой рот, я посмотрю. Пошире открой, еще шире. Скажи а-а-а-а... Хорошо ухаживай за зубами, Малышка. Мне кажется, ты не чистишь зубы зубной щеткой. Правду говорю, не так ли?..

Потом они вошли в кабинет терапевта. Уложив Мелиссу, Ада приложила к ее груди конец вдетого в уши шнура и начала внимательно слушать:

– Сделай вдох. Теперь не дыши. Сделай выдох. Вот так... в груди какой-то шелест. Простудилась.

Потом она приставила конец шнура в руке к другому месту на груди. В этом месте что-то стукнуло. Мелисса и сама это почувствовала.

Из-за шума в ее груди Ада решила отвести ее на рентген. По замыслу Ады, рентгена в комнате не было. Но, судя по фантазии Ады, она предполагала, что он должен быть.

– У тебя в груди что-то стучит, Малышка. Это может быть очень опасно. Поэтому ты обязательно должна пройти рентген. Когда мне делали манту, рука немного распухла. Мама отвела меня на рентген. А я твоя мама. Да, Малышка? – не дождавшись ответа Мелиссы, она продолжила: – Теперь я тоже отведу тебя на рентген.

Ада забрала Мелиссу и вышла во двор. Она была взволнована. Что же так стучало в груди Мелиссы? «Лишь бы она не заболела», – так размышляя, она вышла во двор. Солнце обжигало своими лучами. Обычно весной бывало прохладно, но сегодня во дворе было удивительно жарко. Она встала прямо посередине двора, примерно определив место, куда больше всего падали солнечные лучи.

– Ну, вот, Малышка, это и есть рентген. Я буду осматривать тебя под лучами солнца. Ты будешь просвечивать насквозь.

Она подняла Мелиссу вверх. Держа ее на солнце, прищурила глаза. Внимательно посмотрела. И действительно, в груди у Мелиссы просматривались два круглых темных пятна. Опустив Мелиссу, она сдавила пальцами то место, где обнаружила два темных пятна:

– Бедненькая ты моя... Болит? Сильно болит, да, Малышка?

Мелисса, естественно, ничего не ответила. Но от радости она готова была обрести крылья и улететь, как и в той сказке бабушки, прямо к Солнцу. Она вспомнила, что у нее было в груди, что означали эти два темных пятна. Это были золотые монеты. Те самые, которые Тоту запихнул ей в грудь через прореху на шее. Какое счастье! Мелисса, и сама того не зная, помогла этой семье. Эти две золотые монеты были как нельзя кстати для операции отца Ады.

На крик Ады выскочили и Азиза с Фаридом. Ада, подержав Мелиссу под солнечными лучами, показала им темные пятна на ее груди:

– Вот здесь. Видите? Фарид, не нажимай пальцем так сильно, ей же больно. Бедная Малышка.

Детей сильно взволновала судьба Мелиссы. Азиза, как старшая сестра, посчитала своим долгом решить эту проблему. Она предложила отнести и показать Мелиссу бабушке. И Ада согласилась.

Бабушка в это время сгребала в кучу угли на дне тендира, собираясь разжечь его. Увидев приближение детей, она замахала рукой:

– Не подходите. Тысячу раз говорила, не крутитесь вокруг тендира. Идите играйте в другом месте.

– Не сердись, бабушка, – Азиза постаралась объяснить бабушке, в чем дело. – Ада обнаружила в груди Малышки два темных пятна.

– Не поняла. Какие еще темные круглые пятна? – смягчилась бабушка.

– Да, бабушка, она правду говорит, – подтвердила слова сестры Ада. – Сама смотрела.

Бабушка подняла голову. Вытерев руки фартуком, забрала Мелиссу у Ады. Повертела в руках. Ничего не нашла.

– Бабушка, потрогай вот здесь, – Ада указала пальцем на одну точку на груди Малышки. – Но поосторожней, ей больно.

Бабушка сдавила между двумя пальцами то место, на которое указала Ада. И действительно, там что-то было. Что-то твердое:

– Да, ты права. Здесь что-то есть.

Дети были взволнованы. Взяв Мелиссу, бабушка подошла к стоявшему посреди двора железному столу, ножки которого уходили в землю. Она села:

– Азиза, детка, иди и принеси мне мои очки.

В очках ей стало все ясно. Вернее, бабушка решила, что у Мелиссы в груди застряли две медные копейки. Ее совершенно не интересовало, каким образом эти медяки оказались там. Просто она посоветовала оставить их там же. Чтобы никто их не трогал.

– Бог знает, с каких пор они там. Если до сих пор они не помешали Малышке, то пусть там и останутся.

Но Ада думала иначе:

– Нет, бабушка, прошу тебя, вытащи их оттуда. Очень прошу. Они будут причинять Малышке боль. Я точно знаю. Обязательно причинят боль.

У бабушки дел было невпроворот. К тому же все ее мысли были заняты операцией отца. Никакого желания заниматься этими копейками в груди Мелиссы у нее не было. Но ей также не хотелось видеть слез Ады. Она решила оставить все свои дела. Уж если эти копейки так беспокоят Аду, их надо вытащить. Фарид отправился за ножницами, а Азиза – за иголкой и нитками. Ада ни на минуту не расставалась с Мелиссой, крепко держа ее в руках:

– Бабушка, я подержу ее, а ты будешь вытаскивать. Пусть она будет у меня на руках. Тогда ей не будет так больно. Ведь жалко ее.

Бабушка согласилась. Прямо на руках у Ады она чуть-чуть распорола шов у шеи Мелиссы. Потом кончиком ножниц осторожно начала выталкивать монеты. Две золотые монеты, со звоном упав на стол, закатились... Все с удивлением уставились на упавшие монеты. Хотя дети не сразу поняли, что это такое, бабушка не могла поверить своим глазам. Взяв монеты, она повертела их в руке.

– Две десятирублевые золотые монеты... Наверное, это послал детям сам Всевышний... Чтобы спасти их отца...

Ада не знала, что и сказать. И не только Ада, но и бабушка, и Азиза, и даже Фарид, который любил болтать без умолку. Бабушка молча вдела нитку в иголку. Осторожно зашила распоротые места у шеи Мелиссы. Она даже поцеловала Мелиссу в щеку, передавая ее Аде. Это был знак благодарности ей от всей семьи... В тот день в своей ночной сказке бабушка рассказывала о золотых монетах. Войдя в спальню к детям, бабушка, прежде чем приступить к сказке, обратилась к ним со словами:

– Дети, творить добро – это такое прекрасное чувство, которое не всем дано познать. Сегодня я еще раз убедилась, что каждый может совершить добро, будь то живое или неживое существо. В действительности Малышка – обыкновенная кукла. Но то добро, которое она совершила сегодня, в этой семье будут помнить долгие годы. Малышка спасла жизнь вашему отцу и сама обрела славную жизнь. Жизнь куклы, способной совершать добро. Этой ночью я буду рассказывать свою сказку в честь Малышки. Это японская сказка.

Все с волнением стали ждать сказки в честь Мелиссы. Наконец, бабушка своим тихим, мелодичным голосом приступила к сказке...

***

Дни пролетали так быстро... Золотые монеты Мелиссы стали настоящим спасением для семьи. Отец детей уже выздоровел. Он спокойно дышал, при ходьбе не страдал одышкой. Дети тоже были счастливы. Жизни отца уже не угрожала никакая опасность. С завтрашнего дня мотоцикл с фургоном опять заработает. Но пока что в его фургоне Ада играла в домики. И Мелиссу усадила в этом домике. Что-то готовила в своей маленькой пластмассовой кастрюльке, непрерывно помешивая, и, обращаясь к Мелиссе, говорила:

– Что, моя маленькая, проголодалась? Сейчас еда будет готова. Потерпи чуть-чуть. Ну, что, потерпишь?

Мелисса с интересом смотрела на еду, приготовленную Адой из травы, листьев и мелких камешек. И даже иногда чувствовала во рту ее вкус. Ада увлеченно хлопотала.

Бабушка по одному вытаскивала из тендира лепешки и, очистив их от гари, собирала в медный таз. Ада тоже то и дело что-то добавляла в еду:

– Может, добавить немного мяса? А, как ты думаешь, Мелисса, чтоб вкуснее было.

Вместо мяса Ада бросила в кастрюлю несколько камешков. Потом, будто пробуя на вкус, взяла ложку и поднесла ко рту:

– Отличный вкус. Ах, ах, ах. На, ты тоже попробуй. Вкусно, да?

Бабушка испекла все лепешки. Она вытряхнула тюфяк, на котором сидела, и скатерть из-под лепешек. Сложила и убрала. Забрав медный таз, двинулась домой. В это время Ада тоже объявила, что еда готова:

– Обед готов. Я накрыла стол. Пойду принесу немного хлеба.

Ада расставила тарелки. Ножи и вилки тоже были на месте. Не хватало только хлеба. Девочка спрыгнула с фургона вниз. Башмаки на маленьких ножках разлетелись в разные стороны. Она быстро подобрала их и надела на ноги. Бегом направилась к дому. Словно выжидая ее ухода, одна аистиха, прилетев откуда-то, села на край фургона. Сперва удивленно посмотрела на игрушки Ады: пластмассовые тарелки, ложки и вилки, кастрюлю, наполненную травой и камешками, разноцветные стеклышки, несколько книжек с картинками, цветные карандаши и Мелиссу... Аистиха смотрела на Мелиссу не отрывая глаз... Постояла, вытянув шею, чуть замялась в нерешительности и, внезапно схватив Мелиссу за розовые волосы, поднялась в воздух. Это произошло как раз в тот момент, когда Ада, держа в руке хлеб, бегом приближалась к фургону. Но Аистиха уже была в воздухе. Позади остались крики Ады: «Малышкаааааа...» Но аисты не любят возвращать то, что присвоили. Аистиха находилась в небе. Но все еще слышала крики и рыдания Ады: «Малышкаааааа...»

***

Аистиха летела долго, делая время от времени остановки. Вначале она села на стог сена, положив Мелиссу на желтую сухую траву. Внимательно посмотрела на нее, переворачивая клювом в разные стороны. Потом вновь молча схватила ее за розовые волосы и поднялась в воздух. Находившиеся на земле люди и дома становились все меньше и меньше. Уже не слышно было и голоса Ады. Но Мелисса была уверена, что Ада все еще плачет. Ее никак не могут унять и успокоить. Но вместе с тем она не решалась обвинять в этом Аистиху. Наверное, каждый аист имел право на приобретение куклы для своих птенцов. Но, конечно же, не таким путем. Это было настоящим похищением. Ада покинула свой домик всего на несколько минут. Аистиха без спросу «напала» на ее домик и, взяв в свой клюв ее любимую Малышку, улетела. Но, с другой стороны, что оставалось делать Аистихе? Ведь не все живые существа так удачливы, как люди, ведь ни змея, ни лягушка, ни слон, ни кит или аист не могли, как люди, отправиться в магазин и сказать: «Барышня, будьте добры, дайте мне вот эту куклу с розовыми волосами. У моей дочки или сына нет куклы». Вот почему те, кто относит вопросы грабежа и воровства и к животным, должны быть несколько осторожны, чтобы не влезать в их права. Конечно же, это были лишь мысли Мелиссы. Но в данный момент Мелисса сильно скучала по Аде. Она представляла те счастливые минуты, когда они, сидя напротив друг друга, ели еду из той пластмассовой кастрюльки, и ей становилось грустно. Не знала, как быть, обвинять или не обвинять в этом Аистиху, которая утащила ее в своем клюве. Ведь и Семен хала тоже забрала ее для своих детишек. Аистиха тоже утащила ее для своих птенцов. Мелисса сравнивала этих двух матерей с матерями брошенных детей, живших в лачуге цыганки. Как случилось, что они не смогли полюбить своих детей подобно этой Аистихе? Мелисса много размышляла над этими вопросами. Ещё находясь в доме цыганки, она наблюдала за жизнью этих беспризорников, полной страданий и истязаний. Но впервые она думала об этом, находясь в воздухе, к тому же в клюве аиста…

Они летели довольно долго… Наконец, Аистиха покружила вокруг одного красивого дома. Она опустилась чуть ниже, потом, внезапно развив скорость, взмыла вверх. Полетела и опустилась в большое гнездо, свитое на высоком электрическом столбе. Гнездо было свито из нагроможденных друг на друга веток деревьев. Внутри гнездо было устлано травой, усеянной перьями. Наверное, чтобы гнездо было тёплым и мягким.

Птенцы Аистихи, завидев их, пришли в движение. Запищали, захлопали крылышками. Аистиха положила Мелиссу в самую середину. Это означало, мол, «поиграйте все трое». Птенцы не обратили на Мелиссу особого внимания. Раскрыв свои клювы, они ждали еды от матери. Аистиха словно была несколько озадачена. Подхватив Мелиссу своим клювом, она вновь положила её посередине, словно объясняя им: «Детки, ну сколько можно есть, человеческие дети играют в куклы, так увлекаются книгами, занимаются чтением и письмом, что начинают управлять миром. Вы тоже займитесь этим…» После этих действий Аистихи её птенцы словно очнулись. Раскрыв крылья, они стали бить Мелиссу по шее, лицу. Потом начали клевать и толкать её. Наверное, это была манера игры аистят. Мать-аистиха, оставив птенцов за игрой, сама вновь улетела. На этот раз обязательно за пищей. Как только Аистиха улетела, из щелей гнезда выглянули разнообразные мелкие птицы. Они вышли из крохотных, с ладонь, гнёздышек. Воробьи, галки, скворцы… Мелисса была восхищена гостеприимством семейства аистов. Вытянув головы между аистятами, они клевали и щипали Мелиссу. Мелисса не знала, плакать ей или смеяться. Возможно, что в гнезде других птиц и можно было бы спокойно пожить. Но в гнезде аистов уж очень было шумно и много народу…

***

Мелисса проводила в гнезде аиста свою первую ночь. Было странное ощущение. Над её головой не было крыши, лишь тёмное небо, усеянное звездами. Светила луна. Больше ничего. Мелисса как будто начала любить такую жизнь. Но иногда её голову посещали такие мысли: «Птицы живут в домах без крыши, как уличные дети-беспризорники. Но у птиц хотя бы есть гнёзда, а у Мики и его друзей – только улицы. Холодные улицы без тепла и защиты…» Сравнивая жизнь Мики с друзьями и семьи Ады, Мелисса хотела поблагодарить родителей, сумевших построить гнездо своим птенцам, хозяев этого гнезда – отца-аиста и мать-аистиху.

Слышны были голоса летучих мышей. То и дело мелькали их тени. Время от времени то отец-аист, то мать-аистиха, подняв голову, вскакивали с места, зорко уставив свои глаза в сторону шума. И только убедившись в отсутствие опасности, они вновь засыпали. А Мелисса не могла заснуть. Она с удовольствием созерцала небо и звёзды. На небе какая-то светящаяся точка летела на большой скорости. Внимательно приглядевшись, Мелисса поняла, что это самолёт. Она вспомнила тот день, когда прилетела на самолёте в эту страну. Честно говоря, она совсем не сожалеет об этом. Солнечная, тёплая страна. Доброжелательные и гостеприимные люди. Но она вновь вспомнила ту старую кукольщицу, её заботливые руки и мелодичный голос. И Мелисса заснула…

– Мама, мама, скорей, аист упал… Мама…

Мелисса открыла глаза. Голос шёл снизу. Это был детский голос. Он плакал и кричал.

– Мама, аист упал… Скорей. Кажется, его ток ударил…

В гнезде тоже все были встревожены. Мать-аистиха, махая крыльями, издавала странные звуки. Встревоженные птенцы, кидаясь из стороны в сторону в гнезде, старались прижаться к матери. Воробьи, галки, скворцы, стоя на разных этажах в гнезде, наперебой кричали.

Они перепрыгивали с прутика на прутик, не зная, как помочь этой доброй семье, приютившей их.

Внизу голосов стало больше. Кто-то встревоженно говорил:

– Не бойся, сынок, не бойся. Ничего не случится с аистом… Смотри, видишь, он жив… Не плачь, детка, я сейчас же доставлю его к доктору.

Этот голос показался Мелиссе настолько родным, что в порыве увидеть того, кому принадлежал этот голос, она чуть не выпрыгнула из гнезда. Кто же это был?

Внизу послышался шум мотора:

– Видишь, сынок, я взяла его. Сейчас положу в машину и доставлю к ветеринару. У птиц есть свой доктор. Ветеринар обязательно вылечит его… Обещаю тебе.

Машина выехала со двора. Мать-аистиха тоже, взмахнув крыльями, поднялась в воздух. Она начала летать над машиной. Мелисса всё ещё находилась под действием услышанного голоса. И вот это событие… Отец-аист прикоснулся к электрическому проводу. Но Мелисса была уверена, что птица выживет. Ей казалось, что жильцов этого гнезда должны миновать все беды, потому что они были очень милосердны. Приютили в своём гнезде столько птиц. Большая часть пищи, которую они приносили, доставалась приютившимся в этом гнезде птицам. За всё это добро обязательно должно быть вознаграждение. Тревожные минуты ожидания сменяли друг друга. Внизу разговаривали двое детей:

– Ты видел, когда упал аист?

– Да, я был во дворе. Вдруг увидел, как из проводов появилась искра. И аист камнем упал на землю. Мама говорит, что выживет.

– Может быть…

– Не говори так. Обязательно выживет. Наверное, у него там в гнезде остались птенцы.

– Возможно… Не знаю.

– Да, есть. Они целыми днями таскают в гнездо корм… Значит, там есть птенцы…

Потом послышался гул машины:

– Мама вернулась…

Голоса детей взволновали и Мелиссу. Птенцы аиста тоже пищали. Вновь послышался родной голос:

– Аист жив, сынок. Но он пережил травму, потому пока слаб. И ещё…

– Да, мамочка, что ещё?

– Он так сильно ударился о землю, что сломал себе ножку.

– Ножку? Мама…

– Что поделаешь. Главное, что он жив. И ветеринар оказал ему необходимую помощь. И мы тоже будем ухаживать за ним, чтобы поскорее выздоровел.

Стало тихо. Потом вновь послышался голос мальчика:

– Мама, можно попросить тебя об одной вещи?

– Конечно, можно, сынок.

– Мама, давай перенесём гнездо аиста в другое место. В безопасное место. Чтобы не жили под электрическими проводами…

Послышался голос матери, так взволновавший Мелиссу:

– Верно говоришь. Обязательно надо. Мы должны были сделать это уже давно. Тогда бы не случилось всего этого. Хорошо, сынок, завтра скажем отцу, чтобы он вызвал каменщика. Мы построим для них в безопасном месте во дворе башню и переселим гнездо на её крышу.

Они прошли в дом. Голоса прекратились. Мать-аистиха опустилась в гнездо. Вытянула шею вперёд, и птенцы прижались к ней. Мелисса думала и гадала, кому мог принадлежать этот родной голос. Перед её глазами пронеслась вся её жизнь. Стала копаться в памяти. Вывод, к которому она пришла, заставил её содрогнуться.

И не будь она куклой, даже всплакнула бы. А может, и на самом деле всплакнула. Уж наверняка растрогалась до слез. И вытянутая вперед голова Аистихи припала к ее щеке. Мелисса забыла обо всем. Сейчас самое главное было позаботиться об этой семье, стать ей опорой. А это Мелисса умела лучше всех...

***

– Мама, мы сегодня будем переселять гнездо аиста?

– Да, сынок, вечером. После работы...

Мелисса услышала их разговор. Значит, этим вечером... Семейство аистов избавится от опасности. И Мелисса, наконец-то, увидит хозяйку этого голоса... Время как будто остановилось. День показался Мелиссе таким долгим. И не только Мелиссе, но и тому мальчику с девочкой, живущим в этом красивом доме.

– Что-то мама опаздывает...

– Не опаздывает. Они всегда приходят в это время... Мы же сейчас в ожидании... И поэтому нам кажется, что долго...

Папа с мамой вернулись. И не одни. Вслед за их машиной двигался большой подъемный кран. Желтый, величественный. Из подъемного крана вышли двое. На голове у них был шлем, и одеты они были в служебную спецодежду – комбинезон желтого, как и сам кран, цвета.

– Вы должны быть крайне осторожны. Мы должны сделать так, чтобы птицы поверили в доброжелательность наших намерений, не то они могут покинуть гнездо и улететь.

Папа с мамой подходили к нескольким крановщикам и, обратив внимание на их одежду, поведение, манеру разговора, примерно предположили, какое впечатление они могут произвести на птиц. Наконец, они посчитали приехавших с ними крановщиков подходящими для предстоящей работы. Приветливый, дружелюбный молодой человек и толстый мужчина средних лет с поседевшей раньше времени головой. Они поставили подъемный кран рядом с электрическим столбом. Кран поднялся вверх, остановившись прямо рядом с гнездом. Молодой человек находился внутри ковша крана. Толстяк управлял краном. Он действовал по указанию парня. Кран осторожно приблизился к гнезду. Парень вначале улыбнулся, потом, наклонившись головой вперед, вытянул руки в сторону гнезда. Аистихи в гнезде не было. Маленькие аистята и другие обитатели гнезда без умолку шумно галдели. Прежде чем снять со столба гнездо, парень должен был забрать птенцов и спустить их вниз. Остальные жильцы – воробьи, галки, скворцы – были чрезвычайно проворные и подвижные. Заметив парня, они тут же вспорхнули и разлетелись в разные стороны. В гнезде оставались три птенца и Мелисса. Парень осторожно, посвистывая, взял птенцов в руки и опустил их в корзину. Потом крикнул вниз:

– Здесь еще и кукла есть... – Там, внизу, его не услышали. – Эгеййй... Я с вами. Говорю, здесь еще и кукла есть. Брать или не брать?

– Что, кукла, говоришь? – удивились внизу.

Мальчик с девочкой оживились:

– Мама, что, у птиц тоже бывают куклы?

– Впервые слышу... – не смогла скрыть удивления мама. – Наверное, бывают. – и, задрав голову, сказала: – Бери, конечно же, бери. Забирай и куклу птиц.

Парень, посвистывая, забрал и Мелиссу. Повертев ее в руке, не удержался:

– Ну, спасибо вам, птицы. Хороший вкус у вас. Красивая куколка...

По знаку парня толстяк опустил ковш крана вниз. Все столпились у ковша. Первой, кто ахнул, была мама.

– Это ты... Кукла птиц... Моя милая Мелисса.

Мама плакала. Дети удивленно взирали на нее.

– Мама, мама, что с тобой, почему так плачешь?

– Мама, тебе жалко птиц, да? Ведь мы не разорили их гнезда. Просто перенесли в безопасное место.

Молодая женщина прижала Мелиссу к груди:

– Моя дорогая. Знаешь, сколько я тебя искала. Долго искала. В тот день шел дождь. Не дождь, а настоящий ливень, но я бродила по улицам. Везде искала тебя. Моя Мелисса... Но тебя нигде не было. Ты ушла...

Мелисса не ошиблась. Услышав в первый раз ее голос, она, несмотря на то, что прошло много лет, узнала Зохру. И теперь слезы Зохры падали ей на лицо, как и в детстве. Когда плакала, всегда прижимала Мелиссу к лицу, чтобы никто не видел ее слез. Слезы Зохры заливали лицо Мелиссы, как и сейчас. Все с удивлением смотрели на них. Дети, папа, молодой парень и мужчина-толстяк. Зохра не могла оторваться от Мелиссы:

– Не удивляйтесь, дети. Это Мелисса. Моя кукла. То есть кукла вашей мамы. Ее купил мне отец. В большом магазине со стеклянной витриной. Она лежала внутри железной сетчатой корзинки. Сама выбрала ее. А потом потеряла. В то время я была, как и вы, маленькой девочкой. И Мелисса была моей самой близкой подружкой...

Кран вновь направился в сторону гнезда на электрическом столбе. Теперь в ковше находились парень вместе с отцом детей. Они должны были так осторожно снять гнездо, чтобы из него не выпал ни один прутик. Осторожно. Нежно. С любовью...

Эпилог

Семейство аистов уже несколько дней жило по новому адресу. В безопасном месте, под наблюдением заботливых людей. Отец-аист тоже был с ними. Абсолютно здоровый. Сильный и гордый. Птенцы были счастливы. Гнездо огласилось их веселым щебетом. Целый день они своим щебетанием обсуждали какие-то важные для них вопросы. Кто-то из них в знак согласия пищал, кто-то в знак несогласия качал головой, взъерошив перья. Но к концу дня, кажется, они смогли прийти к общему решению. Мать-аистиха величественно встала. Как и в первый день появления Мелиссы в гнезде, Аистиха, схватив ее своим клювом за розовые волосы, подняла вверх. Потом стала подносить ее по очереди к каждому птенцу. Птенцы начали тереться об нее своими клювами. Мелисса поняла, что это прощание по-птичьему. Самый маленький и чуть более хилый из птенцов, схватив своим клювом Мелиссу за розовые волосы, потянул ее к себе. Отец-аист, собираясь что-то сказать, начал раскрывать и закрывать свой клюв. Слабенький и хилый птенец согласился с ним и отпустил волосы Мелиссы. В последний раз он припал головой к ее лицу... Мать-аистиха, держа Мелиссу в клюве, поднялась в воздух...

Мама с папой вернулись с работы. Дети бегали по двору, помогая выносить вещи из машины. Это произошло в одно мгновение. Мать-аистиха закружила над их головами. Все начали следить за странным поведением Аистихи. Аистиха опустилась перед мамой. Она положила Мелиссу на землю и улетела... Зохра подняла Мелиссу. Она внимательно посмотрела вслед за улетающей Аистихой и чуть слышно прошептала:

– Спасибо тебе, Аистиха. Это для меня самый чудесный подарок на свете...

ТОФИК АГАЕВ

Веселая грусть

Вчера, ребята,
Прямо в дом
Ко мне явилась
Грусть тайком.
За мной, как тень,
Ходила:
– Грусти, грусти! –
Твердила.
Конечно, я,
Что было сил:
– Уйди, уйди! –
Ее просил.

Но грусть
Не уходила:
– Грусти, грусти! –
Твердила.
Раз такое дело,
Запел я песню смело.
И что же
С грустью стало?
Быть грустной
Перестала!
Со мной плясала, пела...
В окошко улетела!

Футбол и скелет

Зовет меня мама: «Обедать пора!»
А я не хочу уходить со двора.
Пусть буду голодный, похож на скелет,
Готов я гонять мяч хоть тысячу лет!

Доктор Дятел

Устал я дятлу долбить,
Зачем же дерево долбить?
А он мне все перечит,
Что доктор он, и лечит.

Океан для попугая

Кричит попугай:
– Хочу пить! Хочу пить!
Дети забыли воды мне налить!
И так, видать, рассердился,
Что с клеткой вдаль устремился...
Может, он в Африке,
Может, в Конго.
– Прости нас! – дети просят громко. –
И быстро возвращайся к нам,
Воды нальем тебе океан!